

ВѢРА и РАЗУМЪ

ЖУРНАЛЪ БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКІЙ.

1897.

№ 15.

АВГУСТЪ.—КНИЖКА ПЕРВАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. ОТДѢЛЪ ЦЕРКОВНЫЙ:

Стр.

- Ложные Пророки въ Вѣтхомъ Заветѣ (продолженіе). *Свящ. В. Шингарева*. 121—135
- Св. Левъ Великій, его жизнь и творенія (продолженіе). *И. Дровдова* . 136—152
- Отвѣтъ А. А. Ниртѣву. (По старонатоліческому вопросу о „Filioque“ и „Пресуществленіи“). *Проф. А. Гусева* 153—204

II. ОТДѢЛЪ ФИЛОСОФСКІЙ:

- Отношеніе религіозныхъ вѣрованій къ наукамъ, по ученію А. Сабатье.
К. Истомина 85 ~~136~~
- Цѣсьма Иннокентія Митрополита Московскаго и Коломенскаго. 1828—1855.
Объявленіе

III. ЛИСТОКЪ для ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ:

Содержаніе. Отъ Правленія Харьковской Духовной Семинаріи.—Отъ Правленія Харьковскаго Духовнаго училища.—Епархіальныя извѣщенія.—Педагогическіе курсы для учителей второклассныхъ церковно-приходскихъ школъ въ г. Харьковѣ.—Объявленія.

ХАРЬКОВЪ.

Типографія Губернскаго Правленія, Петровскій пер., д. № 17.

1897.

„ВѢРА И РАЗУМЪ“

СОСТОИТЬ ИЗЪ ТРЕХЪ ОТДѢЛОВЪ:

1. Отдѣлъ церковный. Въ который входятъ все, относящееся до богословія въ обширномъ смыслѣ: изложеніе догматовъ вѣры, правилъ христіанской нравственности, изъясненіе церковныхъ каноновъ и богослуженій, исторія Церкви, обзорніе замѣчательныхъ современныхъ явленій въ религіозной и общественной жизни,—однимъ словомъ все, составляющее обычную программу собственно духовныхъ журналовъ.

2. Отдѣлъ философскій. Въ него входятъ изслѣдованія изъ области философіи вообще и въ частности изъ психологіи, метафизики, исторіи философіи, также біографическія свѣдѣнія о замѣчательныхъ мыслителяхъ древняго и новаго времени, отдѣльные случаи изъ ихъ жизни, болѣе и менѣе пространныя переводы и извлеченія изъ ихъ сочиненій съ объяснительными примѣчаніями, гдѣ окажется нужнымъ, особенно свѣтлыя мысли языческихъ философовъ, могущія свидѣтельствовать, что христіанское ученіе близко къ природѣ человека и во время изыщества составляло предметъ желаній и исканій лучшихъ людей древняго міра.

3. Такъ какъ журналъ „Вѣра и Разумъ“, издаваемый въ Харьковской епархіи, между прочимъ, имѣетъ цѣлю заимѣть для Харьковскаго духовенства „Епархіальныя Вѣдомости“, то въ немъ, въ видѣ особаго приложения, съ особою нумераціею страницъ, помѣщается отдѣлъ подъ названіемъ „Листокъ для Харьковской епархіи“, въ которомъ печатаются постановленія и распоряженія правительственной власти церковной и гражданской, центральной и мѣстной, относящіяся до Харьковской епархіи, свѣдѣнія о внутренней жизни епархіи, перечень текущихъ событій церковной, государственной и общественной жизни и другія извѣстія, полезныя для духовенства и его прихожанъ въ сельскомъ быту.

Журналъ выходитъ ДВА РАЗА въ мѣсяцъ, по девяти и болѣе листовъ въ каждомъ №.

Цѣна за годовое изданіе внутри Россіи 10 рублей, а за границу 12 руб. съ пересылкою.

РАЗРОЧКА ВЪ УПЛАТЪ ДЕНЕГЪ НЕ ДОПУСКАЕТСЯ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ Харьковѣ: въ Редакціи журнала «Вѣра и Разумъ» при Харьковской духовной Семинаріи, при свѣчной лавкѣ Харьковскаго Покровскаго монастыря, въ Харьковской конторѣ «Новаго Времени», во всѣхъ остальныхъ книжныхъ магазинахъ г. Харькова и въ конторѣ «Харьковскихъ Губернскихъ Вѣдомостей»; въ Москвѣ: въ конторѣ Н. Печковской, Петровскія лавки, контора В. Глязовскаго, Столѣшиныхъ переулокъ, д. Корзинкина; въ Петербургѣ: въ книжномъ магазинѣ г. Тузова, Садовая, домъ № 16. Въ остальныхъ городахъ Имперіи подписка на журналъ принимается во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ и во всѣхъ конторахъ «Новаго Времени».

Въ редакціи журнала «Вѣра и Разумъ» можно получать полныя экземпляры ея изданія за прошлые 1884—1889 годы включительно по уменьшенной цѣнѣ, именно по 7 р. за каждый годъ; по 8 р. за 1890 годъ, по 9 р. за 1891 г. и по 10 р. за 1892 годъ.

Лицамъ же, выписывающимъ журналъ за всѣ означенныя годы, журналъ можетъ быть уступленъ за 60 р. съ пересылкою.

Кромѣ того въ Редакціи продаются слѣдующія книги:

1. „Живое Слово“. Сочиненіе пресвященнаго Амвросія. Цѣна 50 к. съ перес.
2. „Древніе и современные софисты“. Сочиненіе Т. Ф. Бретано. Съ французскаго перевелъ Яковъ Новицкій. Цѣна 1 р. 50 к. съ пересылкою.
3. Справедливы ли обвиненія, вводимыя графомъ Львомъ Толстымъ на православную Церковь въ его сочиненіи „Церковь и государство?“ Сочиненіе А. Рождественна. Цѣна 60 к. съ пересылкою.
4. «Харьковскія Епархіальныя Вѣдомости» за 1883 г. Цѣна за экземпляръ съ пересылкою 3 р.

Πίστει νοοῦμεν.

Вѣрою разумѣваемъ.

Евр. XI. 3.

Дозволено цензурою. Харьковъ, 15 Августа 1897 года.
Временно-исправл. должность цензора
Протоіерей *Навелъ Солнцеваъ.*

ЛОЖНЫЕ ПРОРОКИ ВЪ ВЕТХОМЪ ЗАВѢТѢ.

(Продолженіе *).

Иной характеръ сравнительно съ прежнимъ получило почитаніе Ваала въ религиозной жизни народа израильскаго въ царствованіе Ахава. Въ это время мы видимъ не одновременное только, а и совмѣстное служеніе Іеговѣ и Ваалу. Введенный Ахавомъ культъ Ваала не вытѣснилъ и не замѣнилъ собою служенія Іеговѣ, а смѣшался съ этимъ послѣднимъ ¹⁾. Народъ

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ № 14, за 1897 г.

¹⁾ Гретцъ (*Geschichte d. Juden*. S. 25—26 ср. 23—24), Кейль (*Die Bücher d. Könige*. SS. 191. 200), Орелли (*Herzog. Real—Encyklopädie*. S. 275) и Вержболовичъ (*Пророческое служеніе въ израильскомъ царствѣ*. Стр. 119—120 ср. 115) безосновательно полагаютъ, будто Ахавъ, осуществляя религиозные планы своего отца Амвріа и дѣйствуя подъ вліяніемъ жены своей Іезавели, имѣлъ въ виду совершенно уничтожить въ царствѣ израильскомъ религію Іеговы и вмѣсто нея въ качествѣ единственнаго дозволеннаго государственнаго культа ввести финикійскій культъ Ваала и Астарты. Еще менѣе основательности въ томъ утвержденіе Гретца и Вержболовича, что Ахавъ при посредствѣ Іезавели дѣйствительно достигъ своей цѣли, разрушивъ жертвенники, посвященные Іеговѣ, Богу Израилеву (*Graetz. Geschichte d. Juden*. S. 26. Вержболовичъ. *Пророч. служеніе*. Стр. 120). На самомъ дѣлѣ Ахавъ и Іезавель не только не устранили въ царствѣ израильскомъ служенія Іеговѣ (конечно подъ образомъ тельцовъ), но и не имѣли намѣренія сдѣлать это. Библейскія свидѣтельства представляютъ Ахава исповѣдникомъ Іеговы, хотя плохимъ и постоянно колеблющимся. Мы видимъ, что Ахавъ пользуется услугами пророковъ Господнихъ, иногда принимаетъ ихъ голосу и даже смиряется предъ Іеговою подъ вліяніемъ ихъ пророческихъ возвѣщеній (3 Ц. 20, 13—14. 22. 28. 38—43. 21, 27—29). Нельзя думать, чтобъ онъ сталъ относиться такъ къ религіи Іеговы только послѣ дѣятельности Іліи на Кармилѣ. Кармилское жертвоприношеніе пророка, хотя и оказало весьма сильное вліяніе на возвышеніе религіи Іеговы въ государствѣ, нисколько не измѣнило намѣреній и плановъ ни Ахава, ни Іезавели. Ахавъ совершенно спокойно относится ко всему совершаемому Іліею на Кармилѣ, безпрекословно исполняетъ приказанія пророка (3

израильскій, по выраженію пророка Іліи, хромалъ на оба колѣна, почиталъ вмѣстѣ Іегову и Ваала, не полагая между ними существеннаго различія, и не задумываясь надъ тѣмъ, кто изъ нихъ истинный Богъ (3 Ц. 18, 21). Дѣятельность Іліи пророка и направлена была къ тому, чтобы очевиднымъ образомъ показать существенное отличіе Іеговы отъ Ваала, уничтожить это опасное двоевѣріе ¹⁾, вполнѣ возстановить не внѣшнее только почитаніе Іеговы, неустраненное совершенно Ахавомъ, но, главнымъ образомъ, истинное представленіе объ Іеговѣ, потемненное въ

Ц. 18, 19—20), нисколько не препятствуетъ избіенію пророковъ Вааловыхъ (3 Ц. 18, 40) и ограничивается только тѣмъ, что, возвратившись домой, передаетъ обо всемъ случившемся жепѣ своей Іезавели. Узнавъ о происшедшемъ, эта жестокая язычница приходитъ, правда, въ ярость, но вся злоба ея обрушивается на Ілію пророка (3 Ц. 19, 2); она грозитъ ему смертью, но лишь за то, что онъ избилъ пророковъ Вааловыхъ (3 Ц. 19, 2 ср. Keil. Die Bücher d. Könige S. 209) въ самомъ же важному результату его дѣятельности,—возвышенію значенія религіи Іеговы въ государствѣ относится безучастно. Она, очевидно, мирится съ произведеннымъ Іліею подъемомъ религіи Іеговы и не принимаетъ теперь никакихъ насильственныхъ мѣръ къ ея подавленію не почему либо иному, какъ потому, что уничтоженіе религіи Іеговы не входило въ ея намѣренія, а введенный ею культъ Ваала, не смотря даже на избіеніе пророковъ и служителей Вааловыхъ, не былъ устраненъ Іліею и оставался въ царствѣ израильскомъ и послѣ кармилъскаго происшествія. Если бы Ілія пророкъ своею дѣятельностью разрушилъ планы Іезавели, то эта нечестивая язычница, не знавшая удержа своимъ страстямъ и ни предъ какими средствами не останавливавшаяся для достиженія своихъ цѣлей, не замедлила бы воздвигнуть самыя жестокия гоненія на исповѣдниковъ религіи Іеговы, чего мы теперь повсе не видимъ. Есть даже основаніе думать, что Іезавель не только не желала уничтожить религію Іеговы въ царствѣ израильскомъ, но и считала необходимымъ сохраненіе ея при существованіи покровительствуемаго ею культа Ваала. Замысливъ убійство Навуеел, она самымъ тщательнымъ образомъ обставляетъ его всѣми формальностями закона Моисеева. Она предписываетъ обвинить Навуеелъ въ томъ, что онъ хулилъ Бога (какъ язычница она употребляетъ не Іегова, а общее наименованіе Бога Elohim) и царя, т. е. въ такомъ преступленіи, за которое закопомъ Моисеевымъ положена была смертная казнь чрезъ избіеніе камнями (Лев. 24, 11—16 ср. Исх. 22, 27 по тексту еврейскому), приказываетъ затѣмъ выставить противъ него двухъ свидѣтелей и такимъ образомъ согласно съ закономъ Моисеевымъ опредѣляетъ самую форму судопроизводства (Вт. 17, 6. 19, 15). Точнымъ соблюденіемъ этихъ формальностей пылалось въ виду придать преступленію законный видъ и незаконныхъ судей очистить въ глазахъ народа. И если Іезавель считала нужнымъ согласовать внѣшнюю сторону преступленія съ требованіями закона Моисеева, то она очевидно признавала за религіею Іеговы государственное значеніе. Болѣе правдоподобнымъ, поэтому, будетъ то предположеніе, что Ахавъ и Іезавель, не устранили религіи Іеговы и

¹⁾ Küper. Das Prophetenthum d. Alten Bundes. S. 122.

религіозномъ сознаніи Израиля примѣсью чуждыхъ языческихъ воззрѣній. Пророкъ стремится доказать, что Іегова—одинъ Богъ въ Израилѣ (3 Ц. 18, 36) и что только Ему, какъ единому истинному Богу, Израиль долженъ поклоняться и служить (ср. 3 Ц. 18, 21). Пророкъ лишь отчасти достигъ цѣли. Своею энергичною и неустрашимою дѣятельностью онъ поднялъ значеніе религіи въ государствѣ, освободилъ истинныхъ послѣдователей ея отъ жестокихъ преслѣдованій Іезавели (см. 3 Ц. 18, 4. 13) и поставилъ ихъ въ относительно независимое положеніе къ враждебно настроенному къ нимъ правительству. Послѣ жертвоприношенія на Кармилѣ и избіенія служителей

оставляя за нею значеніе государственнаго культа, желали предоставить такія же права и введенію ими культу Ваала. Такъ именно полагаетъ Келеръ (*Lehrbuch der Biblischen Geschichte Alten Testaments. II Hälfte, 2 Theil 1 Lieferung. Erlangen und Leipzig. 1889. S. 71 vgl. 74*). Противъ этого взгляда не служатъ возраженіемъ тѣ жестокія преслѣдованія, которымъ подвергались со стороны Іезавели псовѣдники религіи Іеговы въ началѣ царствованія Ахава. Преслѣдованія эти ограничились тѣснымъ кругомъ послѣдователей чистой религіи Іеговы, не принадлежавшихъ къ культу тельцовъ (3 Ц. 18, 4. 13. 19, 10. 14 ср. 4 Ц. 9, 7. Köhler. *Ibidem.* S. 74—75) и были несомнѣнно результатомъ фанатическаго озлобленія Іезавели, вызваннаго свѣсною оппозиціею ревнителевъ истинной вѣры противъ введенія служенія Ваала на правахъ государственнаго культа. Во время этого гоненія разрушены были жертвенники Іеговы, но только тѣ, на которыхъ приносили жертвы оставшіеся многиѣ вѣрными Іеговѣ послѣ введенія Іеровоамомъ культа тельцовъ. О такихъ именно жертвенникахъ говорится въ 3 Ц. 19, 10. 14, и къ числу ихъ принадлежалъ, несомнѣнно, возстановленный Іліею кармилскій жертвенникъ (3 Ц. 18, 30. Köhler. *Ibidem.* S. 46. Keil. *Die Bücher d. Könige.* S. 205. 212. Thénis. *Die Bücher d. Könige.* S. 226). Что же касается жертвенниковъ культа тельцовъ, каковы были жертвенники въ Веелѣ и Данѣ, то они, по всей вѣроятности, остались неприкосновенными, хотя и безусловно. Не разрушая этихъ особенно чтимыхъ народомъ мѣстъ поклоненія Іеговѣ, Ахавъ могъ поставить въ нихъ рядомъ съ изображавшими Іегову золотыми тельцами и статуи Ваала. Основаніе для такого предположенія даетъ отчасти 4 Ц. 3, 2—3. Сопоставляя 4 Ц. 3, 2—3 съ 4 Ц. 3, 13 и особенно съ 4 Ц. 10, 26—27, изъ которыхъ видно, что устроенное Ахавомъ капище Ваала съ находившеюся въ немъ статуей этого божества при Іорамѣ нисколько не измѣнилось, выраженіе священнаго писателя объ Іорамѣ въ 4 Ц. 3, 2—3 можно понять такъ, что Іорамъ, не уничтожая культа Ваала и собственно Ваалова капища, удалилъ статуи Ваала изъ жертвенниковъ въ Веелѣ и Данѣ и, такимъ образомъ, возстановилъ здѣсь служеніе однимъ только тельцамъ Іеровоамовымъ. Такъ полагать позволяеть и то обстоятельство, что священный историкъ, говоря о произведенномъ Іиуемъ разрушеніи Ваалова капища и о томъ, что Іиуй не отступалъ отъ грѣховъ Іеровоама (4 Ц. 10, 27—29), ничего не сообщаетъ ни объ очищеніи, ни о возстановленіи жертвенниковъ въ Веелѣ и Данѣ.

Вааловыхъ, дѣятельность истинныхъ пророковъ Господнихъ значительно оживилась. Они съ большею свободою выступаютъ во имя Іеговы, Бога Израилева, принимаютъ участіе въ общественной и политической жизни, являются въ важныхъ дѣлахъ совѣтниками и даже обличителями царя (3 Ц. 20, 13—14. 22. 28. 35 и д.), не подвергаясь тѣмъ массовымъ преслѣдованіямъ, какія имъ приходилось терпѣть раньше ¹⁾. Однакожъ религіозное состояніе народа нисколько отъ этого не улучшилось. Происшедшая было на Кармилѣ перемѣна въ религіозныхъ воззрѣніяхъ народа (3 Ц. 18, 39) не имѣла рѣшительнаго вліянія на дѣйствительное обращеніе народа къ Іеговѣ. По откровенію Божию, данному Іліи пророку послѣ жертвоприношенія на Кармилѣ, вызвавшего, повидимому, въ народѣ чувство благоговѣйнаго страха предъ величіемъ и могуществомъ Іеговы (3 Ц. 18, 39), между израильтянами на самомъ дѣлѣ осталось только семь тысячъ мужей, вполне вѣрныхъ Іеговѣ и не преклонившихся предъ Вааломъ (3 Ц. 19, 18). Остальная же часть народа или вѣрнѣе весь народъ продолжалъ хромать на оба колѣна. Совмѣстное почитаніе Іеговы и Ваала существовало въ царствѣ израильскомъ не только при Ахавѣ, и послѣ кармилскаго жертвоприношенія не устранившемъ Ваалослуженія (3 Ц. 21, 25—26), ²⁾ но и при двухъ его сыновьяхъ,—Охозіи (3 Ц. 22, 52—53) ³⁾ и Іорамѣ, ⁴⁾ послѣдо-

¹⁾ Единичные случаи преслѣдованія истинныхъ пророковъ, не столь, впрочемъ, жестокаго, какъ раньше, были и теперь (3 Ц. 22, 26—27).

²⁾ Вержболовичъ. Пророческое служеніе... Стр. 144.

³⁾ Köhler. Lehrbuch der. Biblischen Geschichte... S. 75. Священный писатель не оставляетъ сомнѣній въ томъ, что Охозія, покровительствуя Ваалослуженію, считалъ нужнымъ поддерживать въ государствѣ и религію Іеговы въ формѣ тельцовъ Іеровоамовыхъ. Онъ такъ выражается о религіозной политикѣ Охозіи: *дѣлалъ неудобное предъ очами Господа и ходилъ путемъ отца своего и путемъ матери своей, и путемъ Іеровоама, сына Наватова, который ввелъ Израиль въ грѣхъ: онъ служилъ Ваалу и поклонялся ему, и противалъ Господа Бога осмысленнаго, что дѣлалъ отецъ его.*

⁴⁾ Іорамъ сдѣлалъ было попытку ослабить культъ Ваала и возвысить значеніе религіи Іеговы. Онъ, по сказанію 4 Ц. 3, 2, спилъ статую Ваала, которую сдѣлалъ отецъ его, быть можетъ, съ жертвенниковъ въ Веонѣ и Данѣ (см. примѣч. на стр. 98). Попытка эта имѣла однако весьма малый успѣхъ. Установившееся при Ахавѣ религіозное состояніе народа не измѣнилось и при Іорамѣ. При немъ существовало во всей силѣ не только служеніе Ваалу (4 Ц. 10, 18—

вательно занимавшихъ престолъ израильскій. Иуѳъ, по повелѣнію Божію, умертвившій Іорама и весь домъ Ахава (4 Ц. 9, 24—10, 11), уничтожилъ культъ Ваала (4 Ц. 10, 17—28) и попрежнему установилъ служеніе одному только Іеговѣ подъ образомъ тельцовъ (4 Ц. 10, 29. 31), но не надолго. По свидѣтельству Михея пророка, въ его время религіозное состояніе израильтянъ было въ такомъ же положеніи, какъ и при Ахавѣ. *Сохранились у васъ обычаи Амврія и всѣ дѣла дома Ахавова и вы поступаете по совѣтамъ ихъ* (Мих. 6, 16),—говоритъ пророкъ въ обличеніе своихъ современниковъ. И дѣйствительно, въ книгѣ пророка Михея есть указанія, что предаваясь идолослуженію, израильтяне не оставляли и почитанія Іеговы (1, 7 ср. 6, 6—7). Но не при Михеѣ пророкъ, и слѣдовательно, не въ послѣднее только время существованія царства израильскаго (Мих. 1, 1 ср. 4 Ц. 15, 32) снова появилось установившееся въ царствованіе Ахава совмѣстное почитаніе Іеговы и боговъ языческихъ. Проявленія его очень замѣтны уже при Іеровоамѣ II, четвертомъ царѣ изъ дома Іуѳа. Хотя священный писатель кн. Царствъ ставитъ ему въ вину только то, что онъ не отступалъ отъ грѣховъ Іеровоама, сына Наватова (4 Ц. 14, 24), но у современныхъ ему пророковъ,—Амоса и Осіи и въ особенности у послѣдняго есть не мало свидѣтельствъ, не оставляющихъ никакого сомнѣнія въ существованіи въ его время совмѣстнаго служенія Іеговѣ и Ваалу (ср. Ос. 2, 8. 13, 16. 17. 4, 13—15 ср. Ос. 2, 11. 8, 13 А.м 5, 21—22) ¹⁾.

28), но и совмѣстное почитаніе Іеговы и Ваала, какъ это съ особенною ясностью открывается изъ 4 Ц. 10, 23. Опасеніе Іуѳа, какъ бы въ домѣ Вааловомъ не оказались служители Господни, даетъ право предполагать, что эти послѣдніе принимали участіе въ жертвоприношеніяхъ въ честь Ваала вмѣстѣ съ служителями и священниками Вааловыми (см. 4 Ц. 10, 19).

¹⁾ Köhler. Lehrbuch d. Biblischen Geschichte... S. 61—62. 66—67. Вержболовичъ. Пророческое служеніе въ израильскомъ царствѣ. Стр. 297—299. Изъ указанныхъ свидѣтельствъ пророка Осіи Келеръ совершенно произвольно выводитъ заключеніе, будто народъ частнымъ образомъ служивъ Ваалу уже при первыхъ царяхъ израильскихъ до династїи Амврія (Köhler. Ibidem S. 71). Пророкъ говоритъ о своемъ или близкомъ къ нему времени, и его свидѣтельства не могутъ быть относимы къ такому отдаленному времени, какъ время первыхъ царей израильскихъ.

Итакъ, за исключеніемъ правленія первыхъ трехъ царей династіи Іуя, со времени Ахава ѣ до самаго паденія царства израильскаго въ религіозномъ сознаніи народа Ваалъ и другіе языческія божества пользуются одинаковымъ значеніемъ съ Іеговою, Богомъ Израилевымъ. Это своеобразное направленіе религіозной жизни израильтянъ самымъ гибельнымъ образомъ отозвалось на чистотѣ и цѣлости религіи Іеговы. Оно повлекло за собою совершенное искаженіе религіи Іеговы въ сознаніи и жизни народа израильскаго и было вѣрнымъ признакомъ упадка теократіи. Самая возможность одновременнаго и совмѣстнаго служенія Іеговѣ и Ваалу предполагаетъ въ народѣ израильскомъ значительное поврежденіе его религіозныхъ воззрѣній. Почитая наравнѣ съ Іеговою Ваала и другія языческія божества, народъ, очевидно, не видѣлъ между ними различія (ср. 3 Ц. 18, 21). Іегова, такимъ образомъ, утрачивалъ въ сознаніи народномъ черты единаго истиннаго Бога и приравнивался къ Ваалу и другимъ божествамъ. Во время Осіи пророка къ Іеговѣ приложено было даже названіе Ваала (Ос. 2, 16) ¹⁾, до того извращено было въ народѣ истинное представленіе о Богѣ Израильскомъ. Искаженная такимъ образомъ въ своихъ основахъ, религія Іеговы хотя и оставалась въ народѣ израильскомъ, но потеряла свое значеніе и силу. Она была лишена своего высоко-нравственнаго содержанія и ограничена одною лишь внѣшнею обрядовою стороною. Нравственная жизнь народа, не управляемая болѣе закономъ Божіимъ, выразилась во всевозможныхъ грубыхъ порокахъ, и рядомъ съ исполненіемъ обрядовыхъ постановленій религіи Іеговы мы встрѣчаемъ поразительное пренебреженіе нравственными ея требованіями. Такъ именно относился народъ израильскій къ религіи Іеговы во время пророковъ Осіи и Амоса, дѣйствовавшихъ въ царствованіе Іеровоама II (Ос. I, Ам. I, 1), и Михея, жившаго въ самое послѣднее время существованія царства израильскаго (Мих. 1, I ср. 4 Ц. 15, 32). Изображая религіозно-нравственную жизнь своихъ современниковъ, пророки эти отмѣчаютъ двѣ главныя ея особенности: съ одной стороны, крайнее

¹⁾ Вержболовчъ. Пророческое служеніе... Стр. 356.

нравственное развращеніе, съ другой—исключительно внѣшнее формальное отношеніе къ религіи Іеговы. Народъ обремененъ былъ многочисленными преступленіями и тяжкими грѣхами (Ам. 5, 12). Клятва и обманъ, убійство и воровство, прелюбодѣяніе и кровопролитіе, насилія и притѣсненія всякаго рода крайне распространились и сдѣлались обычными явленіями (Ос. 4, 2 ср. Ос. 5, 2 4. 7, 1 и д. 10, 4, 13, 11, 7, 12. Ам. 2, 6—8. 4, 1. 5, 7. 11—15 6, 4—6. Мих. 2, 1—2 8—9. 3, 2—3. 6, 10—12 и мн. др.). *Не стало милосердныхъ на землю, читаемъ у пророка Михея. Нѣтъ правдивыхъ между людьми; всѣ строятъ ковы, чтобы проливать кровь; каждый ставитъ брату своему стѣну. Руки ихъ обращены къ тому, чтобы умѣть дѣлать зло; начальникъ требуетъ подарковъ, и судья судитъ за взятки, а вельмажи высказываютъ злыя похотѣнія души своей и извращаютъ дѣло. Лучшій изъ нихъ—какъ тернъ и справедливый—хуже колючей изгороди (Мих. 7, 2—4).* Это глубокое развращеніе, охватившее всѣ классы общества, проникло и въ семью и совершенно подорвало добрыя семейныя отношенія. *Не вѣрьте другъ другу, не полагайтесь на пріятеля,* говоритъ тотъ же пророкъ. *Отъ лежащей на лонѣ твоемъ стерели двери устъ твоихъ. Ибо сынъ позоритъ отца, дочь возстаетъ противъ матери, невѣстка—противъ свекрови своей; враги человеку—домашніе его (Мих. 7, 5—6).* При такомъ крайнемъ упадкѣ нравственной жизни обрядовыя предписанія религіи Іеговы, по свидѣтельству тѣхъ же пророковъ, исполнялись израильтянами довольно точно и даже усердно. Недостатокъ истиннаго благочестія и правой жизни они думали восполнить принесеніемъ обильныхъ жертвъ, соблюденіемъ субботъ и праздниковъ и этимъ формальнымъ исполненіемъ обрядовыхъ предписаній угодить Богу (Ос. 8, 13. Ам. 5, 21—22. 8, 10. Мих. 6, 6—7). Усердіе ихъ въ этомъ отношеніи доходило до того, что помимо положенныхъ закономъ жертвъ и десятинъ приносили еще добровольныя (Ам. 4, 4—5), въ субботы и праздники воздерживались отъ купли и продажи, хотя и съ большимъ неудовольствіемъ и горькимъ сѣтованіемъ на то, что въ эти дни они лишены возможности удовлетворять постыдной своей страсти къ наживѣ путемъ обма-

на и хитрости (Ам. 8, 5—6). Это странное совмѣщеніе глубокой нравственной распущенности съ внѣшнимъ исполненіемъ обрядовыхъ постановленій закона, свидѣтельствовавшее о совершенномъ искаженіи религіи Іеговы въ сознаніи народа, было прямымъ результатомъ совмѣстнаго служенія Іеговѣ и Ваалу и, по объясненію пророка Осіи, ближайшую причину имѣло въ отсутствіи истиннаго вѣдѣнія, истиннаго Богопознанія (4, 1. 6. 6, 6). Предрекая, поэтому, гибельныя послѣдствія принятаго израильтянами направленія религіозно-нравственной жизни, пророки Осія, Амосъ и Михей съ особенною настойчивостью стараются внушить имъ, какъ недостаточность внѣшняго формальнаго отношенія къ религіи Іеговы, такъ и необходимость обратиться къ добру, милости и правдѣ и искать истиннаго Богопознанія. Изъ всѣхъ относящихся сюда изреченій пророческихъ (Ос. 8, 13. Ам. 3, 4—5 5, 21—22. Мих. 6, 6—7. Ос. 12, 6. Ам. 5, 14—15. Мих. 6, 8) особенно характерно изреченіе Осіи пророка: *милости хочу, а не жертвы, и Боговѣдѣнія болѣе, нежели всесоюзженій* (6, 6), прекрасно обрисовывающее какъ религіозныя недуги того времени, такъ и ихъ истинныя причины.

Такъ отражалось совмѣстное служеніе Іеговѣ и Ваалу на состояніи религіи Іеговы въ жизни народа израильскаго въ періодъ дѣятельности пророковъ Амоса, Осіи и Михея. Таковы же были его результаты и въ первое время возникновенія его при Ахавѣ. То же исключительно формально-обрядовое пониманіе религіи Іеговы, то же полнѣйшее неуваженіе къ нравственнымъ ея требованіямъ—были отличительными особенностями религіозно-нравственнаго состоянія израильтянъ и въ это время, лучшимъ подтвержденіемъ чего служитъ убійство Навуея. Это незаконное убійство обставлено было, какъ извѣстно, всѣми необходимыми формальностями закона Моисеева (3 Ц. 21, 12—13 ср. Лев. 24, 11—16. Вт. 17, 6. 19, 15) ¹⁾.

¹⁾ Совершенно справедливо Бэръ придаетъ весьма важное значеніе факту убійства Навуея, считая его поворотнымъ пунктомъ въ исторіи теократіи Lange, Die Bücher d. Könige. S. 223. Въ этомъ фактѣ дѣйствительно со всею ясностью выступила глубокая нравственная порча, охватившая всѣ классы общества и свидѣтельствовавшая о коренномъ извращеніи тѣхъ религіозно-нравственныхъ основъ, на которыхъ покоялся союзъ народа съ Богомъ.

Итакъ, религія Іеговы, подвергшись совершенному искаженію въ сознаніи и жизни израильтянъ уже при Ахавѣ, въ такомъ же положеніи находилась въ періодъ дѣятельности пророковъ Амоса, Осіи и Михея, т. е. съ царствованія Іеровоама II, четвертаго царя изъ дома Іиуя, до самаго паденія царства. Это смутное время религіозной жизни Израиля было наиболѣе благопріятнымъ моментомъ для возникновенія и развитія ложнаго пророчества Іеговы. Теперь именно, когда религія Іеговы извращена была кореннымъ образомъ, представлялась полная возможность дѣйствовать лживо отъ имени Іеговы,— проповѣдывать пустое и мечты сердца своего, безъ опасенія быть уличеннымъ въ обманѣ со стороны утратившаго чистоту своихъ вѣрованій народа. И дѣйствительно, появившись впервые при Ахавѣ во вторую половину его царствованія (см. 3 Ц. 22 гл.), когда послѣ жертвоприношенія Іліи пророка на Кармилѣ вполне обозначились недостатки религіозной жизни израильтянъ, ложные пророки Іеговы въ самыхъ широкихъ размѣрахъ развиваютъ свою дѣятельность въ царствованіе Іеровоама II и слѣдовавшихъ за нимъ царей (Мих. 3, 5—11. Ос. 9, 7—8. 4, 5 ср. Ам. 7, 12—14), когда недостатки эти глубоко укоренились и окончательно расшатали устои теократіи. Нѣтъ въ библии слѣдовъ существованія ложныхъ пророковъ Іеговы при первыхъ трехъ царяхъ династіи Іиуя. Но это время и не представляло удобныхъ условій для ихъ дѣятельности. Ревность Іиуя, истребившаго Ваала съ земли израильской (4 Ц. 10, 28) и, главнымъ образомъ, широкая просвѣтительная дѣятельность Елисея пророка¹⁾ не могли не отразиться благотворно на состояніи религіи Іеговы въ народѣ израильскомъ. Свободное развитіе школъ пророческихъ, разсѣянныхъ по различнымъ пунктамъ страны (4 Ц. 2, 3. 5 ср. 2, 15 4, 37. 6. 1—3), глубокое уваженіе, которымъ пользовался Елисей,

1) Существовавшія въ то время въ Веѣилѣ, Іерихонѣ и Галгахяхъ и дѣйствовавшія подъ руководствомъ Елисея школы пророческія (4 Ц. 2, 3. 5. 15. 4, 37. 6, 1—3. 9, 1) не мало могли содѣйствовать утвержденію истинныхъ религіозныхъ воззрѣній въ народѣ, а самъ Елисей пророкъ, съ цѣлью непосредственнаго вліянія на народъ, не имѣлъ даже опредѣленнаго мѣстожителства и все время своей дѣятельности провелъ въ постоянныхъ переходахъ по странѣ (4 Ц. 2, 23. 25. 4, 8—10. 25. 38. 6, 13. 8, 7 и др.).

какъ пророкъ Бога истиннаго, со стороны царей, высшихъ начальниковъ и народа (4. Ц. 4, 13. 6, 21. 8, 4—6, 13, 14. 4, 9), вполне спокойный тонъ дѣятельности пророковъ и отсутствіе въ рѣчахъ ихъ обличеній,—все эти свѣтлыя стороны религіозной жизни израильтянъ того времени свидѣлствуютъ не только объ искренней расположенности ихъ къ религіи Іеговы, но и о происшедшей въ ихъ религіозныхъ воззрѣніяхъ существенной перемѣнѣ. Религія Іеговы на время освобождена была отъ языческихъ заблужденій и изъ жизни израильтянъ устранены были на время тѣ условія, безъ которыхъ не могли проявлять своей дѣятельности ложные пророки.

Что время искаженія религіи дѣйствительно было единственно удобнымъ временемъ какъ для возникновенія, такъ и для развитія ложнаго пророчества, подтвержденіе этого находимъ не только въ исторіи царства израильскаго, но и іудейскаго. Въ царствѣ іудейскомъ ложные пророки Іеговы въ первый разъ появляются въ періодъ дѣятельности Исаи пророка (Ис. 9, 14—15. 28, 7. 29, 9—10). Но именно во время этого пророка и въ частности въ царствованіе Ахаза религіозно-нравственное состояніе народа іудейскаго совершенно аналогично тому, въ какомъ находились израильтяне при Ахавѣ ¹⁾. Ахазъ—первый царя іудейскій, посягнувшій на цѣлость религіи Іеговы. Онъ не ограничился политикою нѣкоторыхъ своихъ предшественниковъ, допускавшихъ только существованіе иноземныхъ культовъ, а установилъ совмѣстное служеніе Іеговѣ и богамъ языческимъ. Онъ ввелъ культъ Ваала, Молоха и Астарты (4 Ц. 16, 3—4 ср. 2 Пар. 28, 2—4) ²⁾, и, не уничтожая религіи Іеговы ³⁾, преобразовалъ ее по образцу этихъ культовъ ⁴⁾. По сказанію 4 Ц. 16, 10—15, онъ приказалъ первосвященнику Ури вмѣсто мѣднаго жертвенника Соломонова сдѣлать для храма іерусалимскаго новый по образцу видѣннаго имъ въ Дамаскѣ и на этомъ идольскомъ жертвенникѣ приносить уста-

¹⁾ Küper. Das Prophetenthum d. Alt. Bundes. S 120.

²⁾ Lange. Die Bücher d. Könige SS. 381. 387. Keil. Die Bücher d. Könige. S 329. Thenius. Die Bücher d. Könige. S. 369—370.

³⁾ Lange. Die Bücher d. Könige. SS. 387. 385.

⁴⁾ Lange. Ibidem. S. 388.

новленные закономъ жертвы Іеговѣ. Ахазъ такимъ образомъ совершенно искажилъ религію Іеговы, смѣшавъ и приблизивъ ее къ культамъ языческимъ. Результаты этого искаженія не замедлили обнаружиться въ жизни іудеевъ и притомъ въ точно такихъ же явленіяхъ, какими оно сопровождалось въ царствѣ израильскомъ при Ахавѣ и другихъ, поддерживавшихъ его религіозную политику, царяхъ. По изображенію современнаго Ахазу пророка Исаи, религіозно-нравственная жизнь іудеевъ представляла пеструю смѣсь грубыхъ пороковъ съ внѣшнимъ формальнымъ служеніемъ Іеговѣ. Народъ, отягченный беззаконіями и грѣхами (Ис. 1, 4), весь въ язвахъ и ранахъ (1, 5—6), служилъ Іеговѣ, но это служеніе сведено было къ внѣшнему исполненію обрядовыхъ постановленій закона, къ принесенію жертвъ и соблюденію новомѣсячій и субботъ (1, 11. 13). Совершая въ одно и то же время *беззаконія и празднованія* (1, 13), іудеи оставили Господа и презрѣли Святаго Израилева (1, 4), чтили Его языкомъ и устами своими, сердце же ихъ далеко отстояло отъ Него (29, 13). Религія Іеговы стала такимъ образомъ совокупностью однихъ лишь обрядовъ безъ опредѣленнаго ясно сознаваемаго содержанія и, потерявъ жизненную свою силу, повлекла за собою искаженіе теократіи, изъ живаго союза народа съ Богомъ перешедшей во внѣшній формальный союзъ. Къ этому времени искаженія религіи Іеговы и теократіи въ царствѣ іудейскомъ относится появленіе первыхъ іудейскихъ ложныхъ пророковъ. Самое же большее развитіе ихъ дѣятельности падаетъ на время Іереміи пророка и послѣднихъ царей іудейскихъ. Никогда ложные пророки Іеговы не выступали въ такомъ множествѣ и не имѣли такого громаднаго вліянія на ходъ общественной и политической жизни, какъ въ эти послѣдніе дни существованія царства іудейскаго, но, съ другой стороны, никогда не проявлялись такъ рѣзко и указанные недостатки религіозной жизни іудеевъ. Совмѣстное служеніе Іеговѣ и богамъ языческимъ съ неизбѣжными его послѣдствіями—исключительно обрядовымъ пониманіемъ религіи Іеговы и крайнимъ нравственнымъ развращеніемъ—такъ глубоко укоренилось въ жизни іудеевъ, что самая энергичная борьба съ нимъ истинныхъ пророковъ Господнихъ не имѣла

ни какого успѣха. Вотъ какъ изображаетъ Іеремія пророкъ религіозно-нравственное состояніе своихъ современниковъ: *Вы крадете, убиваете и прелюбодѣйствуете, и клянетесь въ лжи, и кадите Ваалу, и ходите во слѣдъ иныхъ боговъ, которыхъ вы не знаете, и потомъ приходите и становитесь предъ лицемъ Моимъ въ домъ семъ, надъ которымъ наречено имя Мое, и говорите: „мы спасены“, чтобы впередъ даласть всѣ эти мерзости (Іер. 7, 9—10).* Въ такомъ печальномъ состояніи совершеннаго искаженія находилась религія Іеговы и теократія наканунѣ паденія іудейскаго царства, когда ложные пророки Іеговы, пользуясь ослѣпленіемъ народа, развили самую широкую дѣятельность, и обольщая его обманчивыми обѣщаніями, подготовляли его политическую гибель.

Итакъ, ложное пророчество Іеговы въ своемъ происхожденіи и развитіи, какъ въ царствѣ израильскомъ, такъ и въ іудейскомъ стоитъ въ связи съ искаженіемъ въ сознаніи и жизни израильтянъ и іудеевъ религіи Іеговы и теократіи. Однакожъ связь этихъ явленій религіозной жизни народа избраннаго не внѣшняя только и касается не одного лишь времени ихъ возникновенія и развитія. Ложное пророчество Іеговы появляется не только во время, а и подъ непосредственнымъ вліяніемъ упадка религіи Іеговы и теократіи въ народѣ избранномъ. Вполнѣ обнаружившееся при Ахавѣ и Ахазѣ искаженіе теократіи еврейской, имѣвшее ближайшей своей причиной совмѣстное служеніе Іеговѣ и богамъ языческимъ и выразившееся въ жизни народа Божія въ крайнемъ нравственномъ развращеніи и во внѣшнемъ формальномъ отношеніи къ религіи Іеговы, не носило характера случайнаго и временнаго явленія, а было совершенно опредѣлившимся устойчивымъ направленіемъ религіозной жизни, получившимъ господствующее и государственное значеніе въ обоихъ царствахъ. Вводя служеніе богамъ языческимъ и не уничтожая почитанія Іеговы, Бога Израилева, Ахавъ и Ахазъ хотя и поступали такъ, главнымъ образомъ, по политическимъ соображеніямъ, но самый успѣхъ этой ихъ дѣятельности служитъ знакомъ того, что произведенное ими чрезъ смѣшеніе религіи Іеговы съ идолослуженіемъ извращеніе теократіи имѣло для себя готовую почву въ религіозномъ состо-

явіи израильтянъ и іудеевъ и было результатомъ предшествующаго развитія религіозной ихъ жизни. Такое важное явленіе, какъ искаженіе теократіи, совершенно измѣнившее характеръ и направленіе всѣхъ сторонъ жизни народа избраннаго, не могла, конечно, совершиться вдругъ и не было дѣломъ одного какого-либо царя. Да и вообще оно не было дѣломъ однихъ только царей, и главными виновниками его какъ въ царствѣ іудейскомъ, такъ и въ израильскомъ были не столько цари, сколько окружавшіе ихъ тронъ князья и вельможи, раздѣлявшіе съ царями бремя правленія государствомъ. Въ жизни и дѣятельности этихъ послѣднихъ пужно искать причинъ какъ искаженія теократіи, такъ и происхожденія ложнаго пророчества Іеговы.

Со времени Давида въ царствѣ еврейскомъ образовалось высшее аристократическое сословіе. Въ составъ его входили члены царской семьи—сыновья, дяди и племянники царя (2 Ц. 8, 18. 1 Пар. 18, 17 2 Пар. 28, 7 Іер. 36, 26. 38, 6. 2 Ц. 13, 3. 32. 1 Пар. 27, 32), нерѣдко принимавшіе непосредственное участіе въ управленіи государствомъ,¹⁾ лица, занимавшія придворныя и государственныя должности (2 Ц. 8, 16—18. 20, 23—26. 1 Пар. 18, 15—17. 27, 32—34 и др.), носившія титулъ князей (ср. Іер. 36, 12. 2 Пар. 30, 2. 6. 24, 17. 4 Ц. 24, 12. 14 и др.) и извѣстныя въ Библии подъ именемъ сановниковъ (4 Ц. 7, 2. 9, 25. 2 Пар. 26, 11), придворныхъ (4 Ц. 8, 6), и, наконецъ, начальники колѣнъ израильтянъ, такъ называемые главы поколѣній или старѣйшины народные (1 Пар. 29, 6. 2 пар. 23, 2. 4 Ц. 23, и др.)²⁾. Всѣ эти лица, участвуя въ государственномъ управленіи и нерѣдко состоя ближайшими совѣтниками царя (2 Цар. 15, 12. 1 Пар. 27, 32. 2 Ц. 15, 32 и д. 16, 16), не только пользовались большимъ вліяніемъ на ходъ дѣлъ въ царствѣ, но могли даже значительно ограничивать и стѣснять царя, какъ верхов-

¹⁾ Ровоамъ разослалъ всѣхъ своихъ сыновей по землямъ Іуды и Веніамина во всѣ укрѣпленные города (2 Пар. 11, 33), несомнѣнно, съ цѣлью болѣе прочнаго охраненія государства. Точно также поступилъ и Іосафатъ (2 Пар. 21, 2—3). Члены царской семьи состояли и при дворѣ въ качествѣ совѣтниковъ царскихъ (1 Пар. 27, 32); иной разъ исполняли порученія царя (Іер. 36, 26).

²⁾ Graetz. Geschichte der Juden. II Band. I Hälfte. S. 446.

наго представителя власти (2 Ц. 19, 5—7). Уже Давидъ тяготился слишкомъ властнымъ вмѣшательствомъ въ дѣла государства своихъ вельможъ и стремился освободиться отъ ихъ вліянія (2 Ц. 18, 5 ср. 2 Ц. 18, 10—14.—19, 5—7 ср. 19, 13. 20, 4), однако ему трудно было достигнуть этого ¹⁾. Съ теченіемъ же времени, по мѣрѣ постепеннаго ослабленія обоихъ царствъ, все болѣе и болѣе падаетъ значеніе царской власти и въ ущербъ ей возрастаетъ сила и могущество вельможъ. Послѣдній іудейскій царь Седекія открыто сознается въ полномъ своемъ безсиліи и невозможности предпринять что-либо вопреки желанію князей (Іер. 38, 5). Не будучи въ состояніи проявить въ чемъ либо самостоятельности, онъ до такой степени зависимъ былъ отъ своихъ же вельможъ, что даже боялся ихъ и изъ страха предъ ними просилъ пророка Іеремію сохранить въ тайнѣ происшедшій между нимъ и пророкомъ разговоръ (Іер. 38, 24—26). Но еще гораздо раньше и именно въ правленіе благочестиваго Езекии мы видимъ замѣтное усиленіе вліянія вельможъ въ царствѣ іудейскомъ. Князья Езекии являются не столько слугами и исполнителями его воли, „не столько даже совѣтниками, сколько соправителями царя, во всѣхъ важныхъ дѣлахъ выступавшими наравнѣ съ царемъ. Всѣ приказанія и распоряженія исходили не отъ одного только Езекии, но и отъ князей (2 Пар. 29, 30. 30, 2. 31, 8), и даже указы государственные издавались отъ имени царя и князей (2 Пар. 30, 6 ср. 30, 12). И въ книгѣ Исаи пророка есть свидѣтельство, подтверждающее это особенное возвышеніе вельможъ іудейскихъ въ царствованіе Езекии (22, 15—25). Обличая Севну, начальника дворца, злоупотребившаго, очевидно, своими полномочіями, пророкъ даетъ понять, что власть и права, соединявшіяся въ то время съ должностію начальника дворца, были весьма широки, что этотъ царедворецъ, не говоря уже о томъ, что былъ полнымъ распо-

¹⁾ Какъ ни тяготился Давидъ зависимостью отъ Іоавы, часто злоупотреблявшаго своею властью, онъ во все время своего царствованія вынужденъ былъ мириться съ этимъ дѣйствительно выдающимся военачальникомъ и только предъ смертію далъ своему сыну,—Соломону совѣтъ—не отпустить сѣдницы его мирно въ предсподнюю (3 Ц. 2, 5—6).

рядителемъ дворца, простираетъ свое вліяніе не только на жителей Іерусалима, но и всей Іудеи и могъ, слѣдовательно, весьма серьезно ограничивать царя ¹⁾; такимъ громаднымъ вліяніемъ на дѣла государственныя пользовались представители высшаго аристократическаго сословія въ царствѣ іудейскомъ. Но не менѣе важное значеніе имѣли они и въ царствѣ израильскомъ. Въ этомъ царствѣ образовалось сильное военное сословіе, отъ котораго главнымъ образомъ зависѣло теченіе дѣлъ въ государствѣ. Высшіе представители этого сословія держали въ своихъ рукахъ тронъ, и изъ рядовъ ихъ почти исключительно выходили цари израильскіе (3 Ц. 16, 9. 16. 4 Ц. 9, 5 и д). И хотя правленіе царей израильскихъ носило нерѣдко характеръ восточнаго деспотизма и тиранніи, но это нисколько не мѣшало развитію и усиленію власти вельможъ, такъ какъ сами цари для своихъ узурпаторскихъ стремленій и укрѣпленія на престолѣ нуждались въ ихъ содѣйствіи и поддержкѣ.

Вотъ эти то *именитые* (Ам. 6, 1) представители народа избраннаго, князья и вельможи іудейскіе и израильскіе, захватившіе въ свои руки власть и управленіе государствомъ, и были главными виновниками всѣхъ нестроений не только политической, но прежде всего и религіозной жизни народа. Среди нихъ на почвѣ богатства и роскоши впервые создалась та утонченная безправственность и тотъ религіозный индифферентизмъ, которые совершенно расшатали основы истинной религіозной жизни народа Божія и повлекли за собою возникновеніе ложнаго пророчества Іеговы, служившаго вѣрнымъ признакомъ упадка въ народѣ богоучрежденной теократіи.

Свящ. В. Шимаревъ.

(Окончаніе будетъ).

¹⁾ Graetz. Ibidem. S. 444—445.

СВ. ЛЕВЪ ВЕЛИКІЙ, ЕГО ЖИЗНЬ И ТВОРЕНІЯ.

(Продолженіе *).

д) Воряба съ Евтихіанствомъ.

Мы переходимъ къ одному изъ самыхъ интересныхъ и драматическихъ событій не только въ жизни св. Льва, но во всемъ V вѣкѣ. Мы разумѣемъ борьбу св. Льва съ ересью Евтихіа.

Первые признаки этой ереси, „волновавшей Греко-Римскую имперію не менѣе, чѣмъ Атила и Аларихъ“, обнаружались вскорѣ послѣ третьяго Вселенскаго собора. Уже св. Кирилль Александрійскій жаловался Іоанну Антиохійскому: „многіе проповѣдуютъ или тожество, или сліяніе, или смѣшеніе слова Божія съ плотію... и распространяютъ слухи въ народѣ, будто я такъ думаю и учу... тогда какъ, наоборотъ: я даже сумасбродными считаю такихъ людей“. (Дѣян. III, 224). Къ такимъ „сумасброднымъ“ принадлежалъ, между прочимъ, и Евтихій. До обличенія въ ереси, Евтихій пользовался всеобщимъ уваженіемъ, какъ человѣкъ святой жизни, ревностный борецъ за православіе противъ Несторіанства. Съ уваженіемъ къ нему относились такія лица, какъ св. Кирилль Александрійскій, пославшій къ нему, простому настоятелю монастыря, акты III Вселенскаго собора. Ко времени обличенія въ ереси, Евтихій уже былъ 70-ти лѣтнимъ старцемъ. Онъ былъ уже 30 лѣтъ настоятелемъ монастыря, находившагося близъ Константинополя, въ которомъ было до 300 монаховъ. Онъ далъ себѣ обѣтъ никогда

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ № 14, за 1897 г.

не выходитъ изъ него и жить здѣсь „какъ бы въ гробѣ“. Но Евтихій былъ только аскетъ, но не ученый богословъ. Познанія его въ богословіи были не особенно обширны, по крайней мѣрѣ, онъ нигдѣ себя не показываетъ знатокомъ его, хотя и представлялось много случаевъ ¹⁾. Относясь съ уваженіемъ къ его аскетической жизни, св. Левъ склоненъ былъ видѣть въ уклоненіи его въ ересь „скорѣе неосторожную простоту (*incauta simplicitas*), неопытность, чѣмъ лукавство (*error, qui, ut arbitror, de imperitia magis, quam de versutia natus*)“ (Ер. XXXI, 1). Въ своемъ знаменитомъ 28 посланіи св. Левъ называетъ его „невѣжественнымъ и безразсуднымъ“ (*rudis et nimis imperitus, cap. I*).

Этотъ-то „невѣжественный и безразсудный“ Евтихій и взволновалъ всю Греко-Римскую имперію. Считая себя единомышленнымъ съ св. Кирилломъ Александрійскимъ, Евтихій считалъ своимъ долгомъ преслѣдовать все, что касалось несторіанства. А несторіанствомъ ему казалось все, что было противоположнымъ его собственному ученію. Есть основаніе думать, что Евтихій принималъ участіе въ гоненіяхъ противъ Несторіанъ послѣ III Вселенскаго Собора, во главѣ котораго сталъ Діоскоръ, епископъ Александрійскій.

Гоненія эти были довольно сильны. „Дѣлатели неправды, — говоритъ бл. Θεодоритъ (Ер. 101), не мало пострадавшій во время этихъ гоненій, — перенесли брань на всѣхъ благолюбивѣйшихъ епископовъ востока и наполнили смятеніями церкви“. (*πάντων ὀροῦ τῶν τῆς ἀνατολῆς θεοφειλεστάτων ἐπισκόπων κατέχτας τὴν λαορῖαν οἱ τοῦ ψεῦδοσ ἐργάται καὶ τὰς ἐκκλησίας ζάλην ἀνέπλησαν*). Партія Діоскора, благодаря связямъ въ Константинополѣ, привлекла на свою сторону Императора. Все это заставляло восточныхъ епископовъ соединиться и выступить въ открытую борьбу. Былъ созванъ въ Малой Азій (вѣроятно, въ Антиохіи) соборъ, въ которомъ ученіе Евтихія, какъ одного, очевидно, изъ главныхъ представителей партіи Діоскора, было

¹⁾ Впрочемъ, Евтихій, кажется, не былъ особенно высокаго мнѣнія о богословіи. „Я испытываю, говорилъ онъ, только св. Писаніе; оно несравнено тверже и достовѣрнѣе изложеній св. Отцевъ“. (Thiegy, 196).

осуждено ¹⁾. Посланіе собора отправлено было императору Θεодосію II.

Но вполнѣ еретическій образъ мыслей Евтихія былъ обнаруженъ на помѣстномъ Константинопольскомъ соборѣ 448 г. Евсевіемъ, епископомъ незначительнаго Фригійскаго города Доролей. Онъ былъ въ близкихъ отношеніяхъ къ Евтихію еще со времени III Вселенскаго собора, на которомъ они оба ратовали противъ Несторія. Прибывши по своимъ дѣламъ въ Константинополь, онъ навѣстилъ и Евтихія. Во время разговора съ нимъ, Евсевій замѣтилъ большую переищу въ воззрѣніяхъ Евтихія. Онъ замѣтилъ, что бывшій поборникъ Несторія уклонился въ ересь, но только въ противоположную, чѣмъ Несторій. Какъ Несторій не признавалъ въ Іисусѣ Христѣ единенія двухъ естествъ по существу, такъ Евтихій на столько тѣсно соединялъ эти естества, что человѣческое переходило въ Божественное, исчезало въ немъ, являясь только формою, свойствомъ божественнаго естества. Послѣ долгихъ споровъ, не имѣвшихъ ни какого результата, Евсевій увидѣлъ, что Евтихій не исправимъ и рѣшилъ доложить о немъ предстоящему обычному собору, который собрался въ Константинополь подъ предсѣдательствомъ мѣстнаго архіепископа св. Флавіана.

Евтихій явился на соборъ только послѣ троекратнаго приглашенія. На соборѣ онъ вполнѣ обнаружилъ свой еретическій образъ мыслей и, не смотря на убѣжденія отцевъ собора, упорно стоялъ въ своемъ заблужденіи. Соборъ, видя это, провоз-

¹⁾ Что въ Малой Азій былъ соборъ, это видно изъ извѣстія Факунда Германскаго (Pro def. tr. cap. VIII, 5 и XII, 5; Migne LVII, 723 и дал. и 852). Онъ говоритъ, что къ императору Θεодосію было послано Домномъ Антиохійскимъ „соборное посланіе“, въ которомъ Евтихій обвиняется въ возобновленіи „нечестія ересіарха Анолларія“, въ признаніи того, что Божество и человѣчество во Христѣ посредствомъ смѣшенія (commistio) и сліянія (confusio) составило одну природу, вслѣдствіе чего страдація Спасителя приписываются неизмѣняемому Божеству. Кроме того, Евтихія обвиняли еще въ томъ, что онъ „анаематствовалъ“ Діодора (Парсійскаго) и „Θеодора (Молсуетскаго)“. Названіе соборнаго посланія, данное этому письму Факундомъ, самый предметъ письма, заставляютъ предполагать о существованіи на востокѣ собора, гдѣ было разсужденіе объ ереси Евтихія (Tillemont, XV, 493.). Время этого собора, по предположеніямъ Tillemont'a (ibid) и Валлерини (Migne LV, 210), относится къ началу 448 года. Какія послѣдствія имѣло это письмо, достовѣрно неизвѣстно. На основаніи всего послѣдующаго можно предполагать, что оно осталось безъ послѣдствій.

гласилъ: „анаеема Евтихію!“ Въ приговорѣ, подписанномъ 28 епископами и нѣсколькими архимандритами, говорилось: „изъ бывшихъ уже изслѣдованій и изъ теперешняго его собственнаго сознанія, открывається, что Евтихій, бывшій пресвитерь и архимандритъ, страждеть заблужденіемъ Валентина и Аполлипарія и неизмѣнно слѣдуетъ ихъ злохуленіямъ. Не устыдившись нашего убѣжденія и внушенія, онъ не захотѣлъ согласиться съ истинными догматами. Посему, воздыхая и оплакивая его совершенную гибель, мы о Господѣ нашемъ Іисусѣ Христѣ, имъ зловословимомъ, опредѣлили отчуждить его отъ всякой священнической службы, общенія съ нами и начальства надъ монастыремъ“ (Дѣян. III, 291).

Но Евтихій не считалъ своего дѣла проиграннымъ даже послѣ такого рѣшительнаго осужденія цѣлымъ соборомъ. Онъ пользовался большимъ расположеніемъ императорскаго фаворита евнуха Хризафія. Этотъ Хризафій, бывшій прежде невольникомъ, человѣкъ жестокой, лукавой и льстивый, имѣлъ большую силу при дворѣ, и императоръ Θεодосій II слушалъ его во всемъ. Хризафій охотно принялъ сторону Евтихія. Кромѣ сочувствія ученію Евтихія, Хризафій руководился и нерасположеніемъ къ архіепископу св. Флавіану, который имѣлъ мужество не льстить его тщеславію и корыстолюбію. Ему не стоило большаго труда привлечь на сторону Евтихія и императора, также не взлюбившаго Флавіана, когда тотъ разстроилъ планъ, придуманный Хризафіемъ, постричь сестру Θεодосія, знаменитую впослѣдствіи императрицу святую Пульхерію, въ діакониссы съ цѣлію удаленія ея отъ двора. То обстоятельство, что Θεодосій сталъ на сторону Евтихія, имѣло большое послѣдствіе для всей послѣдующей исторіи евтихіанства. Ставши „придворнымъ богословіемъ“, евтихіанство получило большую силу, которую оно не замедлило употребить во зло для православія. Если къ этому прибавить, что въ числѣ сочувствовавшихъ ученію Евтихія было не мало епископовъ особенно въ Палестинѣ и Египтѣ, то вполне будетъ понятно то глубокое потрясеніе во всей церкви, которое оно причинило.

Имѣя такихъ сильныхъ покровителей, Евтихій могъ успѣш-

но бороться съ архіепископомъ св. Флавіаномъ ¹⁾ Вѣроятно, не безъ внушенія Хризафія, Евтихій вскорѣ послѣ собора выставилъ на публичныхъ мѣстахъ Константинополя объявленія, въ которыхъ обвинялъ соборъ въ несправедливости и оправдывалъ свое ученіе (Ер. XIII, 1, Hefele II, 376). Очевидно, Евтихій съ своимъ единомышленникомъ Хризафіемъ хотѣли этимъ привлечь на свою сторону общественное мнѣніе. Свѣтская власть не запрещаетъ Евтихію эти публичныя оскорбленія собора и архіепископа св. Флавіана. Намъ уже извѣстно, что она была на его сторонѣ. Но этого мало, Евтихій жалуется на св. Флавіана св. Льву, какъ вліятельнѣйшему изъ іерарховъ всей церкви, и вѣроятно и другимъ предстоятелямъ главныхъ церквей. (Такъ, напр., до насъ дошло его письмо къ Петру Хрисологу, епископу Равеннскому). Евтихій писалъ св. Льву еще до своего осужденія на Константинопольскомъ соборѣ, вѣроятно по поводу „соборнаго посланія“ восточныхъ епископовъ императору Θεодосію II-му (Migne LV, 219). До насъ не дошло это письмо. Но изъ отвѣта св. Льва, дошедшаго до насъ, (Ер. XX отъ 1 іюня 448 года) видно, что онъ писалъ о томъ, что „ересь несторіанская стараніемъ нѣкоторыхъ вновь воскресаетъ“. Очевидно, „соборное посланіе“ Домна ему казалось происками несторіанъ противъ него, какъ ревностнаго борца противъ нихъ. Объ этихъ проискахъ якобы несторіанъ и объ особенномъ распространеніи ихъ ученія и писалъ, вѣроятно, Евтихій св. Льву. Онъ, конечно, не забылъ упомянуть о своихъ заслугахъ церкви въ пользу православія въ борьбѣ съ несторіанствомъ. Этимъ предположеніямъ вполне соответствуетъ содержаніе письма св. Льва къ Евтихію. „Заботливость твоя“, пишетъ св. Левъ, „намъ пріятна; ибо свидѣтельствомъ такого твоего расположенія духа служить самая рѣчь, которую мы получили. Почему не сомнѣваемся, что виновникъ вѣры каеолической, Господь, поможетъ тебѣ во всемъ (разумѣются мнимые происки несторіанъ). А

¹⁾ Борьба эта была вѣдена такъ тонко, искусно и, вмѣстѣ съ тѣмъ, съ такою неразборчивостью въ средствахъ, что невольно заставляеть предполагать въ вѣденіи ея болѣе искусную руку, чѣмъ Евтихія, не издавнаго въ продолженіе тридцати лѣтъ людей и далекаго отъ всякихъ притригъ и козней. Зналъ окружавшихъ Евтихія людей, мы едва ли ошибемся, предположивъ здѣсь не малую долю участія друга Евтихія—внуха Хризафія.

мы, какъ только узнаемъ полнѣе о тѣхъ, нечестіемъ которыхъ это сдѣлалось, сочтемъ за необходимое, при помощи Божіей, позаботиться о томъ, какъ бы исторгнуть съ корнемъ заразу, давно уже осужденную“. Отвѣтъ св. Льва, какъ мы видимъ, былъ очень благопріятенъ для Евтихія. Это давало ему смѣлость обратиться къ нему и послѣ своего осужденія на Константинопольскомъ соборѣ 448 года. Въ письмѣ (Ер. XXI), написанномъ Св. Льву вскорѣ послѣ окончанія собора, Евтихій жалуется на несправедливость Собора, на притѣсненія Флавіана, говоритъ о своей невинности и о своемъ православномъ образѣ мыслей. Любопытно изложеніе Евтихія хода самаго дѣла. „Лукавый діаволь“, писалъ Евтихій, „употребляя всю свою силу, возстановилъ противъ меня Евсевія, епископа города Доролси, подавшаго на меня прошеніе (libellum), въ которомъ обвинялъ меня, какъ еретика предъ Флавіаномъ, святымъ епископомъ Константинопольской церкви, и нѣкоторыми другими, бывшими въ городѣ, куда они прибыли по своимъ дѣламъ. При обвиненіи меня, оувъ руководствовался не истиною, а желаніемъ приготовить мнѣ гибель и возмутить церкви Божіи. Ихъ святость призывала меня къ отвѣту на обвиненіе. Зная о составившемся противъ меня заговорѣ, я, одержимый при моей старости (еще) болѣзнію, прибѣгъ (все таки) къ оправданію... Я представилъ собору письменное изложеніе моего исповѣданія святой вѣры, которое прилагается за моимъ подписомъ къ (настоящему) письму. Но св. Флавіанъ, архіепископъ, не принялъ изложенія и не приказалъ прочесть его. Не смотря на это, я сталъ отвѣчать на вопросы, стараясь показать, что я содержу именно ту вѣру, которая изложена св. Никейскимъ соборомъ и утверждена (соборомъ) Ефесскимъ. (Но) отъ меня потребовали исповѣданія двухъ естествъ и анаематствованія тѣхъ, которые это отрицали. Опасаясь прибавить или убавить что либо отъ символа св. Никейскаго Собора,—зная, что святые и блаженные отцы наши святѣйшіе епископы: Юлій, Феликсъ, Аѳанасій, Григорій отвергали выраженіе „два естества“,—не осмѣливаясь рассуждать о естествѣ Бога Слова, который въ послѣдокъ днй пришелъ въ плоть (in carne), во чрево Дѣвы Маріи, и пребывая, какъ Онъ же-

лалъ и зналъ, неизмѣннымъ, сталъ человѣкомъ не призрачно, а на самомъ дѣлѣ,—(не осмѣливаясь наконецъ) анаематствовать вышеупомянутыхъ нашихъ отцевъ,—я просилъ извѣстить объ этомъ вашу святость, заявляя, что я вполне подчинюсь тому, что вамъ угодно будетъ постановить и одобрить. Не выслушавши ничего изъ того, что я говорилъ, они прервали соборъ и прочитали приговоръ о моемъ низложеніи, составленный заранѣе... Моей жизни угрожала опасность, если бы, при помощи Божіей, молитвами твоей святости, военный отрядъ не защитилъ меня отъ нападенія. Тогда стали принуждать подписать мое низложеніе настоятелей другихъ монастырей. Запретили распространять и читать исповѣданіе вѣры, написанное мною для удовлетворенія народа. Итакъ я прибѣгаю къ вамъ, защитникамъ вѣры и проклинаящимъ подобнаго рода сборища. Я ничего не ввожу новаго, противнаго вѣрѣ, преданной намъ изначала и аваематствую Аполинарія, Валентина, Манеса, Несторія, тѣхъ, которые говорятъ, что плоть Спасителя Господа нашего Иисуса Христа сошла съ неба, а не отъ св. Духа и Дѣвы Маріи, и всѣ ереси до Симона волхва. И тѣмъ не менѣе, я подвергаюсь опасности жизни, какъ еретикъ. Я молю..., чтобы того, кто до 70 лѣтъ прожилъ въ воздержаніи и полномъ цѣломудріи, не изгоняли и не исключали изъ числа православныхъ, чтобы я такимъ образомъ не потерпѣлъ крушенія при исходѣ моей жизни“¹⁾).

Такимъ образомъ, Евтихій представилъ дѣло такъ, какъ будто онъ невинный страдалецъ отъ еретиковъ несторіанъ, во главѣ которыхъ стоялъ константинопольскій архіепископъ св. Флавіанъ. Изъ самаго письма и приложеній къ нему нельзя было заключить ничего о неправомъ образѣ мыслей Евтихія. Въ письмѣ говорилось только о томъ, что всѣми уже было

¹⁾ Въ концѣ письма приложено за подписью Евтихія исповѣданіе вѣры, развѣвающее нѣсколько полнѣе то же, что содержится и въ письмѣ. Кроме того, къ нему были приложены: а) жалоба Евсевія Доролейскаго, поданная Синоду на Евтихія; б) оправдательная записка, поданная по его словамъ Синоду, но не принятая; в) мнѣнія о. о. церкви о двухъ естествахъ. Отъ исповѣданія вѣры и мнѣній о. о. церкви остались только отрывки (Migne LIV, 717—720). Жалоба Евсевія есть въ дѣяніяхъ IV всел. собора. (Д. III, 204—207). Оправдательная записка не сохранилась. (Baller. de epist. deperd. 26 Migne LIV, 1223).

признано. Тѣ пункты ученія, за которые онъ былъ осужденъ на Константинопольскомъ соборѣ, были имъ старательно скрыты. Св. Левъ, конечно, былъ поставленъ въ большое недоумѣніе, особенно, если принять во вниманіе то, что это письмо Евтихія не первое въ этомъ родѣ. Изумленіе св. Льва, вѣроятно, возрасло еще болѣе, когда онъ получилъ, одновременно съ апелляціей Евтихія, или вскорѣ послѣ нея, еще письмо отъ Императора Θεодосія. Изъ отвѣтнаго письма св. Льва къ нему, (самое письмо Θεодосія не сохранилось), видно, что Θεодосій ходатайствовалъ за Евтихія (Ер. XXIV отъ 19 февраля 449 года).

Св. Левъ, конечно, не могъ стать на сторону Евтихія, не выслушавъ прежде другой стороны и не узнавъ съ очевидностію всего дѣла. Между тѣмъ отъ св. Флавіана онъ не получалъ еще ни какихъ свѣдѣній. Крайне огорченный этимъ молчаніемъ св. Флавіана, св. Левъ написалъ ему письмо (XXXIII, отъ 18 февр. 449 г.), въ которомъ выражаетъ свое недоумѣніе, безпокойство и огорченіе по поводу его молчанія о такомъ важномъ предметѣ, какъ вновь проявившаяся ересь. „Когда христіаннѣйшій и милостивѣйшій императоръ“, писалъ онъ, „при своей святой и похвальной вѣрѣ, заботясь о мирѣ церкви каеолической, прислалъ намъ письма о томъ, что у васъ произвело шумъ и смятеніе, то мы удивились твоему братству, какъ ты могъ молчать предъ нами о томъ, въ чемъ состоялъ этотъ соблазнъ и не счелъ за лучшее постараться, какъ можно скорѣе, увѣдомить насъ объ этомъ посланіемъ твоего благочестія, дабы мы не могли сомнѣваться относительно справедливости совершавшихся событій“. Св. Флавіанъ, вѣроятно, получилъ это письмо послѣ того, какъ имъ были отосланы акты собора. По крайней мѣрѣ, въ его письмѣ къ св. Льву, написанномъ по этому поводу, нѣтъ ни какихъ намековъ на означенное письмо. Св. Флавіанъ говоритъ въ своемъ письмѣ объ ереси пресвитера и архимандрита Евтихія, въ которую онъ впалъ благодаря лукавству діавола; излагаетъ въ краткихъ словахъ сущность этой ереси, въ томъ видѣ, въ какомъ она обнаружена была на соборѣ, и проситъ сообщить епископамъ, находящимся подъ властію св. Льва, чтобы никто не отно-

сился къ Евтихію, лишенному теперь пресвитерскаго сана, какъ къ православному, или письмомъ или какимъ нибудь другимъ образомъ. Къ письму были приложены акты собора ¹⁾).

Получивъ письмо св. Льва, св. Флавіанъ посылаетъ второе письмо (XXVI, послано марта 449 года). Въ этомъ письмѣ св. Флавіанъ выясняетъ св. Льву истинное положеніе дѣла. Оно представляетъ здѣсь отвѣтъ на обвиненія Евтихіа. Св. Флавіанъ рассказываетъ, что Евтихій, „удерживая въ себѣ скрытую болѣзнь развращеннаго ученія и злоупотребляя кротостію его, Флавіана, недобросовѣстно и безстыдно началъ распространять между многими собственное нечестіе. За это онъ обвиненъ былъ достойнѣйшимъ уваженія Евсевіемъ и осужденъ послѣ того, какъ, бывъ призванъ на соборъ, произнесъ собственными словами свойственное ему ученіе. Но заслуживши справедливое каноническое осужденіе, Евтихій не захотѣлъ покаяться и слезами умиловать Бога; онъ покусился „совсѣмъ возмутить константинопольскую церковь, публично распространяя на мнимыя несправедливости его, Флавіана, жалобы, исполненныя злорѣчія и сверхъ того принося моленія благочестивѣйшему и христолюбивѣйшему Императору, также

¹⁾ Объ актахъ Собора въ оригиналѣ письма св. Флавіана с—IV говорится: *πάλαι, τὴν ἐπ' αὐτῷ γεγενημένην πράξιν ἀπεστείλαμεν* (въ латинскомъ *diraximus*) *τῇ σὺ ἁγιότητι*. Это выраженіе многихъ приводитъ въ недоумѣніе. Если его переводить: мы давно (—*πάλαι*) послали твоей святости акты (того собора), который былъ относительно него (Евтихія), то выйдетъ, что это письмо было написано послѣ того, какъ посланы были акты. Но по какому поводу? придумать трудно. Содержаніе письма такое, какое прилично письму, имѣющему цѣлю извѣстять о случившемся. Вѣроятно, это было первое письмо св. Флавіана послѣ собора Константинопольскаго (Tillem. XV, 899), посланное вмѣстѣ съ актами собора. Слово *Πάλαι* естественнѣе относитъ къ *γεγενημένην*, чѣмъ къ *ἀπεστείλαμεν*. Аористъ, въ которомъ это послѣднее поставлено, въ данномъ случаѣ имѣетъ значеніе настоящаго времени или только что наступающаго будущаго. Такое значеніе аориста объясняется расширеніемъ аориста грочическаго, имѣвшее мѣсто и у классиковъ (напр. Ксен. Кироп. 1, 2. 2). Употребляется такой аористъ тогда, когда говорятъ объ обычномъ, часто повторяющемся случаѣ. Посылать акты собора другимъ церквамъ—былъ обычай всеобщій. Употребленіе такого аориста, слѣдовательно, имѣетъ здѣсь мѣсто вполне. Такимъ образомъ, это выраженіе нужно перевести: „мы посылаемъ (=при семъ послали) твоей святости самое дѣло (=акты собора), которое относительно него давно было“. Письмо это, по предположенію Валлерини, написано въ исходѣ 448 или въ началѣ 449 года (см. Migne—LIV, ч. 723).

полныя высокоумія и дерзости, и такимъ образомъ попралъ всѣ божественныя правила. „Но когда шли такимъ образомъ дѣла“, продолжаетъ св. Флавіанъ, „мы получили отъ вашей святости письмо..., изъ котораго узнали, что тотъ-же Евтихій отправилъ къ вамъ просьбу, исполненную всякой лжи и коварства, утверждая, что онъ во время суда предложилъ апелляціонныя жалобы и на меня и на самый святой соборъ, призывая быть судьей ваше святѣйшество,—чего ни какъ имъ не было сдѣлано. Онъ солгалъ (δίσφραστο) и въ этомъ случаѣ, надѣясь черезъ ложь привлечь къ себѣ благосклонность вашу“. Въ заключеніе св. Флавіанъ убѣждаетъ св. Льва дѣйствовать право, какъ этого требуетъ свящество и правило святыхъ церквей; проситъ св. Льва черезъ его письма укрѣпить вѣру и императора, въ надеждѣ, что посредствомъ ихъ визложится ересь и не будетъ нужды въ соборѣ, который теперь уже объявляется“. Еще не получивъ этого посланія, св. Левъ написалъ къ св. Флавіану „съ первымъ попавшимся случаемъ“ краткое письмо (XXVII отъ 21 мая 449 года), въ которомъ извѣщаль о полученіи перваго его письма и соборныхъ актовъ. Св. Левъ не даетъ здѣсь никакихъ опредѣленныхъ рѣшеній по дѣлу Евтихія; онъ только сожалѣетъ, что причиной всѣхъ этихъ смутъ послужило нечестивое заблужденіе. Св. Левъ обѣщаетъ написать полнѣе объ этомъ дѣлѣ съ тѣми, которые доставили къ нему первое письмо св. Флавіана. Св. Левъ говоритъ здѣсь о своемъ XXVIII письмѣ (о немъ рѣчь впереди). Чтобы ободрить св. Флавіана, „возставшаго изъ ревности къ вѣрѣ противъ нечестиваго и глупаго заблужденія“, св. Левъ прямо заявляетъ, что „онъ не потерпитъ ни того, чтобы Евтихій осталъ при своемъ нечестивомъ убѣжденіи“, ни того, чтобы св. Флавіана, „возставшаго изъ ревности къ вѣрѣ противъ нечестиваго и глупаго заблужденія, беспокоили постоянныя нападенія противной партіи“.

Такимъ образомъ, письмо св. Флавіана съ приложенными къ нему актами собора открыли глаза св. Льву. Онъ ясно увидѣлъ положеніе дѣла, ясно созналъ всю опасность для православія. На сторонѣ ереси была могущественная придворная партія во главѣ съ самимъ императоромъ, на сторонѣ право-

славія только одинъ архіепископъ съ небольшимъ количествомъ епископовъ. Изъ полученныхъ писемъ съ востока св. Левъ имѣлъ возможность убѣдиться, что еретическая партія не постоитъ ни предъ чѣмъ, не будетъ стѣсняться даже дурными средствами. Понятнымъ послѣ этого становится стараніе св. Льва ободрить св. Флавіана. Въ опасности, грозящей православію, св. Левъ еще болѣе убѣдился, когда узналъ изъ второго письма св. Флавіана о предстоящемъ вселенскомъ соборѣ, на собраніи котораго въ особенности настаивала еретическая партія. Св. Левъ видѣлъ, что съ тѣми средствами, какія были у этой партіи, она могла причинить церкви (и въ дѣйствительности причинила) очень серьезныя опасности. Св. Левъ видѣлъ, что нужно дѣйствовать какъ можно енергичнѣе, рѣшительнѣе, безъ всякаго промедленія, чтобы не дать возможности усилиться ереси.

Для борьбы съ ересью нужно было прежде всего выяснить православное ученіе. Эту трудную задачу св. Левъ выполнилъ въ своемъ „догматическомъ посланіи“ къ св. Флавіану (Ер. XXVIII отъ 13 Іюня 449 г.). Это посланіе по справедливости считается однимъ изъ знаменитѣйшихъ памятниковъ христіанской письменности V вѣка ¹⁾. Въ немъ первый разъ полно и обстоятельно рѣшенъ вопросъ объ образѣ соединенія двухъ естествъ въ Іисусѣ Христѣ Божескаго и человѣческаго. „Вся Христіанская церковь“, говоритъ св. Левъ, „исповѣдуютъ вѣру въ Бога—Отца Вседержителя и въ Іисуса Христа, единороднаго Сына Его, Господа нашего, родившагося отъ Духа Святаго и отъ Дѣвы Маріи. Сими тремя изреченіями ниспровергаются навѣты всѣхъ почти еретиковъ. Ибо когда мы вѣруемъ, что Отецъ есть Богъ и вседержитель и при томъ вѣчный, то симъ уже показываемъ, что и Сынъ Ему совѣченъ и ничѣмъ не разнствуетъ отъ Отца: ибо отъ Бога рождается только Богъ,

¹⁾ То уваженіе, какимъ пользовалось это посланіе, видно изъ того, что папа Гезасій, въ своемъ декретѣ объ апокрифахъ, предастъ анаѣмѣ всѣхъ, кто хотя одну іоту измѣнитъ въ немъ (Migne LIX, 160). Любопытно также сказаніе, занесенное въ латинскія редакціи „луча духовнаго“ Іоанна Мосха. По этому сказанію, самъ Апост. Петръ, по молитвѣ св. Льва, исправилъ это посланіе (Migne S. gr. LXXXVII, 3011; lat. LV, 226). Многія мѣста этого посланія заимствованы изъ его рѣчей, что мы отмѣчаемъ скобками.

отъ всемогущаго всемогущій, отъ вѣчнаго совѣчный, а не позднѣйшій по времени, не меньшій по власти, не разнственннй по славѣ, не раздѣльный по существу. Тотъ-же самый превѣчнаго Отца превѣчный, едиnorodный Сынъ, родился отъ Духа св. и отъ Дѣвы Маріи... [Такъ Божество восприняло нашу нищету, Могуство нашу немощь, Безсмертное смерть, не нарушивъ свойствъ ни того, ни другого естества, но совокупивъ ихъ въ одномъ лицѣ. Для уплаты долга естества нашего, божественное, безстрастное естество, сочеталось съ страстною (могущею страдать) природою, дабы одинъ и тотъ-же Ходатай Бога и человѣковъ, человѣкъ Христосъ Іисусъ, и могъ умереть по одному естеству и не могъ умереть по другому, какъ того и требовало свойство нашего врачеванія. (Взято буквально S. XXI, 2)]. [По сему истинный Богъ явился въ подлинномъ и совершенномъ ествѣ истиннаго человѣка; весь съ тѣмъ, что свойственно Его божественному естеству и весь въ томъ, что сродно нашему человѣческому. Нашимъ-же (естествомъ) называемъ то, что Творецъ положилъ въ насъ въ началѣ и что опять Онъ хотѣлъ возвратить намъ. Ибо въ Спасителѣ не было и слѣда того, что привнесено въ человѣка искусителемъ и что прельщенный человѣкъ допустилъ въ себя въ послѣдствіи. Посему, содѣлавшись причастнымъ немощи нашей, Онъ не содѣлался участникомъ нашихъ грѣховъ. Онъ воспринялъ образъ раба безъ скверны грѣха, возвеличивая человѣческое и не уменьшая божественнаго. Ибо то истощеніе, по которому Невидимый содѣлался видимымъ, по которому Творецъ и Владыка всѣхъ тварей восхотѣлъ быть однимъ изъ человѣковъ, есть свисхожденіе Его благоутробія, а не недостатокъ Его могущества. Посему-то Тотъ, Который, пребывая въ образѣ Божіемъ, сотворилъ человѣка, Тотъ-же Самый и содѣлался человѣкомъ, принявъ образъ раба. Оба естества сохраняютъ свои свойства безъ всякаго ущерба. Какъ образъ Божій не уничтожаетъ образа раба, такъ и образъ раба не исключаетъ образа Божія. (Взято буквально S. XIII, 2).] [Каждое изъ двухъ ествъ въ соединеніи съ другимъ дѣйствуетъ сообразно съ своими законами: такъ Слово дѣйствуетъ прилично слову, а тѣло совершаетъ дѣйствія, свойственныя тѣлу. Одно сіяетъ чудесами, другое подлежитъ страданію. И какъ Сло-

во не отпало отъ равной славы съ Отцемъ, такъ и тѣло не оказалось отъ естества нашего рода. (Изъ S. LIV, 2).] Ибо одинъ и тотъ-же есть истинно Сынъ Божій и истинно Сынъ человѣческой: есть Богъ, потому что „въ началѣ бѣ Слово, и Слово бѣ у Бога и Богъ бѣ Слово; есть человѣкъ, потому что „Слово плоть бысть и вселися въ ны“; Богъ потому, что „вся тѣмъ быша, и безъ Него ничтоже бысть“; человѣкъ, потому, что „рожденъ отъ жены, былъ подъ закономъ“. Рожденіе „плоти“ есть дѣло человѣческаго естества: а что Дѣва рождаетъ, это есть знаменіе божественной силы. Младенчество Отрочати доказывается бѣдными пеленами: величіе-же Его славы возвѣщается пѣніемъ ангеловъ. Сыну человѣческому подобенъ Тотъ, Котораго Иродъ нечестиво ищетъ умертвить: но Владыка вселенной есть Тотъ, Коему съ радостію раболѣпно поклоняются волхвы. Онъ прѣшелъ къ Предтечи Своему Іоанну принять крещеніе: и—дабы не утайлось Божество Его, скрывшееся подъ покровомъ плоти, съ неба возгремѣлъ голосъ Отца: „сей есть Сынъ Мой возлюбленный, о немъже благоволихъ (Матѣ. III 17)“. Какъ человѣкъ, Онъ искушается отъ коварнаго діавола; но какъ Богу, ему служатъ чины ангельскіе. Алкать, жажда, утруждаться и спать,—это, явно, свойства природы человѣческой; но пять тысячъ народа насыщать пятью хлѣбами; но женѣ самарянской давать воду живую, отъ которой пьющій не будетъ жажда больше; но немокренными ногами ходить по поверхности моря и утишеніемъ бури укрощать возмущеніе волнъ,—все это, безпрекословно, есть дѣло божественное. Какъ не одного и того-же естества дѣло—и плакать изъ состраданія по умершемъ другѣ и воскрешать его изъ мертвыхъ, не смотря на чатырехдневное пребываніе его во гробѣ; или висѣть на дрѣвѣ и въ то же время превратить день въ ночь и поколебать основанія земли; или быть пригвожденнымъ ко кресту, и въ то же время отверзать разбойнику двери рая: такъ не на одно и то же естество указываютъ слова: „Азъ и Отецъ едино есма“ и „Отецъ мой болій Мене есть“. Ибо хотя въ Господѣ Іисусѣ Христѣ божеское и человѣческое естество составляютъ одно Лице: однако иное дѣло то, откуда происходитъ общее того и другого униженіе, а иное то, откуда произте-

каеть общее ихъ прославленіе. По участию въ нашемъ естествѣ, Онъ, какъ человекъ, менѣе Отца; а по участию въ естествѣ своего Отца, Онъ, какъ Богъ, равенъ Отцу. [Посему то единству лица, состоящему въ единеніи обоихъ естествъ между собою, говорится, что Сынъ человѣческій сошелъ съ неба и Сынъ Божій воспринялъ плоть отъ Дѣвы, отъ Коей родился; и опять утверждается, что Сынъ Божій распятъ и погребенъ, тогда какъ Онъ претерпѣлъ сіе не Божествомъ, по которому единосущенъ, едиnorodенъ и совѣченъ Отцу, а немощною человѣческою природою. Посему то всѣ мы и въ Символѣ исповѣдуемъ, что едиnorodный Сынъ Божій распятъ и погребенъ, исповѣдуемъ на основаніи сихъ словъ апостольскихъ: „аще бо быша разумѣли, не быша Господа славы распали (1 Кор. II, 8“). (Изъ Августина *liber contra Sermonem Arianorum*, cap. 8)... Сего то—разумѣнія таинства оказывается чуждымъ Евтихій, который въ едиnorodномъ Сынѣ Божіемъ не признаетъ нашего естества ни въ уничтоженіи Его смерти, ни въ славѣ Его воскресенія. И не ужаснулся Онъ даже изреченія блажен. апостола и евангелиста Іоанна, который сказалъ: „всякъ духъ, иже исповѣдуетъ Іисуса Христа во плоти пришедша, отъ Бога есть: и всякъ духъ иже“, раздѣляетъ, „Іисуса Христа, отъ Бога нѣсть и сей есть антихристовъ (Іоан. IV, 3“). Ибо что значитъ раздѣлять Іисуса Христа, какъ не отдѣлять отъ Него человѣческое естество и покушаться безстыднымъ вымысломъ испразднать таинство вѣры, которымъ однимъ мы спасены? Слѣпотствуя въ отношеніи къ естеству тѣла Христова, онъ, по необходимости, будетъ слѣпотствовать также и касательно Его страданія. Ибо если онъ не признаетъ креста Господня за призракъ, а, напротивъ того, не сомнѣвается, что страданіе, воспринятое Имъ за спасеніе міра было истинное страданіе, то, принимая смерть, онъ долженъ принять и плоть. Пусть же говоритъ, что не нашего естества былъ тотъ человекъ, котораго самъ признаетъ страждущимъ: ибо отрицаніе истинной плоти есть отрицаніе и страданія плоти. Пусть послушаетъ и блаженнаго апостола Петра, который проповѣдуетъ, что освященіе Духомъ бываетъ черезъ окропленіе кровію Христовою. Пусть внимательнѣе прочтетъ и слѣдующія слова того-же

апостола: „вѣдаяще, яко не истлѣннымъ серебромъ или златомъ избавистесь отъ суетнаго вашего житія, отцы предавнаго, но честною кровію, яко агнца непорочна и пречиста, Христа“ —(I—I, 2, 18—19). Пусть не противорѣчитъ и свидѣтельству блаженнаго ап. Іоанна, который говоритъ: „и кровь Іисуса Христа Сына Божія очищаетъ насъ отъ всякаго грѣха (I—I, 7)“; и въ другомъ мѣстѣ: „сія есть побѣда, побѣдившая міръ, вѣра наша. Кто есть побѣждаяй міръ, токмо вѣруй, яко Іисусъ есть Сынъ Божій? Сей есть пришедый водою и духомъ Іисусъ Христосъ: не водою точію, но водою и кровію: и духъ есть свидѣтельствуяй, яко духъ есть истина: и тріе суть свидѣтельствующіи: духъ, и вода, и кровь: и тріе во едино суть“ (тамъ-же V, 4—6, 8), т. е. духъ освященія, кровь искупленія и вода крещенія. Сіи три составляютъ одно и пребываютъ нераздѣльными; ни одно изъ нихъ не отдѣляется отъ своего единства. И католическая церковь живетъ и преуспѣваетъ сею вѣрою, такъ что въ Іисусѣ Христѣ не исповѣдуетъ ни одного человѣчества безъ истиннаго божества, ни одного божества безъ истиннаго человѣчества“.

Письмо это было послано къ св. Флавіану не съ тѣми, которые доставили св. Льву первое его письмо, какъ онъ обѣщаль (въ Ер. XXVII), но съ легатами апостольскаго престола: епископомъ Юліемъ (Путеольскимъ), пресвитеромъ Ренатомъ (умершимъ на дорогѣ) и діакономъ Иларіемъ. Легаты эти были посланы св. Львомъ на объявленный эдиктомъ отъ 30 марта 449 года вселенскій соборъ, который долженъ былъ собраться въ Ефесѣ къ 1-му числу августа 449 года.

Кромѣ своего догматическаго посланія, св. Левъ отправилъ съ своими легатами еще письма: къ императору Θεодосію (XXIX), сестрѣ императора св. Пульхеріи (XXX и XXXI), Юлію Косскому, архимандриту Фавсту и другимъ (XXXII), и къ Ефесскому собору ¹⁾. Это обиліе писемъ показываетъ, что св. Левъ

1) Всѣ эти письма имѣютъ одну и ту же дату, именно: *Sdibus Iunii Asterie et Protogene clarissinis consulibus* 13 іюня 449 года. Это впрочемъ не значитъ, что св. Левъ написалъ всѣ эти письма въ одинъ день. 13 іюни, вѣроятно, день официальнаго выхода этихъ писемъ въ свѣтъ.

Не малое затрудненіе представляютъ письма: а) къ Пульхеріи (XXX и XXXI) и б) къ Юлію Косскому (XXXIV и XXXV). а) Письма къ Пульхеріи имѣютъ оди-

былъ чрезвычайно заинтересованъ въ борьбѣ съ Евтихіанствомъ въ восточной церкви. Онъ не могъ быть равнодушнымъ, бездѣятельнымъ. „Подвергалась разсужденію не какая нибудь незначительная частица вѣры, которая можетъ оставаться (безъ вреда для спасенія) менѣе точно выясненной (чѣмъ другія болѣе важныя); но несмысленное сопротивленіе дерзаетъ нападать на то, что Господь не хочетъ оставить невѣдомымъ ни для кого въ своей церкви“ (XXXI ср. XXX, 2). Во всѣхъ письмахъ, посланныхъ съ легатами, св. Левъ старается внушить мысль о виновности Евтихія, о томъ, что его повергла „въ діавольскую пропасть неосторожная простота“ (XXXI, 1), что ему „слѣдовало-бы отступить отъ своего заблужденія, справедливо признаннаго достойнымъ осужденія“ (XXIX). Св. Левъ не особенно сочувствуетъ созванію вселенскаго собора. Въ письмахъ, посланныхъ съ легатами, онъ, правда, не выражаетъ этого прямо. Но, все-таки, даетъ понять Θεодосію, что онъ подчиняется

наковую дату и совершенно различное содержаніе. По мнѣнію Баллерини это странное обстоятельство объясняется тѣмъ, что одно письмо, именно XXXI, къ Пульхеріи, не было послано. Отправлено было только одно XXX. Это находятъ нѣкоторое подтвержденіе въ томъ обстоятельстве, что на греческій языкъ переведено только XXX письмо (Migne LIV, 786).

б) Письма къ Юлію Косскому имѣютъ также одинаковую дату. Баллерини объясняютъ это тѣмъ, что XXXIV письмо было послано съ легатами, а XXXV съ діакономъ Василіемъ, съ которымъ Флавіанъ послалъ свои письма. Perfecta (dirēximus miserimus), употребляемые въ письмѣ XXXV, не доказываютъ того, что оно послано спустя нѣкоторое время послѣ XXXIV письма. Perfecta въ данномъ случаѣ имѣетъ значеніе настоящаго или наступающаго будущаго. Въ этомъ значеніи лат. perfectum сходно съ греческимъ глагольнымъ аористомъ и этотъ послѣдній переводится по латыни perfect'омъ (примѣч. къ письму XXII). Какимъ побужденіемъ руководствовался св. Левъ при посылкѣ въ одно время къ одному лицу разныхъ писемъ и черезъ разныхъ лицъ Баллерини не объясняютъ. Arendt (483) полагаютъ, что письма къ Пульхеріи двѣ редакціи одного письма. Болѣе позднее XXXI есть первоначальная редакція; XXX есть „произвольно измѣненное извлеченіе“ изъ XXXI. Что касается писемъ къ Юлію Косскому, то они представляютъ изъ себя одно письмо, раздѣленное на два. Это видно изъ того, что XXXIV письмо не имѣетъ заключенія, а XXXV приступа. Мнѣніе Арента, кажется, болѣе правдоподобно, чѣмъ мнѣніе Баллерини. Арентъ же выясняетъ и причину такого раздѣленія. Заключается она, вѣроятно, въ слѣдующемъ. Содержаніе XXXV письма, составляющаго вторую половину предполагаемаго цѣльнаго письма, болѣе важно, чѣмъ XXXIV. Составители разныхъ кодексовъ поэтому выпускали первую часть и довольствовались только второй. Этимъ-же объясняется и то обстоятельство, что только эта часть существуетъ въ греческ. переводѣ.

его желанію только потому, что созваніе состоялось, эдиктъ о немъ уже изданъ. Не былъ также доволенъ св. Левъ и тѣмъ, что „августѣйшій и христіаниѣйшій императоръ... слишкомъ короткое назначилъ время, въ продолженіи котораго должны собраться епископы на соборъ“. Эдиктъ о созваніи собора, объявленный 30 марта 449 года, въ Римѣ сталъ извѣстенъ только 3 мая. Собраться нужно было къ 1 августа. Оставалось, слѣдовательно, только три мѣсяца. Трехъ-же мѣсяцевъ, при тогдашнихъ путяхъ сообщенія, было, конечно, очень мало для приготовленія къ такому важному дѣлу, какъ вселенскій соборъ. Для многихъ предстоятелей западныхъ церквей, въ такое короткое время, совершенно невозможно было своевременно явиться на соборъ. При томъ св. Левъ, вслѣдствіе неблагопріятныхъ политическихъ обстоятельствъ и вслѣдствіе того, что „не было прежде“ примѣровъ присутствія папъ на соборахъ, „не могъ оставить отечества и апостольской кафедры“ (XXXI, 4). Ему слѣдовательно, нужно было назначить легатовъ. Для этого требовалось много времени, не говоря уже о трудности найти подходящихъ для этого важнаго дѣла людей.

Кромѣ писемъ, отправленныхъ съ легатами, св. Левъ имѣлъ случай еще до собора послать письмо къ Θεодосію (XXXVII, отъ 20 іюня 449 г.) и два письма къ Флавіану (XXXVI отъ 20 іюня 449 г. и XXXVIII отъ 23 іюня т. года). Какъ и въ предъидущихъ письмахъ св. Левъ указываетъ здѣсь на очевидную виновность Евтихія и, вслѣдствіе этого, на возможность „по разумнымъ причинамъ удержаться отъ созванія собора“ (XXXVII). Св. Левъ, очевидно, опасался этого собора. Мы уже указали на причину этихъ опасеній св. Льва. Дальнѣйшій ходъ дѣла покажетъ, что эти опасенія не были напрасны.

И. Дроздовъ.

(Продолженіе будетъ).

ОТВѢТЪ А. А. КИРЪЕВУ.

(По старокатолическому вопросу о „Filioque„ и „Пресуществленіи“).

Напечатавъ *Отвѣтъ Нѣмецкому Меркурію* по вопросу объ отношеніи Сына Божія къ Духу Святому и о значеніи термина: „пресуществленіе“ въ общемъ ученіи о св. таинствѣ евхаристіи ¹⁾, не находимъ причины безмолвствовать и относительно помѣщеннаго въ VI-й книжкѣ *Богословскаго Вѣстника* за текущій годъ *отвѣта* мнѣ со стороны уважаемаго А. А. Кирѣева по тому-же весьма важному вопросу.

А. А. Кирѣевъ съ самаго начала старокатолическаго движенія стоитъ въ близкихъ отношеніяхъ съ болѣе вліятельными его представителями и является однимъ изъ серьезнѣйшихъ и горячихъ поборниковъ соединенія старокатоликовъ съ православной церковію. Между тѣмъ, А. А. Кирѣевъ держится въ сущности совершенно одинаковой съ старокатоликами точки зрѣнія особенно по вопросу о *пресуществленіи*. Защита имъ старокатолическаго взгляда на этотъ предметъ, само собою разумѣется, способна лишь закрѣплять въ сознаніи старокатоликовъ отстаиваемое ими мнѣніе. Въ самомъ дѣлѣ, если одинъ изъ видныхъ русскихъ людей, начертавшій на литературномъ свсемъ знамени, между прочимъ, девизъ: *за православіе*, видимо защищаетъ нѣкоторое посредничество Сына Божія въ вѣчномъ актѣ исхожденія Духа Святаго изъ Отца и со всей рѣшительностью отвергаетъ терминъ: „пресуществленіе“, то не должны-ли старокатолики тѣмъ самымъ прямо по-

¹⁾ См. 13-ю книжку журнала: *Вѣра и Разумъ* за 1897 годъ.

ощряться на дальнѣйшее упорствование въ своихъ воззрѣнiяхъ на означенный предметъ, хотя эти воззрѣнiя *рѣшительно недопустимы* съ истинно-православной точки зрѣнiя? Соединенiе-же старокатоликовъ съ православной церковiю, горячо желаемое всѣми живыми сынами ея и въ частности самимъ А. А. Кирѣевымъ, *можетъ* лишь тормозиться чрезъ это или отдаляться. Этого тѣмъ скорѣе нужно ожидать, что достоуважаемый А. А. Кирѣевъ является у насъ, безъ всякаго сомнѣнiя, искреннѣйшимъ и талантливымъ выразителемъ и защитникомъ принадлежащаго старокатоликамъ взгляда.

По нашему глубокому убѣжденiю, выяснять необходимость отверженiя *Filioque* во *всѣхъ* его смыслахъ и формахъ и обязательность принятiя термина: *пресуществленiе* именно и значить прямо готовить и ускорять *истинное соединенiе* старокатоликовъ съ православной церковiю, если они *искренно жаждутъ* и домогаются его, въ чемъ не имѣемъ права сомнѣваться. Бывъ вызваны обстоятельствами къ тому, чтобы и съ своей стороны косвенно послужить, хотя бы печатнымъ словомъ только, великому и по истинѣ святому дѣлу приобщенiя старокатоликовъ къ православной церкви, считаемъ своей прямой обязанностью рассмотреть съ нѣкоторой обстоятельностью *всѣ „наиболѣе важныя“*, по выраженiю г. генерала Кирѣева, „сображенiя“, какiя онъ успѣлъ высказать въ своемъ *Отвѣтѣ* мнѣ для опроверженiя моей мысли: а) о необходимости отрицанiя *Filioque* въ какомъ бы то ни было его видѣ и б) обязанности для старокатоликовъ принять терминъ: *пресуществленiе*. При этомъ, прошу моего почтеннѣйшаго оппонента и читателей взять во вниманiе сказанное мною и по адресу старокатолическаго журнала: *Нѣмецкiй Меркурiй*. Въ напечатанномъ противъ этого журнала заключается опроверженiе въ особенности существеннѣйшихъ мыслей, какiя изложены А. А. Кирѣевымъ въ его *Отвѣтѣ* мнѣ. Сперва поведу рѣчь о *Filioque*, а потомъ буду говорить о терминѣ: *пресуществленiе*.

А чтобы полемика между мною и А. А. Кирѣевымъ имѣла подъ собою твердую почву и привела къ желаемымъ мною благимъ результатамъ, *прежде всего* необходимо самое точное воспроизведенiе мыслей, высказанныхъ мною и моимъ оппонен-

томъ и подавшихъ поводъ къ теперешнему печатному диспуту между нами. Къ сожалѣнію, я *долженъ* сказать, что г. генераль Кирѣевъ далеко не вездѣ надлежащимъ образомъ воспроизводитъ то существенное и изъ моей статьи, о чемъ теперь должна быть рѣчь снова. Это одинаково относится къ сказанному мною въ майской книжкѣ *Христіанскаго Чтенія* какъ по вопросу о *Filioque*, такъ и по вопросу о *пресуществленіи* ¹⁾. Допущенныя моимъ оппонентомъ неточности подлежатъ, такимъ образомъ, устраненію прежде всего.

I.

Во второй книжкѣ *Богословскаго Вѣстника* за текущей годъ напечатана А. А. Кирѣевымъ первая его статья подъ заглавіемъ: „Къ старокатолическому вопросу“, вызвавшая въ *Христіанскомъ Чтеніи* нашу статью. Въ своей статьѣ онъ высказалъ касательно *Filioque* слѣдующее. Въ *Filioque* заключается нѣкоторая частичная истина, хотя *совѣтъ* и *не та*, которая выражается буквальнымъ смысломъ, дающимъ видимое основаніе предполагать два начала бытія Духа Святаго. Въ *Filioque* заключается нѣчто другое, неизмѣнное, конечно, догматическаго значенія, а составляющее лишь необязательное богословское мнѣніе, раздѣляемое, впрочемъ, и нѣкоторыми отцами восточной церкви и могущее различно пониматься и излагаться. Допустимое и совмѣстное съ церковнымъ ученіемъ толкованіе заключающейся въ *Filioque* частичной истины состоитъ, по словамъ А. А. Кирѣева, въ признаніи за Христомъ *вѣчнаго* свойства, *вѣчной* силы и способности посланія Духа Святаго въ міръ. При этомъ, А. А. Кирѣевъ находилъ весьма страннымъ, не далекимъ даже отъ аріанскихъ мечтавій, то мнѣніе, по которому „Сынъ обладалъ не всегда *своимъ* посланіемъ Бога—Духа, а получилъ *его* какъ бы въ награду за Свое служеніе, за крестную смерть ²⁾“.

¹⁾ Неточности въ передачѣ „объектовъ“ или предметовъ спора обязаны своимъ происхожденіемъ, конечно, лишь той *попущенности*, съ какою А. А. Кирѣевъ, долженствовавшій неожиданно ѣхать въ Англію, написалъ свой *отвѣтъ* мнѣ, какъ объ этомъ можно заключать на основаніи первыхъ словъ „отвѣта“ его.

²⁾ Стран. 5—7 въ отдѣл. оттискѣ статьи А. А. Кирѣева, напечатанной во 2-й книжкѣ *Богосл. Вѣстника* за 1897 г. Нужно-бы сказать: не „свойство“, а *право*...

Какъ видимъ, А. А. Кирѣевъ высказалъ тутъ самое неопредѣленное мнѣніе о томъ, какое именно „свойство“, какую „силу“ или „способность“ посылать Святаго Духа въ міръ усвоитъ онъ Сыну Божію? Совершенной-же неопредѣленностью отличается и почти вся рѣчь его, сущность которой воспроизведена намп. Частица истины, находящаяся, по его взгляду, въ *Filioque*, можетъ быть, по его-же словамъ, различно понимаема и излагаема. Ни малѣйше не разъяснилъ онъ и того, какіе-же отцы восточной церкви и какого именно мнѣнія держались касательно этого? Между тѣмъ, опредѣленная рѣчь о всемъ этомъ представлялась необходимою. Изъ сказаннаго г. генераломъ Кирѣевымъ ясно видно то только, что онъ не допускаетъ буквального пониманія *Filioque* и, находя въ этихъ словахъ *какую-то* частицу истины, объясняетъ посыланіе Духа Святаго въ міръ Сыномъ Божіимъ *какимъ-то вѣчнымъ* „свойствомъ“ Последняго, *какой-то вѣчной* „силою“ или „способностью“ Его, но въ то же время рѣшительно отвергаетъ полученіе Сыномъ права посыланія Духа вслѣдствіе заслугъ Перваго изъ этихъ Лицъ Пресвятой Троицы.

Такъ какъ, въ виду *всего* этого, мы не имѣли тогда достаточнаго права прямо усвоить А. А. Кирѣеву свойственное папистическимъ и отчасти старокатолическимъ богословамъ мнѣніе о томъ, почему именно Сынъ Божій посылаетъ Духа Святаго въ міръ, ¹⁾ то и ограничились противопоставленіемъ православнаго, по нашему убѣжденію, возрѣнія *какъ бы уклончивой или неопредѣленной* рѣчи теперешняго нашего оппонента о причинѣ посыланія Духа Сыномъ въ міръ. Сказанное тогда нами сводится къ слѣдующему.

Фактъ посыланія Святаго Духа Христомъ прежде и болѣе всего говоритъ о *нравственномъ правѣ* Христа посылать Святаго Духа въ міръ. Дѣло не въ способности или силѣ посылать кого-либо. Каждый изъ взрослыхъ людей не только имѣетъ способность посылать своихъ ближнихъ для выполненія его порученій или желаній, но иной *можетъ* имѣть и достаточно силы для того, чтобы послать даже и *не* желающаго идти. А развѣ.

¹⁾ Отрицаніе-же А. А. Кирѣевымъ мысли, что Сыну Божію за Его заслуги даровано Отцомъ право посылать Духа Святаго въ міръ, мы *тогда* приписали просто недоразумѣнію...

мы признаемъ, что всякій, имѣющій способность или силу дѣлать другого орудіемъ своей воли, *долженъ* это дѣлать или имѣть нравственное или юридическое *право* дѣлать это? Тутъ все дѣло—въ *особыхъ личныхъ*,—природныхъ-ли то или юридическихъ,—отношеніяхъ между людьми и въ проистекающихъ *отсюда* преимуществвахъ или *правахъ* однихъ индивидуумовъ предъ другими. Точно также и посольство одного Лица Пресвятой Троицы Другимъ должно основываться на *особыхъ личныхъ* отношеніяхъ между Ними и на проистекающемъ отсюда нравственномъ *правѣ* того или другого изъ Лиць Пресвятой Троицы. Одинаковыя-же „способности“ или „силы“ къ такому посольству есть у *каждаго* Лица Пресвятой Троицы, ибо всѣ они имѣютъ одну и ту-же божескую природу и обладаютъ одинаковыми божескими свойствами: вѣчностью, всемогуществомъ и т. под. Кому-же изъ Лиць Пресвятой Троицы принадлежитъ *право* посольства? Несомнѣнно, что оно принадлежитъ *собственно* Богу Отцу, какъ единственному Виновнику, бытія Сына и Духа. Хотя нравственное право это составляетъ достояніе *собственно* Бога Отца (Іоан. VI, 44; XIV, 16 и 26; 1 Петр. V, 10; Ефес. 1, 17; Гал. IV, 6 и др.), однако же оно, вмѣстѣ съ властью надъ безплотными духами и надъ людьми, даровано Отцомъ и *Богочеловѣку* по отношенію къ Духу Святому ради Его безмѣрно-самоотверженнаго и безпредѣльно-цѣннаго подвига (Евр. 11, 9; Матѣ. XXVIII, 18; 1 Петр. III, 22; Матѣ. XVI, 27). Это нравственное право посылать Духа Святаго въ міръ получено Сыномъ Божіимъ *отъ вѣчности*, а не въ какой-либо моментъ времени (Апок. XIII, 8; Іоан. 1, 29; 1 Петр. 11, 24), и связано какъ съ *вѣчнымъ личнымъ* свойствомъ Его, само собою предполагающимъ именно въ Немъ „способность“ содѣлаться *Сыномъ человѣческимъ* ради спасенія людей, такъ и съ *вѣчной-же личной* особенностью Духа Святаго, прямо-же предполагающею хотя и другую миссію Его въ мірѣ, на—такого рода, что она органически соединена съ миссіею Сына Божія ¹⁾).

¹⁾ Стран. 7—12 и 23 въ отдѣльномъ отискѣ моей статьи, помѣщенной въ 5 кн. Христіанскаго Чтенія за 1897 г.

Какъ-же отнесся достоуважаемый А. А. Кирѣевъ къ предложенному мною объясненію факта посланія Духа Святаго Христомъ? Изложивъ мои слова въ томъ смыслѣ, что я приписываю *право* посольства „преимущественно“ Богу Отцу и что такое-же *право* даровано Отцомъ отъ вѣчности Сыну Божію, мой оппонентъ замѣчаетъ о *себѣ* слѣдующее: „Я имѣю полное основаніе присоединиться къ аргументаціи проф. Гусева. Я говорилъ, что мы должны признать за Сыномъ *вѣчную способность, силу* посланія, и что въ этомъ смыслѣ мы и можемъ понимать *Filioque* безъ нарушенія вселенскаго ученія о Святой Троицѣ... Вѣдь всякое *право*, даруемое кому бы то ни было, предполагаетъ и *способность, силу, свойство* его примѣненія къ жизни. Стало-быть, если у Сына—вѣчное *право* посланія, хотя бы и сообщенное Ему Отцомъ, то у Него есть и *вѣчная* способность, сила, свойство онаго. Далѣе этого и я не иду и не шель“¹⁾).

Не смотря на столь рѣшительное заявленіе А. А. Кирѣева о своемъ единомысліи съ нами въ указанномъ имъ отношеніи, мы, къ сожалѣнію, находимъ коренное разногласіе между нимъ и нами по столь важному вопросу.

По нашимъ словамъ, *правомъ* посольства остальныхъ Лицъ Пресвятой Троицы обладаетъ *не* преимущественно, какъ передаетъ А. А. Кирѣевъ, а „*собственно*“, или исключительно, Богъ-Отець, ибо Онъ—*единственная* причина *бытія* одинаково и Сына, и Духа. Значитъ, Сынъ Божій, какъ не являющійся, съ нашей точки зрѣнія, въ какомъ бы то ни было смыслѣ пособникомъ Отцу въ дѣлѣ *вѣчнаго* исхожденія Духа Святаго, обладаетъ самъ по себѣ только такимъ-же „свойствомъ“, такую же способностью или „силою“ посылать Духа Святаго въ міръ, какими обладаетъ по отношенію къ Нему и Третье Лицо Пресвятой Троицы. При *одинаковыхъ-же* „свойствахъ“, „силахъ“ или способностяхъ у Сына и Духа посылать Другъ Друга въ міръ нѣтъ мѣста и *праву* Сына посылать Духа въ міръ. Это *право* могло быть лишь получено Сыномъ Божіимъ отъ Отца въ силу какого-

¹⁾ Стран. 3 въ отдѣльномъ оттискѣ статьи г. Кирѣева, помѣщенной въ 6-й ян. *Богословскаго Вѣстника* за 1897 г.

либо *особаго* основанія. Таковымъ основаніемъ является не какое-то невѣдомое „свойство“ Сына, не какая-то совершенно неизвѣстная „сила“ или способность, присущая Сыну Божію, какъ это выходитъ у А. А. Кирѣева, а, напротивъ, вполне опредѣленная, *отъ вѣчности реализовавшаяся въ очахъ Бога-Отца*, способность именно Сына Его стать Сыномъ человѣческимъ и совершить искупленіе людей отъ грѣха, проклятія и смерти. Но и эта „способность“, свойственная Сыну Божію, не сама по себѣ перешла для Него въ нравственное *право* посылать Духа Святаго въ міръ, не сама по себѣ дала Ему такое *право*, а лишь *связана съ полученіемъ* его (права) отъ *самого* Бога-Отца въ *силу* заслугъ Богочеловѣка. Если же Сынъ Божій *получилъ* означенное *право* отъ вѣчности, то—потому, что Онъ какъ „Агнецъ Божій“, отъ вѣчности-же „за-кланъ“ (Апок. XIII, 8). Между тѣмъ, по взгляду моего почтеннаго оппонента, выходитъ и теперь, будто Христосъ получилъ *право* посылать Духа Божія отнюдь не за Свой безпредѣльно-самоотверженный и безмѣрно-цѣнный подвигъ искупленія и спасенія человѣчества и міра, а вслѣдствіе *какого-то* вѣчнаго „свойства“ Его, *какой-то* вѣчной „силы“ или способности Его. Замѣчательно, что А. А. Кирѣевъ объявляетъ, хотя и *голословно*, въ самомъ *Отвѣтъ* мнѣ „законными (?!) сомнѣнія“ свои касательно того, что Христосъ получилъ *право* посланія Духа Святаго въ „награду“ за Свою крестную смерть ¹⁾.

Спрашивается: гдѣ-же и въ чемъ-же обрѣтается согласіе между мною и А. А. Кирѣевымъ по вопросу вообще о посланіи Духа Божія въ міръ и для міра Господомъ Іисусомъ Христомъ? Онъ рѣзко расходится со мною даже и въ столь важномъ (а отнюдь не „инцидентномъ“), и въ столь-же опредѣленно рѣшенномъ въ Свящ. писаніи вопросѣ о причинѣ *полученія* Христомъ *права* посылать Духа Святаго въ міръ.

Настаиваніе А. А. Кирѣева на своихъ „сомнѣніяхъ“ касательно моего рѣшенія *последняго* изъ упомянутыхъ вопросовъ заставляетъ предполагать, что онъ, подобно старокатоликамъ,

¹⁾ Ibid. стр. 4. Что Христосъ получилъ и „силу“ посланія Духа Святаго въ міръ „въ награду“ за свой искупительный подвигъ, этого я не говорю и даже не могу говорить. Именно я—то и утверждалъ, что „сила“ тутъ не при чемъ... Да и не странно-ли заводить о ней рѣчь?...

усматриваетъ въ *Filioque* такую „частицу истины“, которая состоитъ въ признаніи Сына Божія въ какомъ-либо смыслѣ „второй причиною или сопричиною“ самаго бытія Духа Святаго и неизбежно *ведетъ* къ совершенно-противоположному съ нашимъ объясненію факта посланія Духа Святаго Сыномъ Божиимъ въ міръ, но только *не* говоритъ объ этомъ *прямо*—открыто, ясно. Впрочемъ, какую-же *другую* „частицу истины“ можно усматривать въ *Filioque*, кромѣ предположенной нами? Какъ бы различно по *формѣ* ни понималась она, все таки по существу своему она противоположна мысли объ Отцѣ, какъ безусловно-единомъ Виновникѣ бытія Духа Святаго, и лишаетъ Отца *свойственнаго* лишь Ею Упастаси личнаго *права* посланія, каковое право Онъ можетъ только *даровать* Иному Лицу Пресв. Троицы по *особому* основанію. Опроверженіемъ нашего предположенія не должно быть то обстоятельство, что г. генералъ Кирѣевъ отрицаетъ „двойственный источникъ Божества“. Вѣдь и старокатолики стараются совмѣстить несовмѣстимое...

Изъ сказаннаго видно, что нашъ почтенный оппонентъ шель и идетъ совсѣмъ не туда, куда шли и идемъ мы, по вопросу объ отношеніи Сына Божія къ Духу Святому и о причинѣ посланія Послѣдняго изъ Нихъ Первымъ. Но если наши мнѣнія объ этомъ безспорно противоположны, то какое-же изъ нихъ правильнѣе, согласнѣе съ истинно-православнымъ воззрѣніемъ? Основываясь на *богооткровенномъ ученіи*, содержащемся въ Священномъ писаніи и на *соборномъ преданіи* вселенской церкви, долженствующемъ служить въ качествѣ критерія правильности или неправильности словъ *самихъ* церковныхъ писателей о томъ или другомъ предметѣ, не можемъ сомнѣваться въ *истинности* нашего мнѣнія, что въ *Filioque* нѣтъ *ни какой* частицы истины, по скольку дѣло идетъ о посредничествѣ или соучастіи Сына Божія въ *вѣчномъ* актѣ изведенія Духа Святаго къ бытію изъ Отца, и что Христосъ посылаетъ Духа Святаго въ міръ „во времени“ *только* въ силу дарованнаго Ему Отцомъ, за Ею искупительно-спасительный подвигъ, *нравственнаго права* на такое посланіе.

Послѣдняя изъ этихъ мыслей, какъ выше видѣли читатели, обоснована у насъ на указанныхъ въ цитатахъ словахъ самого

Иисуса Христа и Его свв. апостоловъ. Къ приведеннымъ ссылкамъ на Священное писаніе можемъ присоединить здѣсь новыя для показанія того, что наша мысль о причинѣ посланія Духа Святаго въ міръ Христомъ является только выраженіемъ общей мысли *богооткровеннаго* ученія. „Иисусъ Христосъ, будучи образомъ Божіимъ, не почиталъ, говоритъ ап. Павелъ, хищеніемъ быть равнымъ Богу; но уничижилъ Себя самого, принявъ зракъ раба, сдѣлавшись подобнымъ человѣкамъ и по виду ставъ, какъ человѣкъ; смирилъ Себя, былъ послушнымъ даже до смерти,—и смерти крестной. *Посему и Богъ превознесъ Его и далъ Ему имя выше всякаго имени, дабы предъ именемъ Иисуса прѣклонилось всякое колѣно небесныхъ, земныхъ и преисподнихъ* (Филип. II, 6—10). „Богъ—Отець, по словамъ того-же Апостола, посадилъ Христа *одесную* Себя на небесахъ *превыше всякаго* начальства, и власти, и силы, и господства, и *всякаго* имени, именуемаго не только въ семъ вѣкѣ, но и въ будущемъ, и *все* покорилъ подъ ноги Его, и поставилъ Его *выше всего, главою церкви*, которая есть тѣло Его“ (Ефес. I, 20—23). Въ другомъ изъ своихъ посланій св. апостоль Павелъ, указывая, какія преимущества, или права, даны Христу за Его искупительно—спасительный подвигъ, говоритъ слѣдующее: „Богъ—Отець *все* покорилъ Христу; когда-же сказано, что *Ему все* покорено, то ясно, что *кромѣ Того*, Который покорилъ Ему *все*“ (I Кор. XV, 27).

Возможны-ли же и нужны-ли еще какія-либо доказательства, болѣе авторитетныя и непререкаемыя, въ пользу мысли, что Господь нашъ Иисусъ Христосъ отъ Отца Своего небеснаго получилъ, за Свой безпримѣрный и абсолютно-неподражаемый подвигъ, и нравственное *право* посылать Духа Святаго въ міръ, что это посланіе совершается Христомъ именно въ *силу этого* права ¹⁾? Если-же А. А. Кирѣевъ продолжаетъ сомнѣваться въ этомъ, не смотря на такого рода безусловно-авторитетныя и очевидныя доказательства разсматриваемой здѣсь истины, то намъ остается лишь пожалѣть о томъ, что столь дес-

¹⁾ Въ ветхозавѣтныхъ книгахъ Свящ. писанія эта мысль не могла высказываться съ какой-либо опредѣленностью по понятной каждому причинѣ...

потически властвують иногда надъ людьми *предвзятые* взгляды, какъ ни зыбка подъ ними логическая и всякая иная почва.

А послѣдняя, по нашему убѣжденію, бесспорно-колеблющаяся и безнадежная во всѣхъ отношеніяхъ. Что Христосъ получилъ за свой безмѣрно-великій и безконечно-цѣнный подвигъ отъ Отца Своего небеснаго особаго преимущества, или права, въ число коихъ *само собою* включается и нравственное *право* посылать Духа Святаго въ міръ, эта мысль такъ или иначе повсюду выражается и во вселенскомъ церковномъ преданіи. Возьмите во вниманіе хотя бы символы православной церкви, начиная съ древнѣйшихъ изъ нихъ и оканчивая Никеоцареградскимъ, составленнымъ на первомъ и второмъ вселенскомъ соборѣ и авторизованнымъ всѣми послѣдующими вселенскими соборами. Изъ древнѣйшихъ символовъ остановимся на символѣ Кипрской церкви. Въ немъ говорится, въ концѣ его, между прочимъ, о сѣдѣніи Господа Иисуса Христа *одесную* Отца, о грядущемъ всеобщемъ судѣ *Его* надъ людьми, о нескончаемости *царствованія Его* и т. п., а сперва указывается на Его искупительно-спасительный подвигъ. Развѣ здѣсь не включается въ число дарованныхъ Христу отъ Его Отца небеснаго преимуществъ, или правъ, и *право* Богочеловѣка посылать Духа Святаго въ міръ? Хотя оно и не упомянуто, но *само собою* предполагается непременно уже тѣмъ однимъ, что сказано о другихъ преимуществахъ, или правахъ, Его. Символь-же св. Григорія Чудотворца, одобренный вселенской церковію на VI-мъ вселенскомъ соборѣ, прямо говоритъ, что хотя Духъ Святой имѣетъ бытіе или вѣчно исходитъ отъ Бога—Отца, но „черезъ Сына Божія“ является *людямъ* и, значитъ, вообще *міру* и для *блага міра*. Если взять во вниманіе все то, что говорится въ этомъ символѣ объ Иисусѣ Христѣ, то и получается мысль, защищаемая нами. О безусловно-благопріятномъ значеніи Никеоцареградскаго символа для этой мысли и распространяться не зачѣмъ: этотъ символъ въ данномъ отношеніи является воспроизведеніемъ символа Кипрской церкви. Если же вѣкоторые отцы и учителя церкви иногда усвояютъ и Духу Святому посыланіе Сына Божія въ міръ, то при этомъ не должно забывать той точки зрѣнія, съ которой они разсуждали въ данномъ случаѣ. Имѣя въ виду собствен-

но *единство* и *нераздѣльность* божеской природы Лицъ Пресвятой Троицы, нѣкоторые изъ нихъ выражались даже, что Сынъ, подобно Духу, и *Самъ Себя* посылаетъ въ міръ. Этимъ они, конечно, отнюдь не отвергали того, что *право* посланія Сына и Духа въ міръ и для міра принадлежитъ *Упостаси* собственно Бога—Отца и что Первое лицо Пресвятой Троицы отъ вѣчности *даровано* Христу, за Его отъ вѣчности-же предопределенный подвигъ, нравственное *право* посольства Духа Святаго, поскольку имѣлись ими въ виду *личныя* особенности и отношенія между Упостасями Пресвятой Троицы. А вѣдь въ этихъ-то *личныхъ* особенностяхъ и отношеніяхъ и состоитъ *вся* сущность дѣла при разсужденіяхъ о посланіи одного Лица Пресвятой Троицы инымъ Лицомъ.

Вотъ основанія, въ силу которыхъ признаемъ вполне правильно нашу мысль, что Христосъ посылаетъ Духа Святаго вслѣдствіе *дарованнаго* Ему Отцомъ нравственнаго *права* за *Его* *искупительно-спасительный* подвигъ. А что касается видимо защищаемаго и А. А. Кирѣевымъ, какъ и старокатоликами, мнѣнія, будто Духъ Святой посылается Сыномъ Божиимъ потому, что Послѣдній такъ или иначе посредствуетъ или участвуетъ въ вѣчномъ актѣ изведенія Духа изъ Отца, т. е. является нѣкоторой причиною самого *бытія* Духа, то вынуждаемся считать означенное мнѣніе неправильнымъ или даже ложнымъ. Намъ остается оправдать нашъ невольно-строгій приговоръ. Доказавъ по мѣрѣ надобности ту мысль, что нельзя признавать Сына Божія какой бы то ни было причиною *бытія* Духа, мы *тѣмъ самымъ* опровергнемъ и *то* мнѣніе, будто Сынъ Божій посылаетъ Духа Святаго въ міръ, какъ нѣкоторый совиновникъ въ вѣчномъ изведеніи Духа изъ Отца по бытію. Но нѣсколько уклончивая и въ этомъ случаѣ „аргументанція“ нашего почтеннаго оппонента заставляетъ насъ, къ нашему сожалѣнію, отвлекаться-же отъ исполненія прямой нашей задачи къ уясненію подлинныхъ мыслей А. А. Кирѣева.

По поводу нашего упоминаванія о св. Іоаннѣ Дамаскинѣ онъ говоритъ слѣдующее: „Если такіе люди, какъ Іоаннъ Дамаскинъ, не только великій Святой, но и послѣдній великій Отецъ Церкви, признаваемый таковымъ и Восто-

комъ и Западомъ, резюмировавпий всю тогдашнюю богословскую науку, принималъ несомнѣнно ученіе объ исхожденіи Св. Духа отъ Отца „*чрезъ Сына*“, то и мы можемъ думать то же. У Дамаскина мысль объ отношеніяхъ св. Упостасей выражена, между прочимъ, въ слѣдующихъ выраженіяхъ, безусловно православныхъ и исключаяющихъ всякій намекъ на двойственный источникъ Божества, а именно: „Св. Духъ есть упостасное (личное) исхожденіе и произведеніе хотя изъ Отца, но принадлежащее Сыну, и *не изъ Сына*, какъ Духъ устъ Божіихъ, извѣщающій Слово“ (Нум. Trisagios 28). Далѣе: „Духъ есть сила Отца, проявляющая сокровенное въ Божествѣ, исходящая изъ Отца *чрезъ Сына*“ (De Fid. Orth. 1, 12), и—„Духъ Сына, не какъ изъ Него, но какъ *черезъ* Него исходящій изъ Отца“ (прот. Манихеевъ; 5). Мнѣ кажется, замѣчаетъ о себѣ А. А. Кирѣевъ, что авторитетъ Іоанна Дамаскина совершенно достаточенъ для успокоенія наиправославнѣйшаго изъ новыхъ богослововъ. На этомъ, продолжаетъ онъ, и я считаю возможнымъ остановиться“¹⁾. Напрасно рѣшился,—замѣтимъ съ своей стороны,—остановиться на этомъ нашъ почтенный оппонентъ. Онъ обязанъ былъ, хотя бы кратко, разъяснить, какъ-же *нужно*, по его мнѣнію, понимать приведенныя имъ изреченія изъ твореній св. Іоанна Дамаскина? Вѣдь именно ему должно быть хорошо извѣстно не только то, что подчеркиваемое имъ слово: *чрезъ* мы находимъ возможнымъ переводить съ греческаго: διὰ и словами: *вмѣстѣ съ, въ* и т. д. под., но и слѣдующее весьма важное въ данномъ случаѣ обстоятельство.

Еще во время засѣданій Бонской конференціи, бывшей въ августѣ 1875 года, старокатолики усиливались истолковать въ благопріятномъ для себя смыслѣ и приведенныя А. А. Кирѣевымъ слова изъ сочиненій св. Іоанна Дамаскина. Еще тогда старокатолики старались примирить съ единоначаліемъ во св. Троицѣ *свою* мысль о Сынѣ Божіемъ, какъ о нѣкоторой причинѣ *бытія* Духа Святаго,—мысль, выдававшуюся ими за мысль собственно Іоанна Дамаскина. Для этого они прибѣгали къ тѣмъ-же, по своему существу, „слишкомъ тонкимъ умозрѣ-

1) Стр. 4-я въ отдѣл. оттискѣ *Отвѣта* мнѣ.

ніямъ“, къ какимъ прибѣгали и прибѣгаютъ папскіе богословы для оправданія Filioque. Такъ, приснопамятный Деллингеръ говорилъ, между прочимъ, что „чѣмъ *помогаетъ* Сынъ приведенію Духа Святаго въ *бытіе*, то имѣетъ Онь отъ Отца“, и рассчитывалъ подобною формулою примирить мысль о Сынѣ, какъ о совинovníкѣ *бытія* Духа, съ мыслию объ Отцѣ, какъ объ единственномъ источникѣ Божества. Между тѣмъ, представители православной церкви, присутствовавшіе на упомянутой конференціи и опиравшіеся, между прочимъ, на ученіе и Іоанна Дамаскина, отвѣчали на всѣ подобнаго рода заявленія и завѣренія со стороны старокатоликовъ слѣдующимъ положеніемъ: „*всякое участіе Сына въ исхожденіи, чрезъ которое Св. Духъ получаетъ Свое существованіе, исключается*“. Въ частности о. І. Л. Янышевъ говорилъ о необходимости признанія *всѣми*, что „Духъ Святой есть дѣйствіе и Сына *исключительно* по отношенію къ посланничеству“¹⁾.

Какъ-же самъ А. А. Кирѣевъ понимаетъ смыслъ приведенныхъ имъ изрѣченій св. Іоанна Дамаскина? Основываясь и на подстрочномъ примѣчаніи, сдѣланномъ имъ къ его словамъ о томъ, что „и мы можемъ думать, подобно Дамаскину, объ исхожденіи Св. Духа отъ Отца „*чрезъ Сына*“²⁾, я въ правѣ утверждать категорически, что мой почтенный оппонентъ примыкаетъ къ старокатоликамъ въ *пониманіи* словъ Іоанна Дамаскина, т. е. видитъ въ этихъ словахъ подтвержденіе или выраженіе *своей* мысли о Сынѣ Божіемъ, какъ о нѣкоторомъ совинovníкѣ *самого бытія* Духа Святаго. Но въ дѣйствительности справедливо-ли находить такую мысль въ приведенныхъ А. А. Кирѣевымъ изрѣченіяхъ изъ твореній св. Іоанна Дамаскина? Какъ ниже увидимъ, совершенно правы были присутствовавшіе въ 1875 году на Бонской конференціи представители православной церкви, не допуская и тѣни указанной филиоквистической мысли въ ученіи св. Іоанна Дамаскина.

Этотъ св. отецъ и учитель церкви съ особенной настойчи-

1) Стран. 16 и друг. въ 1-й части *Сторника проток. С.-Пет. отд. Общ. любител. дух. просвѣщ.* за 1875—1876 г.г.

2) Въ примѣчаніи А. А. Кирѣевъ указываетъ не на ложность Filioque вообще, а лишь на неумѣстность вставки этихъ словъ въ символъ...

востью, опредѣленностью и ясностью высказываетъ въ своихъ твореніяхъ мысль о томъ, что въ Божествѣ *одна* причина (*αἰτία*), *одинъ* источникъ (*πηγή*), *одно* начало (*αρχή*). Читая его произведенія, иной разъ невольно приходишь къ мысли, что онъ, какъ будто бы, особенно имѣлъ въ виду ложное филиоквистическое возрѣніе и, какъ будто бы, нарочито направлялъ противъ него свои слова объ отношеніи Сына Божія къ Духу Святому. Такъ, онъ со всею рѣшительностью и очевидностью высказывается о Духѣ Святомъ въ томъ непререкаемомъ смыслѣ, что Богъ Отецъ (*ὁ Πατὴρ*) есть *единственная* причина (*μόνος αἰτιος*) и *Его бытія*, а не Сына только ¹⁾. Само собою разумѣется, что слова: *единственная причина* употреблены здѣсь Іоанномъ Дамаскинымъ отнюдь не въ смыслѣ главной или первоначальной причины, а въ смыслѣ единственной *производящей* или *дѣйствующей* причины. Потому-то, этотъ великій отецъ церкви и называетъ Бога-Отца въ этомъ отношеніи прямо „*Изводителемъ*“ или *Производителемъ* Духа Святаго въ той-же тирадѣ, въ которой идетъ рѣчь о *причинѣ бытія* Его, какъ и Сына Божія, и которая заканчивается словами: „*одинъ только Отецъ-Винovníкъ*“ ихъ ²⁾. Подобно тому какъ св. Іоаннъ Дамаскинъ неоднократно повторяетъ свою мысль о томъ, что Духъ Святой имѣетъ одного только ³⁾ Отца Винovníкомъ *бытія* Своего, точно также онъ не разъ повторяетъ свои слова и о томъ, что Богъ-Отецъ есть „*Изводитель*“ или *Производитель* Духа Святаго ⁴⁾. Нельзя не поставить на видъ и слѣдующаго важнаго обстоятельства. Св. Іоаннъ Дамаскинъ и вообще рѣшительно не допускаетъ той мысли, чтобы Сынъ Божій былъ вообще какою-либо „*причиною*“ въ вѣчной жизни Божества. Тутъ, по его словамъ, *нельзя* говорить, что „*Сынъ—причина*“ ⁵⁾.

¹⁾ Curs. Compl. T. 94. Col. 849. Ср. также стр. 36 въ *Точномъ изложеніи православной вѣры* Дамаскина по русск. переводу г. Бронзова (Спб. 1894 г.). Чтобы каждый читатель самъ могъ непосредственно слѣдять за дѣломъ, мы нарочито будемъ обращаться къ русскому переводу названнаго сочиненія, въ *общемъ* прекрасно выполненному.

²⁾ Ibid. См. также стран. 15. А гдѣ св. отецъ имѣетъ, при этомъ, въ виду и посольство Духа Сыномъ, тамъ онъ прямо оговаривается касательно этого...

³⁾ Ibid. Стран. 25.

⁴⁾ Ibid. Стран. 15.

⁵⁾ Ibid. Стран. 27.

Всѣмъ этимъ исключается, очевидно, мысль о Сынѣ Божіемъ, даже какъ объ „орудной“ причинѣ, посредствомъ или при помощи которой изводится Духъ Святой изъ Отца въ бытіе,—мысль, защищавшаяся Деллингеромъ и вообще старокатоликами еще на Бонской конференціи въ 1875 году. Обращаетъ на себя наше вниманіе и тотъ фактъ, что св. Іоаннъ Дамаскинъ вездѣ, гдѣ приходилось ему говорить объ отношеніи между Упостасями Пресвятой Троицы, почти всегда дѣлаетъ, при этомъ, оговорку, что Духъ Святой исходитъ вѣчно отъ Отца, а отнюдь не отъ Сына Божія. Это находимъ не въ тѣхъ только изрѣченіяхъ Іоанна Дамаскина, которыя,—какъ мы выше видѣли,—приведены А. А. Кирѣевымъ, но и во многихъ другихъ его изрѣченіяхъ подобнаго характера. Для примѣра укажу на слѣдующія слова св. отца: „о Духѣ Святомъ говоримъ, что Онъ —отъ Отца, но не говоримъ, что Духъ—отъ Сына“¹⁾. Этими словами св. отца, особенно если возьмемъ во вниманіе и сказанное выше относительно его взгляда на рассматриваемый предметъ, всецѣло отрицается не только та мысль, какая соединена у папистовъ съ словами: *Filioque*, но и малѣйшая „частица истины“, въ чемъ бы ни поставляли ее старокатолики и А. А. Кирѣевъ.

Въ самомъ дѣлѣ, пусть Сынъ Божій мыслится только въ качествѣ „орудія“, коимъ пользуется Отецъ при изведеніи изъ Себя Духа Святаго. Но вѣдь и въ такомъ случаѣ Іоаннъ Дамаскинъ не могъ-бы говорить, что Отецъ есть „единственная причина“ бытія Духа и что Сынъ вообще не есть „причина“ въ вѣчной жизни Божества. Напротивъ, тогда онъ долженъ-бы непременно сказать, что Отецъ изводитъ Духа въ бытіе при помощи Сына Своего или что Духъ по Своему бытію не зависитъ исключительно отъ одного Отца. Между тѣмъ, у Іоанна Дамаскина не только не находимъ ни малѣйшаго намека на это, но, наоборотъ, встрѣчаемъ въ разсужденіяхъ его о происхожденіи Лицъ Пресвятой Троицы какъ бы нарочитыя указанія на то, что Отецъ „не нуждается ни въ чемъ содѣйствіи“, очевидно, при изведеніи-ли Духа Святаго изъ Себя къ бытію

¹⁾ Ibid.

или при рожденіи Сына ¹⁾. Но недостаточно сказать это только. Іоаннъ Даскинъ вездѣ усвояетъ Сыну Божию, въ качествѣ отличительнаго личнаго Его свойства, *лишь* рождаемость. Онъ многократно повторяетъ, что Сынъ отличается отъ Отца и Духа только этой личной особенностью Своей ²⁾. Тотъ-же св. отецъ, при этомъ, неоднократно и со всей рѣшительностью высказывается касательно неизмѣняемости, непереходимости или непреложности *личныхъ* свойствъ или особенностей *каждой* Упостаси Пресвятой Троицы ³⁾. Между тѣмъ, если-бы Сынъ Божій, при изведеніи Духа Святаго изъ Отца къ *бытію*, помогаль Богу—Отцу, даже какъ „орудіе“ только, то и въ этомъ случаѣ была-бы поколеблена, сглажена или даже уничтожена непреложность или непереходимость *личныхъ* свойствъ Упостасей Пресвятой Троицы. Далѣе, Іоаннъ Дамаскинъ настаиваетъ на мысли о *совѣчности* или *совмѣстности*: а) рожденія Сына отъ Отца и б) изведенія Духа отъ Отца ⁴⁾. Но развѣ мыслимо совѣчное рожденію Сына исхожденіе Духа изъ Отца въ *бытіе*, если Второе Лицо Пресвятой Троицы служить для Отца „орудіемъ“ къ произведенію Духа? Старокатолическіе богословы говорятъ, что нужно мыслить рожденіе Сына предшествующимъ исхожденію Духа Святаго не хронологически, „не по времени“, а только „логически“. Но это, очевидно, безнадежный софизмъ: логическая преемственность или послѣдовательность не должна и не можетъ мыслиться тамъ, гдѣ для ней нѣтъ никакихъ основаній въ хронологической преемственности или послѣдовательности. Свое противорѣчіе ученію и Іоанна Дамаскина еще Деллингеръ пытался затушевать или прикрыть тѣмъ соображеніемъ, что Сынъ Божій имѣетъ отъ Отца-же Своего и способность быть „орудіемъ“ при изведеніи Духа Святаго къ *бытію* Богомъ Отцомъ. Но вѣдь въ томъ-то и дѣло, что Отецъ *не могъ* даровать Сыну Своему эту способность, *не измѣняя* какъ Своего *личнаго* свойства, такъ и *личныхъ* свойствъ Сына и Духа, и *не внося* хронологической преемственности или послѣдовательности въ вѣчную жизнь Божества.

¹⁾ Ibid. стран. 17.

²⁾ Ibid. стран. 22, 23 и друг.

³⁾ Ibid. стран. 26.

⁴⁾ Ibid. стран. 10, 11, 13, 24 и друг.

Сказанное нами о рѣшительной несогласимости съ ученіемъ Іоанна Дамаскина мнѣнія о Сынѣ, какъ „орудіи“ въ десницѣ Отца при изведеніи Духа Святаго къ бытію, вполне, во всѣхъ подробностяхъ своихъ приложимо и къ той мысли, будто Духъ Святой, исходя изъ Отца, проходитъ чрезъ или сквозь Сына, какъ чрезъ нѣкоторую среду, и вслѣдствіе этого пріобрѣтаетъ образъ Сына Божія. Для этого мнѣнія точно также не только нѣтъ ни малѣйшихъ основаній въ возрѣніяхъ св. Іоанна Дамаскина на взаимныя отношенія между Упостасями Пресвятой Троицы, но оно сполна противорѣчитъ ученію этого святаго и „вселенскаго“ богослова о единственности производящаго начала въ вѣчной жизни Божества, о самодостаточности этого начала, о непереходимости или непреложности *личныхъ* свойствъ у Упостасей Пресв. Троица и о совѣчности всѣхъ Ихъ. Но и этого сказать мало. Іоаннъ Дамаскинъ какъ бы предвидѣлъ, критикуемое нами, своеобразное мнѣніе и напередъ осудилъ его въ слѣдующихъ своихъ знаменательныхъ словахъ: „*Все, что имѣетъ Духъ, имѣетъ Онъ по причинѣ Отца или отъ Отца*“¹⁾. Послѣ этого можемъ только изумляться въ виду того, что находятся богословы, рѣшающіеся смѣло утверждать и пропагандировать мысль, будто Іоаннъ Богословъ—одинъ изъ авторитетнѣйшихъ виновниковъ и сторонниковъ разсмотрѣннаго нами, по истинѣ страннаго, мнѣнія.

Но отсюда-же нужно заключить, что указанныя и процитованныя А. А. Кирѣевымъ изреченія св. Іоанна Дамаскина не могутъ содержать въ себѣ ни какой філіоквистической мысли и должны быть понимаемы иначе, чѣмъ понимаетъ ихъ нашъ почтенный оппонентъ. Спрашивается: а какимъ-же именно нужно понимать „ученіе“ Дамаскина „объ исхожденіи Духа Святаго отъ Отца *чрезъ* Сына“? На этотъ вопросъ ясно и авторитетно отвѣчаетъ самъ-же св. отецъ, говоря, что Духъ Святой отъ Отца исходитъ, а чрезъ Сына раздается и воспринимается всей тварію²⁾. Въ этомъ смыслѣ могутъ быть понимаемы, отрывочно приведенныя А. А. Кирѣевымъ, изреченія

¹⁾ Ibid стр. 22.

²⁾ Ibid. Стран. 22 и 27. Откуда видно, что въ приведенной А. А. Кирѣевымъ формулѣ только слова: *отъ Отца* указываютъ на вѣчное исхожденіе отъ Него Духа.

св. Иоанна Дамаскина. Въ первомъ изрѣченіи Духъ Святой называется „принадлежащимъ Сыну“, конечно, въ смыслѣ посланничества Его Сыномъ Божіимъ, ибо далѣе прямо сказано у св. отца, что Духъ „извѣщаетъ“,—возвѣщаетъ „Слово“, или о Словѣ, т. е. о Сынѣ Божіемъ. Что и второе изреченіе по своему смыслу сходно съ первымъ, это видно уже изъ наименованія Духа „проявляющимъ“, конечно, міру и въ мірѣ „сокровенное“ Божества. То же нужно сказать и о смыслѣ третьяго изреченія. А если бы нѣкоторыя изъ подобнаго рода изрѣченій касались вѣчныхъ отношеній между Сыномъ Божіимъ и Духомъ Святымъ по самому *бытію* ихъ, то и это обстоятельство не давало-бы ни малѣйшаго основанія понимать ихъ хотя сколько-нибудь въ филиоквистическомъ смыслѣ. Св. Иоаннъ Дамаскинъ, какъ уже знаемъ, мыслить совмѣстно происходящими совѣчные акты рожденія Сына и исхожденія Духа Святаго отъ Отца и въ то же время называетъ или представляетъ Третье Лицо Пресв. Троицы какъ-бы „сопутствующимъ Сыну“ въ рожденіи Его отъ Отца ¹⁾. Поэтому, въ такихъ случаяхъ и слово: *διὰ* указываетъ лишь на это и должно быть переводимо словами: *вмѣстѣ съ* или *совмѣстно съ* (рождающимся Сыномъ, а не *чрезъ* Сына).

Итакъ, представляется совершенно предвзятымъ или произвольнымъ мнѣніе, будто Сынъ Божій посылаетъ Духа Святаго въ міръ, какъ нѣкоторый Совиновникъ *самаго бытія* Его: таковымъ Совиновникомъ бытія Духа нельзя признавать Сына Божія *ни въ какомъ смыслѣ* и по ученію св. Иоанна Дамаскина.

II.

На свои возраженія намъ по вопросу о *пресуществленіи*, въ таинствѣ евхаристіи, хлѣба и вина въ самое тѣло и въ самую кровь Богочеловѣка достоуважаемый А. А. Кирѣевъ сравнительно болѣе щедръ, но за то здѣсь и самыя возраженія, пожалуй, еще болѣе обнаруживаютъ какъ свою нерѣдко совершенную ненужность, такъ и свою шаткость или несостоятельность.

¹⁾ Ibid. Стр. 10—12. Словомъ *сопутствующій* св. отецъ указываетъ, очевидно, и на *разницу* въ способъ совмѣстнаго происхожденія Сына и Духа отъ единого Вяновника—Отца.

Такъ, почтенный оппонентъ увѣряетъ, будто въ своемъ мнѣніи о терминѣ: *пресуществленія* мы встали на философскую точку зрѣнія, и даже одобряетъ насъ за это, находя, что вопросъ объ этомъ терминѣ, будто-бы, „чисто-философскаго свойства“¹⁾, а не иного какого-нибудь А. А. Кирѣевъ, спѣша опровергнуть мою мысль о необходимости и законности термина: *пресуществленіе* въ общемъ ученіи о таинствѣ евхаристіи, не обратилъ, очевидно, надлежащаго вниманія на слѣдующее рѣшительное и для всякаго ясное мое заявленіе: „касательно возраженій во имя философіи противъ *пресуществленія* хлѣба и вина, въ таинствѣ евхаристіи, въ истинное тѣло и въ истинную кровь Господа нашего Іисуса Христа должно *всегда* имѣть въ виду, что по *меньшей* мѣрѣ *излишне* выходить, при разсужденіяхъ объ этомъ предметѣ, изъ философскихъ понятій о субстанціи“²⁾. Вслѣдъ за этимъ мы указывали, почему тутъ не пригодны не какія нибудь одни изъ извѣстныхъ, въ исторіи философіи, школьно-философскихъ понятій о субстанціи, а *всѣ* наличныя понятія этого рода. Мало и этого. Со всей рѣшительностью и ясностью заявляли мы тогда, что, при разсужденіяхъ о *пресуществленіи* въ таинствѣ евхаристіи, нужно выходить изъ собственнаго общечеловѣческому сознанію понятія о сущностяхъ и лишь *надлежаще* прилагать это понятіе къ тому своеобразному предмету, о которомъ идетъ дѣло въ ученіи о таинствѣ евхаристіи³⁾. Если-же мы и уклонились отъ прямого указанія на то, какія-же именно понятія существуютъ у людей касательно субстанціи, въ чемъ обнаруживаются эти понятія и какъ выразились они въ вселенски-церковномъ сознаніи, то сдѣлали это единственно по той причинѣ, что *никакъ* не ожидали, проявленной теперь и нашимъ почтеннымъ оппонентомъ, по *меньшей* мѣрѣ „недогадливости“ касательно всего этого. Между тѣмъ, богословствующимъ людямъ было въ высшей степени легко „догадаться“ объ этомъ, если бы они задались вопросомъ и

1) Стран. 5 въ отдѣл. оттискѣ *Отвѣта* мпѣ, помѣщенномъ въ 6 кн. *Богосл. Вѣстника* за 1897 г.

2) Стран. 28 въ отдѣл. оттискѣ моей статьи, напечатанной въ майской кн. *Христіанскаго Читенія* за 1897 г.

3) Ibid. Стран. 28—29.

обсудили, допустимо-ли, чтобы у папистовъ лежали въ основѣ понятія „о пресуществленіи“ *только* Аристотелевы понятія о субстанціи и ея акциденціяхъ ¹⁾?)!

Вынудилъ-же меня сказать нѣсколько словъ о *пресуществленіи* съ чисто-философской точки зрѣнія, между прочимъ, самъ А. А. Кирѣевъ, вообразившій, будто терминъ: *пресуществленіе* исключительно философскій, и вздумавшій отвергать его во имя философіи, увѣряя, будто существуетъ лишь *одна* субстанція, а слѣдовательно не мыслимъ—де и предполагаемый терминомъ: *пресуществленіе* переходъ одной субстанціи въ другую ²⁾). Только для опроверженія *этой* мысли мы и встали на философскую почву. Отнюдь *не* защищая не только понятія Аристотеля о субстанціи, но и понятій о ней какого бы то ни было философа, мы ограничились простымъ констатированіемъ того факта, что нѣкоторые философы допускали бытіе даже множества субстанцій и что въ частности Лейбницъ, выходя изъ своего понятія о нихъ, находилъ возможнымъ *пресуществленіе* хлѣба и вина въ евхаристіи, *по дѣйствию Божію*, въ самое тѣло и въ самую кровь Христа. Этимъ мы хотѣли показать и показали лишь то, что А. А. Кирѣевъ напрасно возстаетъ противъ термина: *пресуществленіе* и во имя философіи вообще, такъ какъ она отнюдь не исчерпывается однимъ, напримѣръ, пантеистическимъ монизмомъ, допускающимъ бытіе *только одной* субстанціи въ смыслѣ-ли Гегелевой „абсолютной идеи“ или Шопенгауэровой „воли“ и т. п. под. и не совмѣстимымъ съ нашей вѣрою въ живаго, личнаго Бога, въ Три Липостаси Божества, въ особую, созданную Богомъ, природу или субстанцію челоуѣка и проч.

Какъ-же отнесся А. А. Кирѣевъ въ своемъ *ответѣ* мнѣ къ вышесказаннымъ мною возраженіямъ противъ его мнѣнія о рѣшительной несовмѣстимости „чисто-философскаго“ понятія о субстанціи съ мыслью о пресуществленіи? Опрометчиво указавъ, будто стою собственно на философской почвѣ, обсуждая вопросъ о *пресуществленіи*, и будто нахожу этотъ вопросъ чисто-

1) Ibid. Стр. 24.

2) Стран. 11 и 12 въ отдѣльномъ оттискѣ статьи, напечатанной во 2-й кн. *Богословскаго Вѣстника* за 1897 г.

философскимъ, мой почтенный оппонентъ оспариваетъ всю мою аргументацію, направленную, главнымъ образомъ, противъ *его* мысли о существованіи только *одной* субстанціи. Коль скоро снова провозглашается чуть-ли не безспорной истиною мысль о бытіи только одной субстанціи и вообще о безусловной несовмѣстимости философскаго пониманія дѣла съ признаніемъ *пресуществленія* евхаристическихъ хлѣба и вина въ тѣло и кровь Богочеловѣка, ¹⁾ то и мы обязываемся снова свести счеты съ доводами А. А. Кирѣева въ пользу его взгляда на дѣло. Хотя мы и находимъ по меньшей мѣрѣ излишнимъ обращаться къ школьно-философскимъ понятіямъ о субстанціяхъ при *чисто-богословскихъ* разсужденіяхъ о терминѣ: *пресуществленіе*, каковыми эти разсужденія *должны* быть въ силу самаго ихъ предмета вселенски-церковнаго, однако же никакъ не можемъ считать полезною для православнаго ученія о св. таинствѣ евхаристіи, провозглашаемую вообще во имя философіи, мысль о совершенной *нераціональности* термина: *пресуществленіе*. Спрашивается: чѣмъ-же и какъ снова защищается эта мысль у А. А. Кирѣева?

Аргументація его въ настоящемъ случаѣ носитъ *двойственный* характеръ. Съ одной стороны, онъ прямо и очевидно идетъ даже гораздо дальше насъ, допуская, не повидимому только, что въкоторыя философскія понятія о субстанціи прямо благопріятствуютъ въ той или иной степени допущенію термина: *пресуществленіе* въ чисто-богословскомъ, конечно, смыслѣ, а, съ другой стороны, усиливается завѣрить, что философія вообще безусловно противъ этого термина. Какъ это ни странно, но представляетъ,—увидимъ, безспорный фактъ. Ниже уяснится для насъ и то, куда въ концѣ всего сконяется мысль нашего почтеннаго оппонента? Благодаря этому двойственному характеру его аргументаціи, и наша рѣчь *вынуждена* не только удлинниться нѣсколько сверхъ всякаго нашего желанія, но и не имѣть зависимаго отъ нашей воли прямого теченія.

Прежде всего оказывается, по словамъ нашего почтеннаго оппонента, будто онъ въ первой статьѣ только упрекалъ пап-

¹⁾ Такое впечатлѣніе по крайней мѣрѣ на насъ производятъ тѣмъ рѣчи нашего оппонента объ этой сторонѣ дѣла въ нѣкоторыхъ мѣстахъ *Ответа* его.

скихъ богослововъ за *устарѣлость* философіи, избранной ими для защиты слова: *пресущественіе* ¹⁾). Въ послѣдствіи увидимъ нерезонность этихъ словъ, а теперь замѣтимъ касательно оригинальности этого аргумента. Развѣ допустимо опредѣлять хронологическими датами годность или негодность Аристотелевой философіи для оправданія термина: *пресущественіе*? Прилагая такой оригинальный масштабъ къ оцѣнкѣ достоинства міровоззрѣній, А. А. Кирѣевъ рискуетъ поставить и христіанство ниже, напримѣръ, новѣйшаго міровоззрѣнія графа Л. Толстого, которое, однакожь, въ глазахъ здравомыслящихъ и духовно вообще „непокалѣченныхъ“ людей, является чудовищнымъ по своей вѣлѣпости и по своему вредному вліянію на многихъ. Между тѣмъ, нашъ почтеннѣйшій оппонентъ такъ облюбовалъ этотъ хронологическій критерій, что коритъ и философію Лейбница ея „устарѣлостью“ ²⁾, видимо совершенно не зная даже того, что именно эта философія и начинается въ наше время какъ-бы воскресать и то въ одномъ, то въ другомъ переработанномъ, со стороны деталей и частностей, видѣ проводится *болѣе трезвыми* философствующими умами и учеными людьми, справедливо чуждающимися философскихъ системъ, и провозглашающихъ бытіе *лишь единой* субстанціи.

Вмѣсто приложенія хронологическаго критерія къ опредѣленію достоинства Аристотелевой или Лейбницевой философіи, А. А. Кирѣеву надлежало-бы показать, путемъ философско-богословскаго анализа свойственныхъ этой философіи понятій о субстанціи, годность или негодность ихъ для оправданія термина: *пресущественія* съ чисто-философской точки зрѣнія. Оказывается, впрочемъ, что нашъ почтенный оппонентъ въ противорѣчій съ указаннымъ приемомъ хронологическаго свойства говоритъ о дѣлѣ и по самому существу его, хотя совершенно голословно-же.

Касательно, напримѣръ, Аристотеля, вотъ что еще замѣчаетъ онъ: „Аристотель, не смотря на все свое величіе, *едва-ли* можетъ служить *надежной* точкою опоры въ *современныхъ* спо-

¹⁾ Стр. 5—6 въ отдѣл. оттискѣ *Отвѣта* мнѣ, напечатаннаго въ 6 книжкѣ *Богослов. Вѣстника* за 1897 г.

²⁾ Ibid. Стр. 6.

рахъ о субстанціи“¹⁾). Но, во-первыхъ, мы вѣдь ни малѣйше и не высказывались въ томъ смыслѣ, что Аристотель можетъ служить тутъ какой-либо опорой. Мы и теперь не рѣшаемся говорить такъ или иначе объ *этой* сторонѣ дѣла по извѣстной и читателямъ причинѣ. Во-вторыхъ, изъ приведенныхъ словъ нашего оппонента видно, что, по *его* взгляду, Аристотель *можетъ* служить *нѣкоторою* опорой при разсужденіяхъ о субстанціи и о „пресуществленіи“: вѣдь оппонентъ сомнѣвается въ возможности находить въ философіи Аристотеля лишь *надежную* точку опоры, каковою считается обыкновенно *твердая* во *всѣхъ* отношеніяхъ опора. Касательно монадъ или субстанцій Лейбница нашъ оппонентъ замѣчаетъ, что онѣ „мало помогутъ намъ въ дѣлѣ „трансубстанціи“ и не дадутъ намъ *прочныхъ* основаній для объясненія евхаристическаго чуда“²⁾). Мы тоже не высказывали и не защищали такого или подобнаго взгляда и на монады Лейбница. Такимъ образомъ, *именно по словамъ нашего оппонента*, оказывается, что монады Лейбница до извѣстной степени *могутъ* помочь „въ дѣлѣ трансубстанціи“ и даютъ если не прочныя, то все же *основанія* даже для „объясненія евхаристическаго чуда“³⁾). Спрашивается: а чего же больше желать богослову отъ философіи? Уже и такая услуга въ высшей степени важна и уполномочиваетъ отстаивать терминъ: *пресуществоленіе* даже съ „чисто-философской“ точки зрѣнія. Для богослова въ *апологетическихъ* его цѣляхъ важенъ уже одинъ *фактъ признанія* нѣсколькихъ разнородныхъ и разнокачественныхъ субстанцій той или другою системою философіи. Пусть въ ней не совсѣмъ правильно понимаются нѣкоторыя изъ этихъ субстанцій или взаимное отношеніе между ними, всетаки уже *нельзя* говорить съ философской точки зрѣнія, будто церковь „невѣжественно“ учитъ о бытіи разныхъ субстанцій и о переходѣ въ таинствѣ евхаристіи одной суб-

1) Ibid. Стран. 6. Курсивъ нѣкоторыхъ словъ тутъ и вообще принадлежитъ большей частью намъ.

2) Ibid. Кстати замѣтимъ, что А. А. Кирѣевъ *напрасно* приписываетъ Лейбницу мысль объ „измѣняемости субстанцій самихъ въ себѣ“: онѣ, по Лейбницу, подлежатъ лишь развитію, а измѣнить ихъ самихъ въ себѣ или даже уничтожить можетъ только превышшая монада—Богъ...

3) По *нашему* позрѣнію чудо, конечно, *не объяснимо* и этимъ путемъ...

станціи въ другую или о пресущественіи, хотя бы церковь и иначе понимала одну-ли изъ этихъ субстанцій или обѣ.

Высказавшись съ *такой* опредѣленностью и рѣшительностью за терминъ: „пресущественіе“, А. А. Кирѣевъ прибѣгаетъ къ разнымъ „оговоркамъ“, очевидно, съ той цѣлію, чтобы все-таки вышло *какъ-нибудь*, что философія вообще—противъ термина: *пресущественіе*. Разсмотримъ и эти „оговорки“, чтобы и читателямъ было видно, что дѣйствительно *нераціонально* возставать противъ означеннаго термина во имя философіи вообще.

Такъ, нашъ почтенный оппонентъ говоритъ, что „Кантъ долженъ-бы предостеречь насъ отъ увлеченій Аристотелемъ и Лейбницемъ“ и что у Канта „никакъ“ не найдемъ „подтвержденія“ мысли о множественности субстанцій ¹⁾. Кого разумѣетъ А. А. Кирѣевъ подъ словомъ *насъ*, не знаю. Что я не увлеченъ понятіями Аристотеля и Лейбница, это долженъ вѣдать и нашъ почтенный оппонентъ именно изъ той нашей, въ *Христіанскомъ Читаніи*, статьи, противъ которой онъ возражаетъ. Но это не важно. Сущность-же дѣла состоитъ, во-первыхъ, въ томъ, что А. А. Кирѣевъ говоритъ, что и философія *Канта* должна предостерегать собственно отъ *увлеченія* мыслями, напримѣръ, Лейбница о монадахъ, а слѣдовательно *допускаетъ-же* разумное *пользованіе* этими мыслями при *сужденіяхъ* о годности или негодности термина: „пресущественіе“. Во-вторыхъ, вѣдь и Кантъ допускалъ бытіе *нѣсколькихъ* субстанцій, какъ напримѣръ, *субстанцію* Бога, *субстанцію* бессмертой души человѣка. Что Кантъ стоялъ отнюдь *не* противъ признанія *многихъ* субстанцій, это видно и изъ слѣдующихъ его словъ: „большой *нелѣпностью* будетъ, если мы не признаемъ совсѣмъ *никакихъ* вещей самихъ по себѣ“ (т. е. *дѣйствительно существующихъ* субстанцій) „или станемъ считать *наизъ опытъ* за *единственный* способъ познанія вещей ²⁾).

Желая во что бы то ни стало отвергнуть надобность и за-

¹⁾ Стран. 6 въ отдѣльномъ оттискѣ *Отъѣта* мнѣ.

²⁾ Стран. 147 въ *Прологоменахъ* (перев. Вл. Соловьева). Какъ видимъ, Кантъ допускаетъ *дѣйствительное бытіе* субстанцій, коль скоро нашъ разумъ приходитъ на достаточныхъ основаніяхъ къ мысли о нихъ...

конность употребленія термина: *пресущественіе*, мой почтеннѣйшій оппонентъ становится на скептическую точку зрѣнія въ гносеологическомъ отношеніи или, говоря иначе, по вопросу о познаваніи нами сущаго. Еще въ той своей статьѣ, противъ которой, между прочимъ, возражали мы въ *Христіанскомъ Читеніи*, А. А. Кирѣевъ далъ такое опредѣленіе того, что разумѣется людьми подъ именемъ субстанціи. „Субстанція, говоритъ онъ, есть *отвлеченное* понятіе, къ которому мы вынуждены прибѣгнуть, когда стараемся отдать себѣ отчетъ о явленіяхъ видимаго міра“, или же „субстанція есть *предполагаемое* основаніе всего того, что ощущаютъ наши чувства“¹⁾. Противъ такого опредѣленія понятія о субстанціи мы выставили въ *Христіанскомъ Читеніи* слѣдующія возраженія: Противорѣчивость этого взгляда на субстанцію, говорили мы, видна изъ того, что тутъ она считается то *отвлеченнымъ понятіемъ*, созданнымъ лишь для удобства нашихъ разсужденій о мірѣ, то *предполагаемымъ основаніемъ* всего нами ощущаемаго. Но вѣдь то, что составляетъ,—говорили мы,—хотя бы предполагаемую только основу ощущаемаго нашими наприм. внѣшними чувствами, не есть простое отвлеченное понятіе, измышленное *лишь* въ видахъ *удобства* нашихъ размышленій, но есть вещь и въ себѣ, т. е. нѣчто реальное²⁾. Въ своемъ *Отвѣтѣ* мнѣ А. А. Кирѣевъ не только пытается устранить усвоенное тогда *ему*, съ моей стороны, противорѣчіе, но и настаиваетъ на своей мысли, будто субстанція *предполагается* „для *удобства* нашихъ разсужденій“ и будто она, обрѣтаясь, какъ понятіе въ нашемъ разумѣ, никакъ недоказуема со стороны своего *дѣйствительнаго* бытія и внѣ нашей мысли³⁾.

Касательно такого скептическаго взгляда прежде всего замѣтимъ, что нашъ почтенный оппонентъ, конечно, отнюдь не примѣняетъ его въ своихъ богословскихъ разсужденіяхъ, папримѣръ, о Богѣ и не признаетъ субстанціи (*οὐσία*, *substantia*) Его существующею въ нашемъ только разумѣ въ видѣ понятія,

1) Стран. 11 въ отдѣл. оттискѣ статьи, напечатанной во 2 кн. *Богосл. Вѣстника*, за 1897 г.

2) Стран. 25 въ отдѣл. оттискѣ нашей статьи изъ *Христіан. Читенія* (5 кн. за 1897 г.).

3) Стран. 6 въ отдѣл. оттискѣ *Отвѣта* мнѣ.

какъ не примѣняетъ, конечно, и въ своихъ разсужденіяхъ о *двухъ* сущностяхъ, божеской и человѣческой, въ Иисусѣ Христѣ при единствѣ въ Немъ Упостаси. Если бы А. А. Кирѣевъ отвѣтилъ намъ, что онъ знаетъ и изъ церковнаго преданія о Богѣ, какъ Имѣющемъ сущность, и объ Иисусѣ Христѣ, какъ Обладающемъ двумя естествами, а потому и не считаетъ субстанціи Бога и субстанцій Богочеловѣка лишь понятіями нашего разума, то этотъ отвѣтъ былъ-бы совершенно нерезоннымъ уже по тому одному, что, говоря его-же словами, мы „никоимъ образомъ не доберемся“ и до субстанціи Божества и Иисуса Христа и „не можемъ доказать реальности“ ихъ. Но вѣдь то же нужно сказать, съ точки зрѣнія нашего оппонента, если бы даже самъ Богочеловѣкъ сошелъ съ неба, предсталъ предъ нами и завѣрилъ насъ въ принадлежности Ему двухъ естествъ или природъ. Не смотря на это и г. генераль Кирѣевъ и каждый сообразительный изъ истинно-вѣрующихъ христіанъ признаютъ, напримѣръ, бытіе двухъ естествъ во Христѣ даже и на основаніи *разумнаго* размышленія. Стоя на почвѣ только разумныхъ или философскихъ соображеній объ этомъ предметѣ, мы, конечно, лишь *предполагаемъ* бытіе *двухъ субстанцій* во Христѣ, но это, очевидно, отнюдь не значитъ, будто *предполагаемое*, только съ точки зрѣнія разума, бытіе во Христѣ двухъ естествъ есть не дѣйствительное бытіе, а лишь мысленное. А. А. Кирѣевъ возражаетъ, говоря, что „предположеніе не сообщаетъ никакой реальности предполагаемому“ ¹⁾. Мы скажемъ даже гораздо больше этого. Если бы мы и прямо *познали* самыя двѣ сущности въ Господѣ нашемъ Иисусѣ Христѣ, то даже и совершеннымъ своимъ знаніемъ ихъ не сообщили-бы имъ никакой реальности: она всегда одинакова и не можетъ сколько-нибудь зависѣть хотя бы отъ нашей мысли. Равнымъ образомъ, наше знаніе, напримѣръ, стола или какого-нибудь животнаго и т. д. тоже не сообщаетъ имъ никакой реальности. Значитъ, возраженіе нашего почтеннаго оппонента по меньшей мѣрѣ излишне. Несомнѣнно, что предположеніе бытія такой-то субстанціи не сообщаетъ ей никакой реальности. Дѣло, однако, вовсе не въ этомъ. Всякая

¹⁾ Ibid.

истинно-сущая и дѣйствующая въ нашемъ мірѣ субстанція такъ или иначе даетъ себя знать намъ по производимымъ ею и наблюдаемымъ нами явленіямъ. Коль скоро мы вынуждаемся *неотразимыми* требованіями нашего разума, заключающаго по *хорошо* познаннымъ явленіямъ объ *ихъ* сущности, *предполагать* бытіе послѣдней, то предполагаемая нами субстанція *не должна* представляться и обыкновенно *никогда не представляется* какими бы то ни было людьми существующею только въ нашемъ разумѣ въ видѣ понятія о ней. Совершенно иное дѣло, если бы мы допустили бытіе какой-нибудь субстанціи лишь „для *удобства* нашихъ разсужденій“ о явленіяхъ того или другого рода или для простого упорядоченія нашихъ представлений о послѣднихъ. Тогда мы и сами ни на мгновение не допускаемъ мысли, что и въ дѣйствительности существуютъ субстанціи, придуманныя только ради мыслительнаго комфорта, если такъ можно выразиться. Между тѣмъ, нашъ почтенный оппонентъ въ своемъ *двоязычьи* опредѣленіи понятія о субстанціи смѣшалъ совершенно-различнаго происхожденія два понятія о ней и чрезъ то *безспорно* впалъ въ противорѣчіе съ самимъ собою. Такимъ образомъ, вопреки утвержденію г. генерала Кирѣева, понятіе о субстанціи, *вполнѣ достаточно* обоснованное въ философско-научномъ отношеніи, *должно* свидѣтельствовать намъ и объ *ея* реальности, какъ и на самомъ дѣлѣ свидѣтельствуетъ.

Въ видахъ отверженія термина: *пресуществованіе* А. А. Кирѣевъ оспариваетъ, затѣмъ, мысль мою о томъ, что *всѣмъ* здравомыслящимъ людямъ, не исключая даже и крестьянъ, *свойственно* какъ-бы инстинктивно и принудительно признавать въ вещахъ или предметахъ вѣкоторую основу или сущность. Отвергаетъ эту мысль А. А. Кирѣевъ, впрочемъ, совершенно голословно, не утруждая себя приведеніемъ подходящихъ доказательствъ. Я этого *никакъ* не могу допустить“¹⁾,—вотъ какимъ заявленіемъ рассчитываетъ онъ испровергнуть нашу мысль. Между тѣмъ, она подтверждается не только свидѣтельствомъ философовъ, но и опытомъ.

Какъ извѣстно, въ противоположность Аристотелю, называв-

1) Ibid. Стр. 8.

шему челоуѣка существомъ общежительнымъ, склоннымъ по природѣ своей къ жизни въ обществѣ, въ государствѣ, Шопенгауэрѣ признаетъ челоуѣка существомъ, по природѣ склоннымъ къ метафизикѣ. Еще сильнѣе выражаетъ эту мысль Кантъ. Онъ говоритъ, что у каждаго размышляющаго челоуѣка есть какія-либо метафизическія повятія и что для людей такъ-же невозможно не предаваться метафизическимъ размышленіямъ, какъ имъ нельзя не дышать ¹⁾). Жизненный опытъ вполне подтверждаетъ справедливость этихъ мыслей. Пусть большая часть людей не слыхала самаго слова: „метафизика“, все-таки она невольно, хотя и по своему, философствуетъ. Это философствованіе прежде и ярче всего выражается въ признаніи *бытія* того, что называется субстанціею, хотя бы они не знали и этого слова. Спиноза въ этомъ случаѣ совершенно правъ, говоря, что именуемое на философскомъ языкѣ субстанціею *непосредственно* извѣстно людямъ: они знаютъ о субстанціи по себѣ самимъ, по своему я, невольно признаваемому реальной основою или реальнымъ кореннымъ источникомъ нашихъ мыслей, чувствованій, желаній. Нѣтъ сомнѣнія, что и нашъ почтенный оппонентъ раздѣляетъ эту „слабость“ со всѣми людьми, т. е. не считаетъ своихъ размышленій, своихъ стремленій или склонностей, разнообразныхъ сердечныхъ въ себѣ движеній лишенными реальной основы, реального источника ²⁾). А если это безспорно, то и онъ подобно всѣмъ людямъ, невольно признаетъ въ себѣ, выражаясь философскимъ терминомъ, нѣкую духовную субстанцію и невольно-же считаетъ ее реальностью. Отъ признанія же бытія субстанціи въ себѣ самихъ, люди естественно переходятъ къ признанію бытія и нѣкоторыхъ другихъ субстанцій, такъ или иначе отличныхъ отъ нашей субстанціи, каковы, на примѣръ, субстанціи Бога, организмовъ, безжизненныхъ или матеріальныхъ предметовъ въ исключительномъ смыслѣ этихъ словъ. Декарта можно считать однимъ изъ довольно удачныхъ, хотя и непол-

1) Стр. 173 въ *Пролегоменахъ*.

2) Даже скептикъ не можетъ отрѣшиться, въ непосредственномъ своемъ сознаніи, отъ этой навязчивой мысли. Если же на примѣръ матеріалсты и отвергаютъ бытіе духовной субстанціи, то вѣдь она, такъ сказать, насилуютъ или глушатъ непосредственное свое сознаніе искусственной разсудочной рефлексіею...

нымъ выразителемъ этого общечеловѣческаго непосредственнаго сознанія. Какъ извѣстно, этотъ философъ признавалъ дѣйствительное бытіе абсолютной личной субстанціи, Бога, бытіе человѣческой духовной субстанціи, бытіе „протяженной“ или матеріальной субстанціи.

Но—замѣчаетъ А. А. Кирѣевъ,—нужно знать, что такое—субстанція, а между тѣмъ можно толковать цѣлые часы и дни о субстанціи и все таки не столкнуться“¹⁾. Это возраженіе, очевидно, *не законно* смѣшиваетъ принудительное для нашего непосредственнаго сознанія *признаніе* бытія субстанціи съ *знаніемъ* ея. Между тѣмъ, и нашему оппоненту должно быть хорошо извѣстно, что мы признаемъ *бытіе* весьма многихъ предметовъ, которыхъ, однако, не знаемъ въ дѣйствительномъ смыслѣ этого слова. Бытіе однихъ предметовъ мы признаемъ въ силу свидѣтельства нашихъ внѣшнихъ чувствъ, а бытіе другихъ предметовъ признается нами вслѣдствіе-ли свидѣтельства нашего внутренняго чувства, вслѣдствіе показаній нашего сознанія, или же вслѣдствіе неотразимыхъ требованій нашего разума. Знаніе-же всѣхъ этихъ предметовъ составляетъ совсѣмъ другое дѣло. По поводу послѣднихъ словъ г. генерала Кирѣева нужно, впрочемъ, замѣтить и то, что онъ напрасно не указалъ, въ какомъ отношеніи и съ какими, по своимъ убѣжденіямъ, людьми нельзя столкнуться касательно субстанціи? Вопросъ этотъ не маловаженъ: есть люди, съ которыми *никакъ* не столкнешься даже относительно безспорныхъ предметовъ или вопросовъ.

Вслѣдъ за сдѣланными А. А. Кирѣевымъ „оговорками“ онъ высказываетъ слѣдующее замѣчаніе: „что касается до моей мысли о субстанціональной предполагаемой основѣ, даже если въ ней видѣть нѣчто *реальное*, то это „нѣчто“ во *всякомъ* случаѣ *должно* мыслиться *единымъ*“²⁾ для *всего* міра и уже никакъ не способнымъ передѣлываться само въ себя, пересубстанціироваться“³⁾. Само собою разумѣется, г. генералъ Кирѣевъ и на этотъ разъ не потрудился не только доказать сколько-нибудь, на основаніи какихъ соображеній признаетъ онъ лишь *одну* субстанцію для *всего* міра, но и хотя бы ма-

1) Стран. 8 въ отдѣл. отт. *Ответа* мнѣ.

2) Единственный курсивъ, принадлежащій самому автору.

3) Ibid. Стран. 6 и 7.

лѣйше пояснить, что же именно разумѣеть онъ подъ этой своей *единой* для *всего* міра субстанціею,—„душу“—ли міровую въ смыслѣ древнихъ браминовъ—пантеистовъ, или „непознаваемое“ Спенсера ¹⁾, или что-нибудь иное въ этомъ-же, конечно, родѣ, и какъ именно *логически* вяжется признаваніе нашимъ оппонентомъ „единой“ для *всего* міра субстанціи съ его православно-христіанскими убѣжденіями въ дѣйствительномъ *бытіи* абсолютной личной субстанціи, Бога, въ дѣйствительномъ-же *бытіи* *двухъ* субстанцій въ Богочеловѣкѣ и т. под.? Все это *обязательно* нужно было сдѣлать. Этого, однако, мало. Мой почтеннѣйшій оппонентъ *долженъ* былъ разъяснить и то, какимъ-же образомъ совмѣщаются у него въ одно и то же время а) ясное,—какъ мы выше видѣли,—нѣкоторое *одобреніе* ученія на примѣръ Лейбница о *множествѣ* разнокачественныхъ монадъ и б) настаиваніе на бытіи только *одной* для *всего* міра субстанціи? Неисполненіе г. генераломъ Кирѣевымъ этого прямого и всякому понятнаго *дома* своего, однако-же, не представляется намъ загадочнымъ ни въ малѣйшей степени. Пусть онъ не поспѣуетъ на насъ, но мы, въ интересахъ какъ а) отстаиваемой нами *православной* мысли о *пресущественіи* въ таинствѣ евхаристіи, такъ и б) требованій правды вообще, не находимъ возможнымъ умолчать о нашемъ убѣжденіи въ томъ, что мой оппонентъ разумѣлъ *всю* невозможность исполнить лежавшій на немъ означенный долгъ безъ окончательнаго *крушенія* сроднившейся, должно быть, со всѣмъ его существомъ *предвзятой* мысли о негодности термина: *пресущественіе*. Поспѣшностью-же *Отвѣта* его намъ не можемъ объяснять констатированное обстоятельство: она *не* была и *не* могла быть для *печатно* отрицающаго слово: *пресущественіе* *болѣе* необходимою, чѣмъ выполненіе упомянутаго долга. Если мы не правы, то пусть нашъ почтеннѣйшій оппонентъ исполнить его со временемъ, и мы тогда *печатно-же* возьмемъ назадъ наши слова.

Какъ видимъ, А. А. Кирѣевъ, во имя философіи вообще отвергая со всѣмъ усердіемъ надобность и законность термина: *пресущественіе* въ общемъ ученіи о св. таинствѣ евхаристіи, не только запутался въ непримиримыхъ самопротиворѣчіяхъ, но

¹⁾ Спенсеръ не сомнѣвается въ *реальномъ* бытіи міровой субстанціи, а нашъ оппонентъ, какъ видно изъ его собственныхъ словъ, сомнѣвается.

и видимо созналъ всю невозможность, какія усилія ни были-бы употреблены, доказать, вообще съ философской точки зрѣнія, ненадобность и незаконность означеннаго термина, не поступаясь и общечеловѣческими убѣжденіями и православно-христіанскими истинами и не становясь на какую-либо совершенно-враждебную этимъ убѣжденіямъ и истинамъ, одностороннюю и ложную школьно-философскую точку зрѣнія. Показавъ, по мѣрѣ возможности и нужды, все это, мы тѣмъ самымъ исполнили не только наибольшую, но и особенно важную, — нужно сказать ¹⁾, — часть нашей задачи въ дѣлѣ опроверженія, высказанныхъ А. А. Кирѣевымъ, возраженій противъ нашего взгляда на терминъ: *пресущестоленіе*. Поэтому, ограничимся по возможности краткими замѣчаніями касательно остальныхъ возраженій нашего оппонента.

Противъ той моей мысли, что старокатолики совершенно напрасно возражаютъ и во имя естествознанія противъ термина: *пресуществленіе*, А. А. Кирѣевъ иронически замѣчаетъ слѣдующее: „Проф. Гусевъ основательно доказываетъ мнѣ, что „съ научной точки зрѣнія ничего нельзя сказать противъ того, что христіанинъ приобщается въ таинствѣ евхаристіи истиннаго тѣла и истинной крови Богочеловѣка“, но вѣдь я противъ этого и не возражаю, да и старокатолики не думаютъ возражать, такъ какъ они несомнѣнно вѣрятъ въ преложеніе (*Wandlung*). Они были бы очень удивлены такому обвиненію ²⁾ и могли-бы отвѣтить: стало-быть, и отцы церкви, которые не употребляли сего слова, тоже могли быть заподозрѣны въ томъ, что „что ѣли и пили *недостойнѣ*“? Они протестуютъ лишь противъ навязываемаго имъ никому (!) не нужнаго или нужнаго лишь однимъ папистамъ „пресуществленія“ ³⁾. Это — *ничѣмъ* съ моей стороны не вызванная иронія: мы *никогда* не позволяли и не дозволیمъ себѣ а) усвоенія кому бы то ни было чуждой ему мысли и за тѣмъ б) опроверженія ея.

¹⁾ Читателямъ уже извѣстно, что А. А. Кирѣевъ признаетъ вопросъ о „пресуществленіи“ вопросомъ „чисто-философскаго свойства“.

²⁾ Напрасно употребляетъ оппонентъ слово: *обвиненіе*. Мы никого и ни въ чемъ не обвиняемъ, а обсуждаемъ дѣло съ богословско-философской точки зрѣнія. Вотъ почему не видимъ и въ нашемъ оппонентѣ обвинителя или представителя прокурорскаго надзора...

³⁾ Стран. 7 въ отдѣлѣ. отискъ *Отъта* мѣ.

Въ томъ мѣстѣ нашей статьи, которое имѣетъ въ виду г. генераль Кирѣевъ, нами, *неоднократно* повторяется, что мы оспариваемъ мысль старокатоликовъ только о томъ, будто естествознаніе не допускаетъ термина: *пресуществленіе* ¹⁾). Моему оппоненту угодно было взять отрывочно лишь нѣсколько словъ даже и изъ той *частной* тирады, касательно которой онъ иронизируетъ. Дѣло-не въ иронизированіи, конечно: если заслуживаемъ, то почему печатно-же не „пожурить“ насъ и болѣе чувствительнымъ образомъ? Сущность дѣла—въ истинѣ, а она представляется въ слѣдующемъ, уже подлинномъ, своемъ видѣ. Въ упомянутой тирадѣ значится у насъ „сіе:“ „Хотя-бы были и безспорно научными положенія касательно-ли неизмѣнной природы каждаго атома, или небытія въ дѣйствительности матеріальной субстанціи, а существованія только силы или силъ, все таки ничего нельзя сказать съ научной точки зрѣнія противъ того, что христіанинъ приобщается въ таинствѣ евхаристіи истиннаго тѣла и истинной крови Богочеловѣка“ ²⁾). Изъ этихъ словъ ясно видно каждому, что тутъ оспариваю лишь мысль старокатоликовъ о негодности съ естественно-научной точки зрѣнія термина: *пресуществленіе*, тѣмъ болѣе, что рассматриваемая частная тирада и заканчивается у меня словами: научное изслѣдованіе *не достигаетъ самаго существа* и обыкновенныхъ вещей и предметовъ“ ³⁾).

Касательно-же словъ А. А. Кирѣева о томъ, что „старокатолики несомнѣнно вѣрятъ въ преложеніе“, достаточно сказать слѣдующее. Во-первыхъ, самъ-же нашъ оппонентъ *укоряетъ* въ своемъ *Отвѣтѣ* намъ православныхъ христіанъ за то, что они „привыкли смотрѣть на слово: *пресуществленіе*, какъ на совершенно равнозначущее выраженію: *преложеніе*“ ⁴⁾). Отсюда выходитъ, что, и по взгляду оппонента, существуетъ несомнѣнная разница между этими словами, если брать ихъ въ ихъ *собственномъ* значеніи. Во вторыхъ, коль скоро старокатолики вполне раздѣляютъ ту мысль, какую *отцы* церкви *влагали* въ

1) Стран. 26—28 въ отдѣльн. оттискѣ моей статьи изъ *Христіанскаго Чтенія* за 1897 г.

2) Ibid. Стран. 27.

3) Ibid. Стран. 25.

4) Стран. 4 и 5 въ отдѣльномъ оттискѣ *Ответа* мнѣ.

слово: *преложеніе* общимъ смысломъ своихъ рѣчей о таинствѣ евхаристіи, то становится совершенно непостижимымъ, почему старокатолики не принимаютъ термина: *пресущественіе*? Въ своей статьѣ, помѣщенной во 2-й книжкѣ *Богословскаго Вѣстника* за текущій годъ, самъ-же г. генераль Кирѣевъ утверждаетъ, что старокатолики „употребляютъ даже и выраженіе: *субстанція*“ въ слѣдующихъ ихъ словахъ: „хотя хлѣбъ и вино для чувствъ причащающагося кажутся хлѣбомъ и виномъ, но суть здѣсь истинно (*vere*), дѣйствительно (*realiter*), *субстанціально* (*substantialiter*) тѣло и кровь Христовы“¹⁾. А если это-такъ, то не самъ-ли А. А. Кирѣевъ доказываетъ этимъ справедливость *нашего* мнѣнія, что старокатолики только вслѣдствіе своей *непоследовательности* не принимаютъ термина: „пресущественіе“? Коль скоро-же не видѣть тутъ одной лишь *непоследовательности*, то остается *неизбѣжно* дѣлать очень невыгодныя для старокатоликовъ предположенія, такъ какъ у нихъ въ дѣйствительности нѣтъ *никакихъ* резонныхъ основаній къ отверженію термина: *пресущественіе*. Въ указанномъ выше случаѣ можно думать, *напримѣръ*, что и они, подобно А. А. Кирѣеву, признаютъ бытіе только *единой* для *всего* міра *субстанціи*, которая, конечно, не въ состояніи „передѣлываться сама въ себя, пересубстанціироваться“, по совершенно—вѣрному замѣчанію нашего оппонента²⁾. Но вѣдь отцы церкви, при употребленіи слова: *преложеніе* мыслившіе бытіе нѣсколькихъ субстанцій и уже по этому одному понимавшіе это слово въ *смысл* слова: *пресущественіе*, пришли-бы по истинѣ въ своего рода ужасъ, если бы услышали отъ *христіанскаго богослова* о бытіи лишь *единой* для *всего* міра субстанціи, хотя бы этотъ богословъ и завѣрялъ, что это—школьно-богословская или философская, ни для кого—де не обязательная, мысль³⁾.

1) Стран. 10 и друг. въ отдѣльномъ оттискѣ изъ указанной статьи.

2) Только *абсолютная* субстанція едина, но бытіе такой субстанціи нисколько не исключаетъ собою существованія другихъ *созданныхъ* ею, условныхъ или ограниченныхъ субстанцій.

3) При допущеніи бытія *только одной* субстанціи теряютъ *всякій* смыслъ слова: „истинно, дѣйствительно и субстанціально“, употребленныя старокатоликами по отношенію къ освященнымъ евхаристическимъ хлѣбу и вину. Коль скоро существуетъ для *всего* міра *лишь одна* субстанція, тогда мы, будучи и сами только про-

Впрочемъ, мой почтеннѣйшій оппонентъ никакъ не хочетъ признать, что отцы церкви соединяли съ словомъ: *преложение* точно такой же смыслъ, какой заключается въ словѣ: *пресущественіе*. Мысль А. А. Кирѣева сводится къ слѣдующему. Если бы дѣло было въ такомъ положеніи, въ какомъ я представляю его, думаетъ онъ, то отцы церкви употребляли-ли бы не слово: *преложение*, а слово: *пресущественіе*. Мы объясняли неупотребленіе *послѣдняго* изъ *этихъ* словъ отцами и учителями церкви такъ: „Не придя еще къ нему, они, однако, хотѣли выразить и выражали употреблявшимися у нихъ терминами: „преложение“, „измѣненіе“, „преобразование“ или „претвореніе“ въ сущности ту-же самую мысль, которую выражаетъ и позднѣйшій терминъ. Что отцы и учителя церкви имѣли въ виду именно означенную мысль (т. е. мысль о *пресущественіи* св. даровъ), употребляя термины, сами по себѣ еще не выражающіе ея надлежащимъ образомъ, это свидѣтельствуется *общимъ* строемъ и смысломъ ихъ рѣчи о таинствѣ евхаристіи“¹⁾. Противъ такого объясненія А. А. Кирѣевъ возражаетъ ссылкой на то, что, по его мнѣнію, „отцы церкви были въ состояніи выразить все, что хотѣли выразить“²⁾.

Что они *были* въ *состояніи* выразить все, что *хотѣли* выразить, это—безспорная истина, и мы менѣе кого-либо другого способны сомнѣваться въ ней. Но вѣдь сущность дѣла вовсе —не въ *способности* отцовъ церкви, а въ ихъ *хотѣніи* выразить какимъ-либо однимъ, всегда болѣе подходящимъ, терминомъ *мысль* догмата о св. таинствѣ евхаристіи. А что такового „хотѣнія“ не было у нихъ, безспорнымъ доказательствомъ этого служить уже самый фактъ *безразличнаго* употребленія у нихъ *разныхъ* терминовъ. Въ противномъ случаѣ былъ-бы установленъ однажды навсегда общеобязательный терминъ. Означеннаго-же „хотѣнія“ не было у отцовъ церкви, конечно, по-

явленіемъ этой субстанции, истинно, дѣйствительно и субстанціально „пріобщались“ бы ей или „вкушали-бы“ ее за *каждымъ* нашимъ завтракомъ, обѣдомъ и ужиномъ и при *каждомъ* нашемъ плоткѣ вина-ли или какого-нибудь другого изъ напитковъ... Не ясна, не очевидна-ли и изъ этого *безусловная* необходимость *требовать* отъ старокатоликовъ *принятія* термина: „пресущественіе“, если они хотятъ *быть* и за тѣмъ именоваться *правовѣрующими*?

1) Стран. 35 въ отдѣл. оттискѣ нашей статьи изъ *Христ. Читенія*.

2) Стран. 7 и 8 въ отдѣл. оттискѣ *Отвѣта* мнѣ.

тому, что обстоятельства не вызывали его. Исторія церкви свидѣтельствуеть, что отцы и учителя церкви составляли тѣ или другія вѣроопредѣленія и термины по вызову особенно важныхъ и настоятельныхъ побужденій, заключавшихся въ необходимости отразить, сильно распространявшееся и грозившее опасностями церкви, какое-нибудь еретическое ученіе. Такъ, на примѣръ, терминъ: *единосущный* (ὁμοούσιος) выработанъ и установленъ церковію съ цѣлію неспровергнуть аріанское ученіе о Сынѣ Божіемъ и предотвратить на будущее время ложное пониманіе истинной природы Его. Раньше-же отцы и учителя церкви различно выражали свою мысль о божествѣ Сына Божія. А по отношенію къ вопросу о выработкѣ и установленіи одинаго термина: для выраженія мысли догмата о таинствѣ евхаристіи нельзя указать въ отеческій періодъ, подобныхъ указанному, настойчивыхъ обстоятельствъ. Для православной церкви послѣднія явились позже. Касательно термина: *пресуществленіе* самъ А. А. Кирѣевъ свидѣтельствуеть, что онъ могъ и можетъ служить политическимъ оружіемъ противъ протестантскихъ воззрѣній¹⁾ въ разныхъ ихъ формахъ, конечно. Но нашъ почтеннѣйшій оппонентъ говоритъ объ этомъ, впрочемъ, только съ цѣлію указать на незаконность и ненужность означеннаго термина, какъ это ни странно. Напротивъ, какъ видно изъ исторіи церкви, указанное-то А. А. Кирѣевымъ обстоятельство и говоритъ за необходимость и законность употребленія термина: *пресуществленіе* при *теперешнихъ* обстоятельствахъ. По совершенно вѣрному замѣчанію, между прочимъ, покойнаго о. протоіерея І. В. Васильева, этотъ терминъ принятъ и содержится православной церковію именно для *несомнѣннаго* выраженія мысли, что подъ видами хлѣба и вина мы *дѣйствительно* приедемъ въ евхаристіи *самое* тѣло и *самую* кровь Богочеловѣка²⁾, а это весьма важно и нужно послѣ появленія лютеранства и возникновенія различныхъ протестантскихъ сектъ. Что православная церковь, *одна* оставшаяся, по раздѣленіи церквей, вѣрною завѣтамъ Христа и Апостоловъ и

1) Ibid. Стран. 7.

2) Стран. 26 въ 6 вѣ. *Христ. Читанія* за 1897 г. Эту мысль развивалъ онъ въ бесѣдѣ съ англиканиномъ, докторомъ *Плюзе*, который, какъ *безпристрастный* христіанинъ и мыслитель, видимо склонялся къ признанію ея справедливости.

древнимъ святымъ традиціямъ, имѣла *право* принять этотъ терминъ и держаться его и что она имѣетъ *право* требовать принятия его *всѣми*, кто хочетъ примкнуть къ ней, это можетъ оспариваться только враждебными ей лицами или духовно-слѣпотствующими людьми ¹⁾).

Отрицаніе *этого* права было-бы понятнымъ единственно въ томъ случаѣ, если-бы терминъ: *пресуществленіе* противорѣчилъ церковно-вселенскому ученію о нѣсколькихъ субстанціяхъ и если бы это ученіе отнюдь не имѣлось въ виду отцами и учителями церкви, употреблявшими термины: „*преложеніе*“, „*пре-твореніе*“ и т. под. въ ихъ рѣчахъ объ евхаристіи. Между тѣмъ, означенное ученіе вселенской нераздѣленной церкви само собою *необходимо* предполагаетъ терминъ: *пресуществленіе*, а отцы и учителя церкви, по свидѣтельству самихъ старокатоликовъ, учили, что хлѣбъ и вино въ евхаристіи, по освященіи, суть по *своей субстанціи* (substantialiter) уже истинныя тѣло и кровь Богочеловѣка ²⁾. Что вселенская нераздѣленная церковь вѣровала въ бытіе нѣсколькихъ субстанцій, а слѣдовательно само собою предполагала *пресуществленіе* евхаристическихъ хлѣба и вина въ самое тѣло и въ самую кровь Христа, это А. А. Кирѣевъ могъ-бы видѣть уже изъ ученія св. Іоанна Дамаскина, на котораго, какъ на великій авторитетъ, указывалъ онъ намъ и котораго всегда признавали мы таковымъ и безъ постороннихъ указаній.

Касательно субстанцій у этого великаго отца и учителя церкви, котораго мысли по справедливости считаются „мыслями древней вселенской церкви“, находимъ слѣдующее ученіе. Божество, при Трехъ *Упостасяхъ* въ Немъ, имѣетъ единую сущность или природу (*ὁυσία, φύσις, substantia, natura*), отличающуюся отъ сущности или природы сотворенныхъ Богомъ разныхъ существъ и предметовъ своей вѣчностью, — или безначальностію

¹⁾ Касательно выраженной мною надежды, что со временемъ будетъ упомянуто о „пресуществленіи“ и въ *цитѣ* присоединенія лютеранъ, А. А. Кирѣевъ высказываетъ надежду, напротивъ, на то, что *этого* не случится и въ дальнѣйшемъ будущемъ. Можно было-бы по поводу этого сказать многое правдивое... Ограничусь, однако, выраженіемъ только глубокаго сожалѣнія по случаю заявленной нашимъ оппонентомъ надежды.

²⁾ См. объ этомъ 16 и 17 стран. въ 13-й кн. *Вѣра и Разумъ* за 1897 г.

и безконечностью, своей безусловной духовностію и т. д. ¹⁾). Богочеловѣкъ, Господь нашъ Іисусъ Христосъ, имѣеть, при единствѣ божеской Упостаси, двѣ субстанціи: божескую и человѣческую, соединенныя въ Немъ неслитно, нераздѣльно. По первой изъ этихъ субстанцій Христосъ единосущенъ съ Богомъ Отцомъ и Духомъ Святымъ, а по второй—съ нами, людьми ²⁾). Ангелы обладаютъ особой субстанціею, отличной отъ субстанціи Бога и отъ субстанцій человѣка, другихъ существъ и предметовъ видимаго нами міра ³⁾). У всѣхъ-ли существующихъ ангеловъ одна и та же природа, сущность, или разные ангельскіе чины имѣютъ и различающіяся между собою субстанціи, этого, говоритъ св. Іоаннъ Дамаскинъ, мы не знаемъ ⁴⁾). Что же касается людей, то въ каждомъ человѣкѣ соединены Богомъ, при единствѣ личности, двѣ субстанціи: ограниченно-духовная и матеріальная или тѣлесная ⁵⁾). Видимо различаетъ св. Іоаннъ Дамаскинъ неорганическіе предметы внѣшняго міра, растительные организмы и животныхъ по самой субстанціи ихъ или природѣ ⁶⁾). Въ виду всего этого св. Іоаннъ Дамаскинъ не могъ не допускать перехода существа хлѣба и вина въ существо тѣла и крови Богочеловѣка. Хотя онъ выражался, что хлѣбъ и вино, по освященіи, прелагаются или измѣняются (*μεταβάλλονται*) или-же претворяются (*μεταποιούνται*) въ тѣло и кровь Господа нашего Іисуса Христа, но, само собою разумѣется, имѣлъ при этомъ въ виду собственно *пресуществленіе* хлѣба и вина въ тѣло и кровь Его. На это указываютъ, кромѣ признанія св. отцомъ субстанцій Богочеловѣка отличными отъ субстанцій растительныхъ организмовъ и физическихъ стихій или элементовъ, въ особенности тѣ слова его о таинствѣ евхаристіи, въ которыхъ онъ какъ бы полемизируетъ съ непризнающими *субстанціального* измѣненія хлѣба и вина въ таинствѣ евхаристіи по дѣйствию Духа Святаго. Въ этомъ таинствѣ мы вкушаемъ подъ видами хлѣба и вина тѣло и кровь Спасителя нашего

¹⁾ Стран. 23, 24, 55, 79 и друг. въ *Точн. изложеніи правослиной вѣры* (переводъ г. Бронзова).

²⁾ Ibid. стран. 3—4, 123, 135 и друг.

³⁾ Ibid. стран. 45, 78 и друг.

⁴⁾ Ibid. стран. 47.

⁵⁾ Ibid. стран. 49, 51, 125 и друг.

⁶⁾ Ibid. стран. 49, 55, 72 и друг.

„не потому“, говоритъ св. отецъ, „что вознесшееся тѣло Господа нисходитъ съ неба, по тому, что самый хлѣбъ и вино измѣняются въ тѣло и кровь Бога“¹⁾. „Хлѣбъ и вино не есть образъ тѣла и крови Христа (да не будетъ!), но—самое тѣло Господа обожествленное, такъ какъ самъ Господь сказалъ: *сие есть Мое*, не образъ тѣла, но *тѣло*, и не образъ крови, но *кровь*“²⁾. „Хлѣбъ предложенія и вино и вода, чрезъ призываніе и пришествіе Святаго Духа, *преестественно* измѣняются въ тѣло Христово и кровь, и не суть два, но *единое* и *то же самое*“³⁾. Развѣ это—не рѣчь въ *собственномъ* смыслѣ о переходѣ *сущности* хлѣба и вина въ *сущность* тѣла и крови Богочеловѣка или, говоря иначе, о *пресущественіи* хлѣба и вина въ самое тѣло и кровь Богочеловѣка? Слова: *преложеніе* или *измѣненіе*, употребленные св. отцомъ, конечно, не тождественны съ словомъ: *пресущественіе* сами *по себѣ*, и ихъ никто и не отождествляетъ съ *этой* стороны, вопреки увѣреніямъ А. А. Кирѣева⁴⁾, но эти слова, взятая вмѣстѣ съ остальными словами св. Іоанна Дамаскина объ евхаристіи, заключаютъ въ себѣ у него *тождественный* съ терминомъ: *пресущественіе* смыслъ, что не подлежитъ сомнѣнію.

А. А. Кирѣеву слово: *пресущественіе* кажется *дополняющимъ* мысль и слова Христа объ евхаристическихъ хлѣбѣ и винѣ, какъ просто о тѣлѣ и крови Его. Оппонентъ утверждаетъ, что правильнѣе говорить: „хлѣбъ и вино *становятся* тѣломъ и кровію Христа“⁵⁾. Напротивъ, терминъ: *пресущественіе*, сравнительно и со всѣми остальными терминами, наилучше и точнѣе выражаетъ собою мысль и слова Богочеловѣка объ этомъ предметѣ. Хлѣбъ и вино развѣ могутъ содѣлаться *самымъ* тѣломъ и *самою* кровію Христа, если *сущность* хлѣба и вина не перейдетъ въ *сущность* тѣла и крови Его? Кто стоитъ на православной точкѣ зрѣнія относительно двухъ субстанцій во Христѣ при единствѣ въ Немъ божеской Упостаси и касательно *субстанціального* отличія

1) Ibid. стран. 222.

2) Ibid. стран. 223.

3) Ibid. стран. 222.

4) Стран. 5 въ отдѣл. отт. *Отъѣзда* мнѣ.

5) Ibid.

ихъ отъ природы хлѣба и вина, тотъ неизбѣжно отвѣтитъ на этотъ вопросъ въ томъ смыслѣ, что хлѣбъ и вино могутъ быть самимъ тѣломъ и самой кровію Богочеловѣка лишь чрезъ *пресуществленіе* первыхъ въ послѣднія. Слово-же *становится*, взятое само по себѣ, не выражаетъ этой мысли *вопреки* ученію Христа. Иисусъ Христосъ не только говорилъ о Себѣ, что онъ есть хлѣбъ жизни (Іоан. VI, 35), но и прибавлялъ къ этому слѣдующія столь-же знаменательныя слова: ядущій Меня жить будетъ Мною (ст. 57). Всѣ эти слова Спасителя казались многимъ изъ слушавшихъ Его іудеевъ *странными* (Іоан. VI, 60). Очевидно, даже они понимали рѣчь Христа о таинствѣ евхаристіи въ *подлинномъ* ея смыслѣ. Хотя Спаситель напередъ зналъ послѣдовавшее за этимъ отпаденіе отъ Него *многихъ изъ* Его учениковъ (ст. 66), но Онъ предложилъ отойти отъ Него и остальнымъ ученикамъ (ст. 67), если они не желаютъ понимать Его словъ объ евхаристіи въ *буквальномъ* смыслѣ ¹⁾. А этотъ ихъ смыслъ состоялъ въ томъ, очевидно, что евхаристическіе хлѣбъ и вино суть, по *самой субстанціи* ихъ, самое тѣло и самая кровь Богочеловѣка или что хлѣбъ и вино *пресуществляются* въ истинное тѣло и въ истинную кровь Его. Не странно-ли же утверждать, будто словомъ: *пресуществленіе* дополняются мысль и слова Христа о таинствѣ евхаристіи? Въ виду *таковыхъ* утвержденій *неволью* является мысль, что тутъ заподозривается или истинность или точность словъ Богочеловѣка объ этомъ предметѣ.

Нашъ почтенный оппонентъ увѣряетъ, однако, будто именно слово: *преложеніе*, взято же, конечно, въ его буквальномъ смыслѣ, соотвѣтствуетъ словамъ Христа, взявшаго хлѣбъ и сказавшаго: сіе есть тѣло Мое etc. ²⁾. Въ нашей статьѣ, помѣщенной въ *Христ. Читеніи*, мы высказались относительно *самого по себѣ* термина: *преложеніе* такъ. Преложеніе указываетъ собственно на перекладываніе чего-нибудь изъ одного мѣста въ другое. Въ болѣе

¹⁾ Съ цѣлію отверженія термина: *пресуществленіе* А. А. Кяръевъ указываетъ даже на то, что на западѣ изъ-за этого слова проливалась кровь. Удивительный аргументъ! Подчиняясь ему, почему-бы не обвинять и Христа за то, что изъ-за Его ученія лллась, въ первые вѣка христіанства, чуть-ли не цѣлыми потоками кровь христіанскихъ мучениковъ? А вѣдь это было-бы простой послѣдательностію...

²⁾ Стр. 5 въ отдѣл. отт. *Отвѣта* мнѣ.

отдаленномъ или переносномъ своемъ значеніи оно совпадаетъ съ словомъ: *премѣненіе* или *измѣненіе*. Но и премѣнить или измѣнить предметъ еще не значить сдѣлать его другимъ по самому существу его. Въ самомъ дѣлѣ, когда идетъ рѣчь о какой-нибудь вещи, которая измѣнена нами-ли лично или кѣмъ-нибудь другимъ, то тутъ разумѣется только улучшение ея или сообщеніе ей иной формы, иного вида ¹⁾). Къ сказанному тогда прибавимъ здѣсь слѣдующее. Если слово: *преложеніе* понимать въ смыслѣ *перемѣненія*, то это будетъ означать иногда и замѣну одного предмета другимъ, какъ, на примѣръ, книги скрипкою. Отсюда видно, вопреки голословнымъ увѣреніямъ со стороны нашего оппонента, что *само по себѣ* слово: *преложеніе* менѣе всего выражаетъ мысль и слова Христа о таинствѣ евхаристіи. Потому-то, конечно, во время освященія св. даровъ на божественной литургіи предшествуютъ словамъ совершителя ея: „*преложивъ* Духомъ Твоимъ Святымъ“ молитвенныя къ Богу слова: „и *сотвори* убо хлѣбъ сей честное тѣло Христа Твоего, а еже въ чаши сей честную кровь Христа Твоего“. Всѣми этими словами, а не однимъ словомъ: *преложивъ* выражается мысль о имѣющемъ тогда-то совершиться *пресуществленіи* хлѣба и вина въ самое тѣло и въ самую кровь Богочеловѣка. Между тѣмъ, терминъ: *пресуществленіе* уже и самъ по себѣ достаточно выразителенъ.

Наконецъ, напрасно-же мой оочтенный оппонентъ оспариваетъ этотъ терминъ какъ на основаніи его яко бы неопредѣленности, такъ и вслѣдствіе свойственной ему, будто бы, претензіи объяснить происходящее съ хлѣбомъ и виномъ. Слово: *пресуществленіе* само по себѣ чуждо того и другого изъ усвояемыхъ ему недостатковъ.

О неопредѣленности термина: *пресуществленіе* А. А. Кирѣевъ говоритъ, не имѣя подъ собою рѣшительно никакой почвы, хотя опирается, повидимому, на наши слова. По поводу завѣреній со стороны А. А. Кирѣева и старокатоликовъ, что папскіе богословы положили въ основу этого термина только понятіе Аристотеля о субстанціи и ея акциденціяхъ, мы замѣтили, что если это и правда, то отсюда еще не слѣдуетъ непригодность этого термина, а слѣдуетъ только необходимость

¹⁾ Стран. 33 въ отдѣл. оттискѣ моей статьи изъ назв. журнала.

отрѣшиться и отъ Аристотелевой метафизической и отъ всякой непригодной закваски и соединить съ нимъ надлежащій, со-ответствующій истинѣ, смыслъ ¹⁾. Каждому ясно, что мы лишь *предположительно* допустили въ богословской области соединимость неправильныхъ понятій съ словомъ: *пресуществованіе*, уступая противникамъ для наибольшаго пораженія ихъ-же собственныхъ мыслей, А. А. Кирѣевъ, торопясь оправдать свое и старокатолическое предубѣжденіе противъ этого слова, опустилъ изъ виду указанное важное обстоятельство и говоритъ: „если нѣкоторые смотрятъ такъ различно на слово: „пресуществованіе“, то не лучше-ли, не вѣрнѣе-ли вовсе не настаивать на немъ, благо оно *никому* не нужно“ ²⁾. Развѣ можно опровергать мысль о необходимости и законности этого слова съ помощью столь самообличающихся и самораспадающихся доводовъ? Требовалось со стороны нашего оппонента доказать намъ и читателямъ, что дѣйствительно слово: *пресуществованіе* по самому прямому своему смыслу или значенію допускаетъ различное пониманіе. Только въ этомъ случаѣ и возраженіе его имѣло-бы *нѣкоторую* силу. Оппонентъ-же не только не сдѣлалъ этого, но и не можетъ сдѣлать. Когда означенное слово употребляется въ истинно-христіанскомъ ученіи объ евхаристіи, тогда каждый понимаетъ, что оно выражаетъ мысль о переходѣ существа хлѣба и вина въ существо тѣла и крови Христа. Терминъ: *пресуществованіе* не выражаетъ и не можетъ выражать здѣсь *никакой* другой мысли, кромѣ этой.

Будто этому термину присуща претензія объяснить необъяснимое, напрасно доказываетъ А. А. Кирѣевъ это слѣдующими своими словами: „слово: „преложеніе“ выражаетъ фактъ, констатируя, что хлѣбъ и вино *становятся* ³⁾ тѣломъ и кровью Христа, а слово *transsubstantiatio* (пресуществованіе) представляетъ уже несомнѣнную претензію на разъясненіе того, что

1) Стран. 24 и 25 въ отдѣльномъ отискѣ нашей статьи изъ *Христіанскаго Чтенія*.

2) Стран. 7 въ отдѣльномъ отискѣ статьи А. А. Кирѣева изъ 6 кн. *Богословскаго Вѣстника* за 1897 г. Курсивъ принадлежитъ намъ: мы хотѣли отмѣтить тотъ фактъ, что А. А. Кирѣевъ говоритъ даже отъ лица всѣхъ людей, какъ будто знаетъ согласіе ихъ съ собою.

3) Этотъ курсивъ самого оппонента.

происходитъ съ хлѣбомъ и виномъ, отъ чего выходитъ нѣчто неудачное и излишнее ¹⁾.

Въ этихъ словахъ почтеннаго нашего оппонента прежде всего останавливаетъ на себѣ наше вниманіе мысль о ненужности всякихъ „претензій“ или попытокъ нѣкотораго уясненія того, что совершается съ хлѣбомъ и виномъ въ таинствѣ евхаристіи? Эта мысль въ другомъ мѣстѣ выражена у А. А. Кирѣева еще сильнѣе и категоричнѣе. Такъ онъ замѣчаетъ: „церковь говоритъ: *сiс естъ тѣло, сiя естъ кровь*, и я этому вѣрю, и повторяю эти слова, приступая къ страшному и великому таинству, приступая съ трепетомъ и надеждою..., а мнѣ говорятъ: ты еще пойми, что тутъ происходитъ превращеніе *одной субстанции* въ другую! Нѣтъ; *не усилится* отъ этого моя вѣра“ ²⁾! Это возстаніе г. генерала Кирѣева противъ попытокъ нѣкотораго уясненія того, что совершается съ хлѣбомъ и виномъ въ таинствѣ евхаристіи, рѣзко *противорѣчитъ* тому, что самъ-же онъ говорилъ въ той первой своей статьѣ, въ которой онъ выступилъ въ *Бословскомъ Вѣстникѣ* на защиту своего и старокатолическаго мнѣнія о „*Filioque*“ и „Пресуществленіи“. Въ этой статьѣ онъ старался доказать необходимость для людей уяснить себѣ предметы вѣры, хотя бы изъ-за этого менѣе осторожные люди „и поранили свою вѣру“, и указывалъ въ возможности при этомъ паденій „необходимое условіе усовершенствованія“ ³⁾. Оппонентъ ссылался тогда даже на слова ап. Павла: *все испытывайте, хорошаго держитесь* (1 Тессал. V, 21), и завѣрялъ читателей въ томъ, что „мы *должны* испытывать вѣру для того, чтобы *не потерять* вѣры и *не остаться* при *одной внешней* ее оболочкѣ“ ⁴⁾. Положимъ, не смотря на это, А. А. Кирѣевъ и въ упомянутой статьѣ осуждалъ-же попытки уясненія того, что дѣлается съ хлѣбомъ и виномъ въ таинствѣ евхаристіи. Тѣмъ не менѣе фактъ самопротиворѣчія, въ которое впадаетъ А. А. Кирѣевъ, остается на лицо, и его нельзя устранить никакими софизмами. Въ самомъ дѣлѣ, если нужно и дозволительно „испытывать“ все, то нужно и дозволительно „испытывать“ и то,

1) Ibid. Стран. 5.

2) Ibid. стран. 5.

3) Стран. 2 и 3 въ отдѣл. оттискѣ этой статьи.

4) Ibid.

что же именно дѣлается въ евхаристіи съ хлѣбомъ и виномъ, —испытывать, конечно, въ предѣлахъ *доступнаго* людямъ. Возставать противъ такого „испытыванія“ могутъ тѣ только, кому очень нежелательно, чтобы люди пришли чрезъ это къ мысли о *пресуществленіи* хлѣба и вина въ тѣло и кровь Богочеловѣка, и кому, вмѣстѣ съ тѣмъ, очень хочется во что бы то ни стало отвергнуть терминъ: *пресуществленіе*. Вѣдь вотъ чѣмъ могутъ иные люди объяснить причину самопротиворѣчія, въ которое впадаетъ нашъ оппонентъ! Но мы полагаемъ, что тутъ все дѣло—въ нѣкоторомъ недоразумѣніи. Показать его не трудно.

Нашъ почтеннѣйшій оппонентъ утверждаетъ, будто слово: *преложеніе* выражаетъ *фактъ*, а слово: *пресуществленіе* представляетъ попытку разъяснить, что происходитъ съ хлѣбомъ и виномъ? Если видѣть въ послѣднемъ словѣ выраженіе этой попытки, то *необходимо* видѣть *то же самое* и въ словѣ: *преложеніе*. Фактомъ являются для насъ *только* слова Христа: „хлѣбъ—тѣло Мое, а вино—кровь Моя“. Въ виду этихъ словъ у человѣка возникаетъ *самъ собою*, въ силу *неустранимыхъ* законовъ нашего мышленія, вопросъ о томъ, какъ-же или, точнѣе, вслѣдствіе чего произошло это? У однихъ людей немедленно-же получается и слѣдующій отвѣтъ на этотъ вопросъ: „хлѣбъ и вино, очевидно, *стали* уже тѣломъ и кровію, или же первые „преложились“ въ послѣднія ¹⁾). Этотъ отвѣтъ ясно указываетъ на то, что съ хлѣбомъ и виномъ произошелъ *какой-то* процессъ измѣненія, вслѣдствіе котораго хлѣбъ и вино лишь для внѣшнихъ нашихъ чувствъ являются хлѣбомъ и виномъ, будучи на самомъ дѣлѣ, *по слову Христа*, тѣломъ и кровію Его. У другихъ людей получается такой отвѣтъ: „хлѣбъ и вино, очевидно, *присуществовали* уже въ тѣло и кровь Христа“. Этотъ отвѣтъ ясно указываетъ уже на то, что съ хлѣбомъ и виномъ произошелъ *какой-то* процессъ существеннаго измѣненія, вслѣдствіе котораго хлѣбъ и вино стали, по самому существу своему, тѣломъ и кровію Богочеловѣка, несмотря на ощутимый внѣшними нашими чувствами видъ свой, какъ хлѣба и вина. Такимъ образомъ, вопреки увѣреніямъ А. А. Кирѣева, и терминъ: *преложеніе* и терминъ: *пресуществленіе* одинаково кон-

¹⁾ Нашъ оппонентъ употребляетъ слова: „*стали* и *приложились*“ одинаково одно *вмѣсто* другого.

статируютъ *не фактъ, а процессъ*, вслѣдствіе котораго хлѣбъ и вино, не смотря на видъ свой, доступный нашимъ виѣшнимъ чувствамъ, дѣлаются тѣломъ и кровію Христа. Вся разница между означенными терминами состоитъ только въ томъ, что послѣдній изъ нихъ говоритъ объ измѣненіи хлѣба и вина сравнительно гораздо опредѣленнѣе, точнѣе.

А если не допускать той мысли, что слово: *преложеніе* представляетъ собою попытку объяснить евхаристическое чудо, то нельзя признавать и того, что слово: *пресуществленіе* является подобнаго рода попыткою. Мы склоняемся къ тому мнѣнію, что ни одно изъ этихъ словъ не выражаетъ этой попытки. Наше мнѣніе подтверждается слѣдующими авторитетными свидѣтельствами. „Въ евхаристіи, говоритъ св. Іоаннъ Дамаскинъ, хлѣбъ и вино *измѣняются* въ тѣло и кровь Бога. Если же ты отыскиваешь тотъ образъ, какъ это происходитъ, то тебѣ достаточно услышать, что—съ помощью Духа Святаго, подобно тому какъ при содѣйствіи Святаго Духа Господь для Себя и въ Себѣ осуществилъ и плоть отъ святой Богородицы. Больше мы ничего не знаемъ, за исключеніемъ того, что Слово Божіе истинно, дѣйственно и всемогуще“¹⁾. Касательно-же термина *пресуществленіе* въ *Посланіи восточныхъ патріарховъ* читаемъ слѣдующее: „Вѣруемъ, что словомъ: *пресуществленіе* не объясняется тотъ образъ, которымъ хлѣбъ и вино претворяются въ тѣло и кровь Господню, ибо сего нельзя постичь *никому*, кромѣ *Самого* Бога, и усилія желающихъ постичь сіе могутъ быть слѣдствіемъ только безумія и нечестія, но показывается только то, что хлѣбъ и вино, по освященіи, прелагаются въ тѣло и кровь Господню не образно, не символически, не избыткомъ благодати, не сообщеніемъ или наитіемъ единой божественности Единороднаго, и что не случайная какая-либо принадлежность хлѣба и вина прелагается въ случайную принадлежность тѣла и крови Христовой какимъ-либо измѣненіемъ или смѣшеніемъ, но *истинно, дѣйствительно и существенно*“²⁾ хлѣбъ бы-

¹⁾ Стран. 222 въ *Точн. изложеніи правосл. вѣры*. У св. отца, слово: *измѣняются* выражаетъ мысль о пресуществленіи, только будучи взято съ остальными словами...

²⁾ Какъ уже знаемъ, старокатолики употребляютъ поставленные курсивомъ слова въ своемъ ученіи о таинствѣ евхаристіи. Не принимая-же, при этомъ, термина: *пресуществленіе*, они являются, всего вѣроятнѣе, просто только непоследовательными.

ваетъ самымъ истиннымъ тѣломъ Господнимъ, а вино—самой кровію Господней“¹⁾). Въ приведенныхъ словахъ св. Іоанна Дамаскина и „Посланія восточныхъ патріарховъ“ нельзя не видѣть безусловной правды. Коль скоро мы не знаемъ двухъ, при единой Упостаси, субстанцій въ Богочеловѣкѣ и субстанціи хлѣба и вина, то уже по этому одному развѣ можемъ мы сколько-нибудь уяснить себѣ способъ или образъ того, какъ происходитъ, по дѣйствию Духа Божія, чудо *пресуществленія* хлѣба и вина въ тѣло и кровь Спасителя? Мы не въ состояніи объяснить себѣ даже того, какъ именно происходитъ самъ въ себѣ процессъ, на примѣръ, измѣненія характера или нравственнаго настроенія въ такихъ-то, хорошо извѣстныхъ намъ, людяхъ. Мы можемъ предположить только, что на это измѣненіе вліяли такія-то и такія-то причины. Но вѣдь и въ дѣлѣ *пресуществленія* мы знаемъ о причинѣ, которою является Духъ Божій. Болѣе-же этого, особенно тутъ, ничего не знаемъ и знать не можемъ. А какое же это—объясненіе?!

Изъ сказаннаго видно слѣдующее. Во-первыхъ, напрасно думаетъ А. А. Кирѣевъ, будто мысль о превращеніи, въ таинствѣ евхаристіи, одной субстанціи въ другую „смущаетъ“ вѣрующихъ христіанъ²⁾ или, говоря иначе, колеблетъ ихъ вѣру. Это не болѣе, какъ призракъ, которымъ запугиваются люди, чтобы оттолкнуть ихъ отъ термина: *пресуществленіе*! Да и какое-же нравственное право имѣется для того, чтобы говорить, будто „пріемшіе“ и „пріемлющіе“ этотъ терминъ приступаютъ къ страшному и великому таинству съ смущенной или поколебленной вѣрою? А между тѣмъ, такая рѣчь сама собою предполагается указанной мыслью нашего почтеннаго оппонента. Онъ, къ сожалѣнію, опустилъ изъ виду, при этомъ, и то, отмѣченное въ Евангеліи, важное обстоятельство, что однихъ изъ учениковъ Христа смутили самыя слова Его о томъ, что хлѣбъ и вино, по освященіи, суть истинныя тѣло и кровь Его, и заставили уйти отъ Него, а остальныхъ учениковъ побудили сказать своему Учителю, что Онъ по истинѣ Христосъ, Сынъ Бога живаго (Іоан. VI, 67—69). Значитъ, дѣло вовсе—не въ

¹⁾ Стран. 37 въ брошюрѣ: *Царская и патріаршія грамоты съ изложениемъ вѣроисповѣданія восточнаго. церкви* (М. 1839 г.).

²⁾ Стран. 13 въ отдѣл. оттискѣ статьи изъ *Воссл. Вѣстника* за 1897 г.

словахъ, а въ *религиозно-нравственномъ* настроеніи людей. Вторыхъ, напрасно г. генераль Кирѣевъ столь смѣло объявляетъ слово: *пресуществленіе* неудачнымъ и излишнимъ. Напротивъ, оно, по сравненію со всѣми остальными терминами, наиболѣе удачно выражаетъ ту мысль, что евхаристическіе хлѣбъ и вино, по освященіи, суть самое тѣло и самая кровь Богочеловѣка, а потому представляется необходимымъ. Мы это, кажется, уже достаточно доказали выше. Къ сказанному прибавимъ теперь только слѣдующее. Подчеркнутое нашимъ оппонентомъ и по его словамъ равнозначующее термину: *преложеніе* слово: *становиться* или *стать* само по себѣ недостаточно выражаетъ мысль и слова Христа объ евхаристіи. Поясню свое мнѣніе какимъ-либо примѣромъ. Если скажемъ, что трость *стала* змѣею, то этимъ еще окончательно не устранимъ мысли лишь о кажущейся, или мимолетной, или же только чисто-внѣшней и не коренной перемѣнѣ, случившейся съ однимъ изъ этихъ предметовъ. Совсѣмъ иное дѣло, если выразимся, что трость *пресуществовала* въ змѣю. Тутъ желаемая мысль выражена точно, и устраняются всякія сомнѣнія или лжетолкованія. Сказанное примѣнимо и къ вопросу о томъ, какъ понимать слова: „хлѣбъ и вино *становятся* тѣломъ и кровію Христа“? Лишь терминъ: *пресуществленіе* ясно и точно выражаетъ мысль и слово Христа, что хлѣбъ—тѣло Его, а вино—кровь Его.

III.

По мѣрѣ возможности выяснивъ и доказавъ, что въ *Filioque* не заключается *ни малѣйшей* чистицы истины и что терминъ: *пресуществленіе* представляется *вполнѣ* нужнымъ и законнымъ, мы должны нѣсколько остановиться на слѣдующемъ рѣшительнѣйшемъ заявленіи г. генерала Кирѣева: „Пусть всякіе эти *Filioque* (и отъ Сына), *Transsubstantiatio* (пресуществленіе) остаются удѣломъ богослововъ: *Церковь въ нихъ не нуждается*. Имъ мѣсто—въ школѣ; пусть они и остаются школьными мнѣніями, ни для кого необязательными“²⁾).

Въ этихъ словахъ нашего почтеннѣйшаго оппонента прежде всего бросается въ глаза слѣдующее. Подобно старокатоликамъ,

¹⁾ Стран. 8 въ отдѣл. оттискѣ *Отчета* мнѣ Куренв принадлежать намъ (въ 6 кн. *Богосл. Вѣстника* за 1897 г.).

заблужденія которыхъ онъ преусердно отстаиваетъ, очевидно, раздѣляя эти заблужденія вмѣстѣ съ ними, А. А. Кирѣевъ уклоняется отъ обсужденія вопроса, допустимы-ли, въ качествѣ школьно-богословскихъ мнѣній, такія мысли, которыя находятся хотя бы въ малѣйшей дисгармоніи съ вѣроопредѣленіями и вѣроизложеніями вселенской нераздѣленной церкви, и не показываетъ, какъ-же именно относятся къ этимъ вѣроопредѣленіямъ и вѣроизложеніямъ а) усматриваніе частицы истины въ *Filioque* и б) отверженіе термина *пресуществленіе*? Старокаатолики еще стараются завѣрить, на примѣръ, касательно *Filioque*, что въ этихъ словахъ, какъ они понимаютъ, якобы, заключающуюся въ нихъ истину, не обрѣтается, будто бы, ничего, противорѣчащаго догмату. А. А. Кирѣевъ, съ своей стороны, не обратилъ въ *Отвѣтъ* мнѣ ни малѣйшаго вниманія на сказанное мною касательно *надлежащаго* соотношенія между догматами и богословскими мнѣніями и въ частности игнорировалъ сказанное мною о несовмѣстимости мысли о Сынѣ Божіемъ, какъ о второй причинѣ или сопричинѣ Духа Святаго во всякомъ смыслѣ этихъ словъ, ¹⁾ съ догматомъ, говорящимъ о вѣчномъ исхожденіи Духа Святаго только отъ Бога Отца. Пока не докажется неопровержимо, что признаніе въ *Filioque* какой бы то ни было частицы истины и отверженіе слова: *пресуществленіе* отнюдь не стоитъ ни въ малѣйшемъ противорѣчій съ догматическимъ ученіемъ православной церкви а) о вѣчномъ исхожденіи Духа Святаго только отъ Отца и б) о двухъ субстанціяхъ, при единствѣ *Упостаси*, въ Богочеловѣкѣ, равно какъ о *природномъ* отличіи Господа Іисуса Христа отъ *субстанціи* хлѣба и вина, до тѣхъ поръ будутъ лишены смысла и значенія *всѣ* ссылки даже на мнѣнія тѣхъ или иныхъ древнихъ писателей церкви. Вѣдь *соборное преданіе* церкви, выраженное въ тѣхъ или другихъ вѣроопредѣленіяхъ и вѣроизложеніяхъ, должно служить *критеріемъ истинности* и тѣхъ или другихъ воззрѣній и означенныхъ писателей. Если данное мнѣніе кого либо изъ нихъ несомнѣнно не вяжется или не согласуется съ упомянутыми вѣроопредѣленіями и вѣроизложе-

¹⁾ Находить въ *Filioque* какую бы то ни было частицу истины значитъ признавать Сына Божія такъ или иначе второй причиною или сопричною бытія Духа Святаго.

ніями, то *тѣмъ самымъ* оно уже *осуждено* или безусловно и должно считаться *ложнымъ* въ мнѣніи *всякаго* православнаго богослова. Между тѣмъ, эта-то *истина* и забывается не одними старокатоликами и нашимъ почтеннымъ оппонентомъ....

Но,—что всего поразительнѣе,—последній какъ бы отъ лица всей церкви объявляетъ, будто бы *она* не нуждается въ терминѣ: *пресущественіе* и въ признаніи Бога отца *безусловно* однимъ Виновникомъ бытія Духа Святаго ¹⁾. Такъ какъ мы имѣемъ счастье быть хотя и плохимъ, но все таки сыномъ существующей на лицо, *единственной во всемъ теперешнемъ* мѣрѣ, православной церкви, то и находимъ обязательнымъ для себя справиться, то-ли самое говоритъ *эта* церковь, что приписываетъ ей А. А. Кирѣевъ? Сперва узнаемъ мысль этой церкви касательно *Filioque*, а потомъ относительно термина: *пресущественіе*. Справки-же наведемъ на основаніи: а) *Православнаго исповѣданія католической и апостольской церкви восточной*, б) *Посланія восточныхъ патріарховъ* и в) *Чина присяги архіерейскія*.

Первое изъ нихъ, по справедливому замѣчанію преосвящ. Сильвестра, пользовалось и пользуется у православныхъ христіанъ особеннымъ уваженіемъ и значеніемъ символической книги ²⁾. „Православное исповѣданіе“ было составлено Кіевскимъ митрополитомъ Петромъ Могилою, рассмотрѣно и исправлено на двухъ соборахъ: Кіевскомъ въ 1640 году и Ясскимъ въ 1643 году, а за тѣмъ одобрено четырьмя вселенскими патріархами и двумя русскими патріархами: Іоакимомъ и Адріаномъ. Это „Исповѣданіе“ впоследствии изда-но было, въ переводѣ на русскій языкъ, по особому указу нашего Св. Синода, для всеобщаго употребленія православными и руководства въ дѣлѣ ихъ вѣросознанія и вѣропониманія. Къ „образцамъ-же церковной вѣры“ относится и „Посланіе восточныхъ патріарховъ“ (1723 г.), присланное нашему Св. Синоду ими при особой грамотѣ, подписанной патріархами: Константинопольскимъ, Антиохійскимъ и Іерусалимскимъ и гласящей,

1) Коль скоро, по увѣренію А. А. Кирѣева, церковь предоставляетъ богословамъ право держаться *Filioque*, какъ богословскаго мнѣнія, то, значить, она видитъ-же какую-либо истину въ этихъ словахъ и слѣдовательно не признаетъ Бога Отца безусловно единственнымъ виновникомъ бытія Св. Духа.

2) Стр. 63 въ 1 т. Догмат. богословія.

между прочимъ, слѣдующее: „Посланіе патріарховъ восточно-каѳолической церкви о православной вѣрѣ содержитъ въ себѣ изложеніе вѣры восточной каѳолической церкви, какъ она опредѣлена вселенскими соборами и богоносными отцами и непрерывно и неуклонно сохранялась въ означенной церкви“¹⁾. Нашъ Св. Синодъ принялъ и объявилъ это „Посланіе о вѣрѣ“, какъ руководственное-же для сыновъ и дочерей нашей церкви. О важномъ значеніи „Чина присяги архіерейскія“ нечего и говорить: каждый архіерей, предъ возведеніемъ въ этотъ апостольскій санъ, даетъ во храмѣ предъ Богомъ и въ присутствіи собора епископовъ, другихъ членовъ церковной іерархіи и мірянъ торжественную клятву распространять и строжайше содержать въ неизмѣнномъ видѣ изложенныя въ *Чинѣ* догматическія истины по ихъ существу. Въ этихъ-то общеобязательныхъ для всякаго православнаго христіанина руководственныхъ „образцахъ вѣры“ находимъ слѣдующее по вопросу о вѣчномъ исхожденіи Духа Святаго и о словѣ: „пресуществленіе“.

Въ *Православномъ исповѣданіи* читаемъ: „Сынъ и Духъ непосредственно и равно вмѣстѣ имѣютъ начало отъ Отца: Сынъ рожденіемъ, а Духъ—исхожденіемъ... Духъ Святой исходитъ отъ одного Отца, какъ Источника и Начала Божества“²⁾. Объ этомъ-же предметѣ *Чинъ присяги архіерейскія* гласитъ такъ: „Вѣруемъ, яко Отецъ есть вина Сына и Духа: Сына чрезъ рожденіе, Духа-же Святаго чрезъ исхожденіе. Отецъ рождаетъ Сына и изводитъ Святаго Духа, Сынъ-же рождается отъ Отца, а Духъ Святой исходитъ отъ Отца. И тако чтемъ единое начало и признаемъ Отца единою виною Сына и Духа“³⁾.

Относительно таинства евхаристіи *Православное исповѣданіе* говоритъ слѣдующее: „Священникъ, освящая дары, такъ долженъ мыслить, что самое существо хлѣба и самое существо вина прелагаются въ существо истиннаго тѣла и крови Христовой дѣйствіемъ Св. Духа, котораго призываетъ въ сіе время, для совершенія сего таинства, молитвою и словами: „ниспосли Духа Твоего Святаго на ны и на подлежащія дары сіи и сотвори убо хлѣбъ сей честное тѣло Христа Твоего, а еже въ чаши сей честную кровь

¹⁾ Стран. 9 въ брошюрѣ: *Царская etc.*

²⁾ Стран. 60 и 61 (Спб. 1831 г.).

³⁾ Стран. 22 въ *Церк. Вѣстникъ* за 1896 г.

Христа Твоего, преложивъ Духомъ Твоимъ Святымъ“. Послѣ сихъ словъ немедленно бываетъ *пресуществленіе*: хлѣбъ прѣмѣняется въ истинное тѣло Христово, а вино въ истинную кровь; остаются *только* одни виды ихъ“¹⁾). Объ этомъ-же таинствѣ говорится въ *Посланіи восточныхъ патріарховъ* такъ: „Вѣруемъ, что въ семь священнодѣйствіи присутствуетъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ не символически, необразно (τοπικῶς, εἰχονικῶς), не приизбыткомъ благодати, какъ въ прочихъ таинствахъ, не однимъ наитіемъ, какъ это нѣкоторые отцы говорили о крещеніи и не чрезъ проницаніе хлѣба (per impanationem), такъ, чтобы божество слова входило въ предложенный для евхаристіи хлѣбъ существенно (οὐλοστατικῶς), какъ послѣдователи Лютера довольно не искусно и недостаточно изъясняютъ, но истинно и дѣйствительно, такъ что, по освященіи хлѣба и вина, хлѣбъ прелагается, *пресуществляется*, претворяется, преобразуется въ самое истинное тѣло Господа, которое родилось въ Вифлеемѣ отъ Приснодѣвы, крестилось во Иорданѣ, пострадало, погребено, воскресло, вознеслось, сѣдитъ одесную Бога Отца, имѣетъ явиться на облакахъ небесныхъ, а вино претворяется и *пресуществляется* въ самую истинную кровь Господа, которая, во время страданія Его на крестѣ, излилась за жизнь міра“²⁾). Объ этомъ-же предметѣ въ *Чинѣ присяги архіерейскія* говорится слѣдующее: „Вѣруемъ и мудствуемъ совершатися въ божественнѣй литургіи *пресуществленію* тѣла и крове Христовы наитіемъ и дѣйствіемъ Святаго Духа чрезъ призываніе архіерейское или іерейское въ словесѣхъ Богу Отцу молительныхъ“³⁾).

Какъ каждый ясно видитъ, православная церковь мыслить, по вопросу о вѣчномъ исхожденіи Духа Святаго и о словѣ: „пресуществленіе“, совершенно *противоположно* тому, что говоритъ А. А. Кирѣевъ. Съ точки зрѣнія православной церкви находить какую бы то ни было частицу истины въ *Filioque* и отвергать слово: *пресуществленіе* значитъ впадать въ глубокое разногласіе съ ея ученіемъ и противиться ей. А такъ какъ въ подобнаго рода вопросахъ голосъ церкви важнѣй всякихъ,—

1) Стран. 87.

2) Стран. 34 и 35 въ брошюрѣ: *Царская etc.*

3) Стран. 383 во 2 т. *Догм. Богословія* митроп. Макарія (3-е изданіе.).

какъ бы они ни были основательны и правильны,—доводовъ со стороны православныхъ богослововъ въ пользу мысли о томъ, что допускать, въ качествѣ богословскаго мнѣнія, мнѣніе о Сынѣ Божіемъ, какъ о *второй причинѣ или сопричинѣ* Духа Святаго въ какомъ бы то ни было смыслѣ этихъ словъ, и о ненадобности и незаконности термина: *пресуществленіе* было-бы противорѣчіемъ догматическому ученію православной церкви, то мы и считаемъ нашъ печатный диспутъ съ А. А. Кирѣевымъ *поконченнымъ въ безусловно-благопріятномъ для истины смыслѣ* ¹⁾.

Въ заключеніе намъ остается сказать два—три слова по поводу слѣдующаго. Выступивши, въ своемъ *Отвѣтѣ* намъ, съ *опроверженіемъ* сказаннаго нами въ „Христіанскомъ Читаніи“ въ *защиту* православнаго ученія о вѣчномъ исхожденіи Духа Святаго, по бытію *безусловно* отъ одного Бога Отца и о необходимости и законности употребленія термина: „пресуществленіе“, А. А. Кирѣевъ въ самомъ-же началѣ своего *Отвѣта* заявилъ, что онъ возражаетъ намъ только по поводу сказаннаго нами спеціально по *его* адресу, а противъ сказаннаго нами по адресу старокатоликовъ,—какъ онъ *надѣется*,—выскажутся сами старокатолическіе богословы, какъ, напри- мѣръ, „профессоръ Лангенъ и его товарищи“ ²⁾.

Если надежда А. А. Кирѣева осуществится, то мы питаемъ увѣренность, что отвѣтъ намъ со стороны какого-либо изъ *старокатолическихъ* богослововъ возьметъ наши мысли и доводы въ самомъ ихъ существѣ и именно, противъ нихъ прямо и ясно будетъ направленъ на основаніи ясно-же и точно выраженной аргументаціи, а отнюдь не будетъ носить противоположнаго себѣ характера, хватаясь за частности и мелочи, представляя въ не надлежащемъ видѣ наши мысли и доводы, уклоняясь въ сторону отъ сущности дѣла и поражая наши мысли и нашу аргументацію лишь, повидимому, относящимися къ нимъ соображеніями и доводами. Только *такого* рода отвѣтъ

¹⁾ А если доселѣ мы подробно разсматривали сами аргументацію А. А. Кирѣева, то сдѣлали это съ той цѣлю, чтобы показать, какъ несостоятельна эта аргументація и сама по себѣ...

²⁾ Стран. 1 и 4 въ отдѣл. оттискѣ *Отвѣта* изъ *Богосл. Вѣстника* (кн. 6 за 1897 г.).

и имѣеть смыслъ и можетъ повести къ благому результату. Лишь съ *такого* рода отвѣтомъ и есть основаніе и польза сводить непристрастные счеты и намъ.

Мы поставили старокатоликамъ на видъ, что допускать мнѣніе о Сынѣ Божіемъ, какъ, въ какомъ бы то ни было смыслѣ, о второй причинѣ или сопричинѣ бытія Духа Святаго, значитъ противорѣчить выраженному въ Никеоцареградскомъ символѣ догмату о вѣчномъ исхожденіи Духа Святаго, по бытію *только* отъ *одного* Отца. Въ нашемъ *Отвѣтъ Нѣмецкому Меркурію* мы констатировали тотъ фактъ, что эта-же самая наша мысль выражена въ одномъ изъ катехизисовъ, составленномъ *самими* старокатоликами. Имъ теперь *ничего* другого и не остается, какъ *только* доказать основательно, что мы именно въ *этомъ* отношеніи неправы, если *дѣйствительно* неправы по суду ихъ богословской совѣсти. Касательно термина: *пресуществленіе* мы поставили старокатоликамъ на видъ, что этотъ терминъ *обязательно* требуется и на основаніи высказаннаго *самой* Роттердамской комиссіею о св. таинствѣ евхаристіи. Въ нашемъ-же *Отвѣтъ Нѣмецкому Меркурію* мы указали, что *основа* термина: „пресуществленіе“ есть *вселенски-церковная*, а не иная какая-нибудь. Коль скоро, съ точки зрѣнія богословской совѣсти старокатоликовъ, мы оказываемся *дѣйствительно* неправыми, въ такомъ случаѣ пусть они *основательно* докажутъ именно *это* самое. Въ *противномъ*-же случаѣ не только излишня со стороны старокатолическихъ богослововъ какая-либо полемика съ нами, но на старокатоликовъ тѣмъ самымъ возлагается *неотклонимая* религіозно-нравственная *обязанность* а) не признавать Сына Божія, въ какомъ бы то ни было смыслѣ, второй причиною или сопричиною бытія Духа Святаго и б) принять терминъ „пресуществленіе“.

А. Гусевъ

Отношеніе религіозныхъ вѣрованій къ наукамъ, по ученію А. Сабатье.

Еще недавно отъ науки ожидали отвѣта на всѣ запросы души, касались ли эти запросы жизни экономической, соціальной или религіозно-нравственной. Вѣра во всемогущество науки въ дѣлѣ рѣшенія этихъ запросовъ была своего рода фетишемъ, исповѣданіемъ или символомъ для каждаго, кто увлекался научными иллюзіями. Но вотъ, послѣ юношескаго увлеченія наукою, все громче и громче стали раздаваться голоса, что наука бессильна, что она представляетъ изъ себя нѣчто оторванное отъ жизни и даже противорѣчащее ей; что она—*банкротъ*. Хотя она и обогатила насъ многими открытіями и техническими усовершенствованіями, но она спутала и затемнила наши соціальные понятія и не дала никакого удовлетворенія законнѣйшимъ стремленіямъ къ идеалу жизни. Величайшій трагизмъ человѣческаго разума и состоитъ именно въ томъ, что нашему сознанію всегда присущи роковые вопросы, которые необходимо разрѣшить, чтобы жить *человѣческой* жизнью,—и которые положительная наука разрѣшить не можетъ. Но если человѣческая мысль немощна и бессильна, если наука не можетъ удовлетворить идеальныхъ стремленій нашего духа (ибо что такое наука, какъ не правильное и вѣрное выясненіе нашихъ идеаловъ?): тогда и самая жизнь есть бессмыслица; тогда индійскій буддизмъ, усиливающійся погасить жажду жизни, и европейскій пессимизмъ, проповѣдующій самоуничтоженіе, есть величайшая мудрость человѣческая.

Въ самомъ ли дѣлѣ, однако же, научные выводы должны приводить насъ къ скептицизму и пессимизму? Въ самомъ ли дѣлѣ они неминуемо обезсиливаютъ и даже уничтожаютъ идеалы жизни? Конечно, нѣтъ. Никогда человѣчество не откажется отъ своего разума, отъ своихъ идеаловъ, какъ не можетъ отказаться и отъ жизни, никогда люди не отрекутся отъ отличительнаго признака своей природы,—разумности. При томъ же надобно отличать идеальное содержаніе науки отъ ея конкретнаго выраженія. Наука, какъ и всякое человѣческое дѣло, можетъ принимать ложное направленіе, можетъ идти по ложному пути и подпадать искаженію; но она можетъ идти и прямымъ путемъ, предохраняя насъ отъ распутій и искаженій. Все дѣло зависитъ отъ метода, которымъ она пользуется при изысканіи истины. Говорятъ: современная наука впала въ банкротство, она не даетъ отвѣтовъ на тѣ запросы, которые еще недавно предлагались ей съ такими надеждами, или даетъ отвѣты, полные разочарованія и рѣзко противорѣчащіе глубочайшимъ требованіямъ человѣческой природы. Да, это такъ; но въ этомъ надобно ли обвинять науку вообще, науку идеальную, или только нашу *современную* науку, которая, очевидно, идетъ по ложному пути и руководствуется одностороннимъ или неправильнымъ методомъ, по скольку не даетъ вѣрныхъ отвѣтовъ на коренные запросы человѣческой жизни?

Извѣстно, что европейская наука со временъ Декарта преимущественно приняла *панлогистическій* характеръ, по которому индивидуальному самонаблюденію и самоуглубленію приписали универсальное значеніе и въ этомъ направленіи дошли наконецъ до того, что въ діалектическомъ движеніи мысли увидѣли реальное осуществленіе всякаго бытія и въ самой реальности признали одинъ лишь интеллектуальный процессъ. Таковъ былъ субъективный методъ европейской науки. Но вотъ это научное направленіе со временъ Конта смѣняется *панреалистическимъ*, по которому механическое движеніе поставлено на мѣсто логическаго или діалектическаго пониманія всего сущаго и за относительною реальностію призвали абсолютное значеніе. Что же удивительнаго, если, поставивши механическое движеніе на мѣсто живой дѣйствительности, и въ конеч-

ныхъ выводахъ пришли лишь къ одному механическому движенію? Это то же, что случается и при логическомъ мышленіи. Когда понятіе составлено неправильно, когда въ него внесены признаки несущественные, или исключены признаки существенные, тогда и въ дальнѣйшихъ выводахъ и заключеніяхъ изъ него неизбѣжно приходятъ къ ошибкамъ, погрѣшностямъ и заблужденіямъ. Но именно таковъ нынѣ господствующій методъ позитивный, или строго *объективный*. Известно, что Контъ, самый выдающійся представитель позитивизма, боясь всякаго субъективизма, не хотѣлъ признавать психологію даже наукою и думалъ замѣнить ее френологіею. Справедливо поэтому утверждаютъ, что „банкротство современной науки“, о которомъ говоритъ Брюнетьеръ, есть собственно банкротство позитивнаго метода, или лучше банкротство отдѣльныхъ представителей *положительной науки*, вообразившихъ будто для *сведенія научныхъ итоговъ* не нужно другаго метода, кромѣ позитивнаго, или объективнаго, и нѣтъ другаго начала жизни, кромѣ механическаго движенія.

Но если ни субъективный, ни объективный методъ изслѣдованія истины, принимаемый въ отдѣльности, не даетъ отвѣта на коренные запросы человѣческой жизни; то не явно ли, что оба они при своей изолированности страдаютъ неполнотою, односторонностію и неудовлетворительностію? Не ясно ли, что только при гармоническомъ сочетаніи обоихъ этихъ методовъ мы можемъ идти правильнымъ путемъ и достигать возможной для насъ истины?

Къ счастью, мысль о гармоническомъ сочетаніи обоихъ методовъ при научныхъ работахъ все болѣе и болѣе распространяется и становится общимъ достояніемъ. Особенно отрадно то, что къ ней склоняются теперь и многіе естествоиспытатели изъ лагеря позитивистовъ. Давно ли, на примѣръ, химики, возобновивши вслѣдъ за Дальтономъ ученіе Левкиппа и Демокрита, ничего не хотѣли видѣть въ природѣ, кромѣ атомовъ и ихъ движеній? Теперь уже не то. „Лѣтъ двадцать тому назадъ, говоритъ Этаръ, свѣтъ, теплота, электричество разсматривались, какъ различныя физическія *силы*. Въ настоящее время дѣло обстоитъ иначе—ихъ считаютъ проявленіями *энер-*

ии, и эта идея имѣетъ стремленіе распросстраниться въ извѣстной мѣрѣ и на то, что мы называемъ *матеріей и всемірнымъ тяготѣніемъ*. Въ этомъ порядкѣ идей *матерія* является уже понятіемъ вторичнымъ¹⁾. Наши физики, по крайней мѣрѣ нѣкоторые, на самыя атомы смотрятъ уже какъ на электрическіе вихри или какъ на проявленіе природной энергіи, ни больше, ни меньше²⁾. Конечно и современный химикъ не отказывается отъ атомистической гипотезы, за которою признаетъ большія удобства при своихъ научныхъ изслѣдованіяхъ; но въ самыхъ атомахъ онъ предполагаетъ уже не то, что предполагали прежніе химики, и своимъ понятіемъ объ *энергіи* сближается съ психологическимъ ученіемъ объ энергіи души. Давно ли біологи, увлеченные объективнымъ методомъ, издѣвались надъ *виталистами*³⁾ и мечтали объяснить всѣ жизненныя явленія простымъ фізіологическимъ, химическимъ или механическимъ движеніемъ? Теперь же появляется школа *неовиталистовъ*, утверждающихъ, что мельчайшія частицы живой протоплазмы одарены совершенно особыми, разнообразными способностями и, быть можетъ, имѣютъ спеціальное строеніе.“ Способности эти столь своеобразны и столь удивительны, что нѣкоторые естествоиспытатели, напримѣръ, знаменитый Геккель, даже предполагаютъ въ каждой такой мельчайшей, — болѣе гипотетической, чѣмъ дѣйствительно существующей частицѣ, — способность сознанія, называя ее даже способностію проявленія ду-

1) „*Новѣйшія химическія теоріи*“ Эгара. Переводъ съ франц. Б. Билтъ. С. П. Б. 1897 г. См. Введеніе.

2) Лейпцигскій профессоръ естествознанія Вильгельмъ Оствальдъ въ своей знаменитой рѣчи, произнесенной имъ въ 1895 г., говоритъ: „Вездѣ рѣчь идетъ только объ энергіяхъ, и если мы отвлечемся отъ понятія различныхъ родовъ матерій, то не останется *ничего*, даже пространства, такъ какъ и это послѣднее познается лишь чрезъ трату энергій, необходимую для проникновенія въ него, т. е. для движенія. Такимъ образомъ, матерія есть не что иное, какъ пространственный распорядокъ энергій и все, что мы хотимъ о ней сказать, мы въ сущности высказываемъ объ этихъ энергіяхъ“. „Всѣ наши органы чувствъ реагируютъ только на различія энергій между нами и окружающею средой“. *Die Ueberwindung des wissenschaftlichen Materialismus*. Leipz. 1895. См. „Вопросы филос. и психол.“ годъ VIII, кн. 37., стр. 246 и дал.

3) Витализмъ есть біологическая теорія, которая всѣ органическія явленія признаетъ произведеніемъ особенной жизненной силы, въ противоположность механической теоріи материалистовъ.

шевной дѣятелености“¹⁾). Давно ли, наконецъ, представители позитивнаго метода въ наукѣ, подобно матеріалистамъ, пытались объяснить душевныя явленія физическимъ движеніямъ или физиологическими процессами; но всѣ эти попытки оказались безусловно безуспѣшными. Прекрасно выражается о нихъ Паульсенъ: „положеніе: мысли суть собственно не что иное, какъ тѣлесныя явленія въ сосудодвигательной системѣ,—это положеніе вполнѣ *неопровержимо*, не потому, конечно, что оно *истинно*, а потому, что оно абсолютно бессмысленно. Бессмысленное раздѣляетъ съ истиной то преимущество, что оно не можетъ быть опровергнуто. Мысль, которая есть въ сущности не что иное, какъ движеніе, есть желѣзо, которое собственно деревянно. Противъ этого нельзя спорить; можно только сказать: подъ мыслию я разумѣю мысль, а не движеніе мозговыхъ молекулъ, и точно также подъ словами—гнѣвъ и страхъ я обозначаю пмепно самые гнѣвъ и страхъ, а не суживаніе или расширеніе кровеносныхъ сосудовъ“²⁾). Безспорно, существуетъ тѣсная зависимость душевныхъ процессовъ отъ тѣлесныхъ отправленій; но механическое движеніе, какъ бы мы ни видоизмѣняли его форму, никогда не можетъ быть адекватною причиною психическихъ состояній. Если спиритуалистическая гипотеза души оставляетъ многія душевныя явленія необъяснимыми, то физиологическая гипотеза просто погружаетъ насъ въ глубочайшій мракъ. А потому обѣ эти гипотезы не должны ли найти свое пополненіе и регулированіе въ гармоническомъ сочетаніи субъективно-объективнаго метода излѣдованія души? Именно къ этому и стремятся теперь неовиталисты въ своей борьбѣ съ біомеханиками³⁾).

Но есть одна сфера человѣческой жизни, или лучше человѣческой души, которая по преимуществу подвергалась искаженію или даже полнѣйшему отрицанію со стороны позитивистовъ. Разумѣемъ жизнь религіозную и предложенный пози-

1) „Научныя замѣтки“ И—ца. См. „Моск. Вѣд.“ 1897 г. № 181.

2) См. его. „Введеніе въ философію“, изданіе Московскаго Психол. Общества. Стр. 84.

3) См. прекрасную статью г. Эле подъ заглавіемъ: „Напрасныя попытки“, въ „Нов. Врем.“ за 1897 г. № 7674.

тивистами суррогатъ этой жизни—„религію всечеловѣчества“, какъ она предлагалась Контомъ и Миллемъ. Но и этотъ суррогатъ являлся лишь снисходительною уступкою мистической потребности человѣческаго сердца; въ сущности же позитивная наука, въ лицѣ выдающихся своихъ естествоиспытателей, была полнѣйшимъ отрицаніемъ всякой религіозности. Ученые этой категоріи были убѣждены, что между ясною областію наукъ и таинственною или мистическою областію религіозныхъ запросовъ человѣчества нѣтъ и не можетъ быть ничего общаго, что религія есть уже пройденная или пережитая ступень человѣческаго сознанія и что въ настоящее время религіозныя идеи лишь ограничиваютъ, или задерживаютъ свободное развитіе наукъ. Было бы однако же несправедливо усвоить подобныя воззрѣнія на религію всѣмъ естествоиспытателямъ. Это далеко не такъ. Особенно въ послѣднее время все чаще и чаще можно встрѣчаться съ глубокими изслѣдователями природы, которые громко говорятъ уже о великомъ регулятивномъ значеніи религіозныхъ идей и въ жизни, и въ наукѣ. Для нихъ религія не есть уже излишній, или случайный балластъ при достиженіи увлекательныхъ береговъ научныхъ знаній, но именно есть вѣрный регуляторъ, направитель ихъ и указатель ихъ. Безъ сомнѣнія, въ наши дни во главѣ подобныхъ естество-испытателей можетъ быть поставленъ профессоръ естествознанія въ Монпелье, Арманъ Сабатье.

Имя А. Сабатье достаточно извѣстно не только въ заграничной, но и въ нашей литературѣ. Его біологическій „Опытъ о жизни и смерти“, появившійся въ 1892 году, упрочилъ за нимъ славу глубокаго мыслителя и естествоиспытателя. Еще недавно въ русскомъ переводѣ появилось тоже замѣчательное произведеніе его подъ названіемъ: „*Безсмертіе съ точки зрѣнія эволюціоннаго натурализма*“: (перев. В. Обреимова, 1897 г. СПб.). Въ этомъ сочиненіи Арманъ Сабатье, оставаясь вѣрнымъ своей естественно-научной точкѣ зрѣнія, посредствомъ уясненія соприкосновенныхъ съ идеею безсмертія понятій, какъ то: матерія и духъ, мысль и мозгъ, организмъ тѣлесный и жизнь духовная, и т. п., старается доказать, что идея безсмертія не только не противорѣчитъ современному естество-

знанію, но и подтверждается многими аналогичными фактами изъ области естествовѣдѣнія. Имя А. Сабатье извѣстно и въ нашей богословской литературѣ. Сочувственный отзывъ о его воззрѣніяхъ можно находить въ „Богословскомъ Вѣстникѣ“ въ статьѣ С. Л. Кулюкина, подъ названіемъ: *Можно ли отрицать личное безсмертіе съ точки зрѣнія науки?* ¹⁾ Сабатье извѣстенъ читателямъ и нашего журнала по статьѣ К. подъ заглавіемъ: *Вліяніе внѣшнихъ впечатлѣній на самосознаніе души* ²⁾. Его воззрѣнія пользуются широкою распространенностію. Въ настоящей статьѣ мы хотимъ познакомить нашихъ читателей съ его „Очеркомъ критической теоріи религіознаго познанія“, напечатанномъ въ „Revue de Théologie et de Philosophie“, за 1895 г. Въ этомъ „Очеркѣ“ Сабатье, по своему обыкновенію, затрогиваетъ глубочайшіе метафизическіе вопросы о происхожденіи и значеніи религіозныхъ вѣрованій и старается рѣшить ихъ путемъ философскихъ соображеній и біологическихъ наблюденій.

I.

Первый вопросъ, на который Сабатье обращаетъ свое вниманіе, есть вопросъ о происхожденіи, или первоначальномъ зарожденіи религіозныхъ вѣрованій въ человѣческомъ родѣ. Обыкновенно первоначальный источникъ нашихъ вѣрованій ученые полагали въ какомъ либо одномъ, первоначально темномъ и неопредѣленномъ чувствѣ человѣческой души, напимѣръ, въ чувствѣ страха (*timor fecit deos*), въ чувствѣ зависимости (Шлейрмахеръ), чувствѣ неудовлетворенности (Мензисъ), чувствѣ любви, усиливаемой страхомъ (*Furcht in Liebe*, Каспари), и т. п. Сабатье признаетъ религію гармоническимъ аккордомъ всѣхъ струнъ человѣческой души. Онъ отождествляетъ религію съ сознаниемъ, и пробужденіе сознанія, по нему, есть уже пробужденіе такой или иной религіозности. Такимъ образомъ религіозное вѣрованіе не есть уже только темное чувство или темное ощущеніе, но въ себѣ самомъ носитъ такой или иной свѣтъ мысли, такой или иной свѣтъ зна-

¹⁾ „Богосл. Вѣст.“ апрѣль 1897 г. стр. 154 и дал.

²⁾ См. ж. „В. и Р.“ 1896 г. Отдѣлъ философ. т. II, стр. 280 и дал.

нія. Эту основную мысль своихъ воззрѣній Сабатье развиваетъ слѣдующимъ образомъ. Когда мы говоримъ о сознаніи, утверждаетъ онъ, мы говоримъ уже о знаніи, или, по крайней мѣрѣ, о начаткахъ знанія. Какъ появляется или пробуждается въ насъ сознаніе? Сознаніе не появляется безъ представленія. Другими словами, всякое измѣненіе съ нашимъ я дѣлается сознательнымъ только въ томъ случаѣ, если въ умѣ, благодаря нашей способности воображенія, непосредственно появляется *представляемый* образъ вызвавшего это измѣненіе предмета и устанавливается соотношеніе между послѣднимъ и нашимъ я. Всѣ наши ощущенія и всѣ наши чувствованія сопровождаются образами или представленіями. Не инымъ путемъ достигается и освѣщеніе религіознаго чувства свѣтомъ сознанія. Причина этому та, что оно есть сознательное движеніе или состояніе души, что оно уже само составляетъ начало познанія. Извѣстно что умственная жизнь ни въ какомъ случаѣ не заражается въ видѣ ясныхъ и отвлеченныхъ идей. Начало идеи лежитъ въ образѣ (представленіи) и для возникновенія ея необходимо внѣшнее или внутреннее впечатлѣніе. Вполнѣ справедливо, что идея, какъ и образъ (представленіе), имѣетъ таинственную силу воспроизводить и возобновлять въ свою очередь то ощущеніе или чувствованіе, которому она сама обязана своимъ возникновеніемъ. На этомъ именно основано искусство педагогическое; здѣсь же лежитъ и могущественное вліяніе преданія. Но педагогическіе приемы не должны подавать поводъ къ иллюзіи, не должны вселять въ насъ убѣжденіе, будто идея по своему происхожденію предшествуетъ ощущенію. Развѣтїе умственной жизни ребенка, достаточно для убѣжденія насъ въ противномъ. Мы знаемъ только то, что въ извѣстной степени пробудилось въ насъ, или въ нашихъ ближнихъ въ видѣ аффекта и затѣмъ въ видѣ идеи. Наши идеи представляютъ лишь алгебраическое обозначеніе нашихъ душевныхъ впечатлѣній и движеній. То, что абсолютно стоитъ внѣ нашей жизни, ускользаетъ также и отъ нашего умственного взора. Безъ внѣшнихъ чувствъ, представляющихъ дѣйствіе міра на наше я, мы не имѣли бы никакого знанія о мірѣ. Безъ субъективной реакціи нашего я противъ этого дѣйствія

міра, реакціи, которая проявляется въ нравственной въ обширномъ смыслѣ, въ эстетической и религіозной жизни души, мы не имѣли бы никакого моральнаго или религіознаго представленія, никакого понятія о добрѣ и о прекрасномъ. Всѣ наши метафизическія идеи возникаютъ отсюда.

Но говоря это, намъ еще остается опредѣлить, какъ развиваются и уясняются религіозныя идеи въ нашемъ сознаниіи и какое значеніе они имѣютъ и въ жизни и въ наукѣ? Задача, къ которой мы въ этомъ случаѣ подходимъ, говоритъ Сабатье, въ высшей степени сложна и затруднительна. Извѣстно, что въ настоящее время нѣтъ ни одной серьезной философіи, которая не начинала бы съ теоріи познанія. Религіозному познанію не должно усвоиться какое либо преимущество въ этомъ отношеніи; какъ и всякое познаніе, оно подчинено извѣстнымъ психологическимъ законамъ. Критическая оцѣнка этихъ законовъ тѣмъ болѣе необходима, что вдаться въ иллюзію здѣсь весьма легко и иллюзія эта можетъ имѣть весьма пагубное вліяніе. Богословъ, который предпринимаетъ научный трактатъ о религіозныхъ идеяхъ, не опредѣливъ предварительно употребляемаго имъ метода и цѣпности идущихъ въ дѣло матеріаловъ, въ сущности, не вѣдаетъ, что творить. Такъ думаетъ Сабатье.

Прежде чѣмъ пойдемъ далѣе, остановимся нѣсколько минутъ на этомъ рядѣ мыслей Сабатье. Онъ утверждаетъ, что религія не есть фикція, не есть пенужный балластъ или случайный придатокъ въ общемъ ходѣ развитія человѣческаго сознанія; она есть знаніе и развивается, какъ всякое знаніе, съ постепеннымъ ходомъ развитія нашего сознанія. По мѣрѣ того, какъ развертывается наше сознаніе, развертываются и наши религіозныя идеи, и мы становимся способными къ той высочайшей религіи, которая можетъ быть названа жизнью души вмѣстѣ съ Богомъ. Прекрасно. Но о какой религіи говоритъ намъ Сабатье? Если о, такъ называемой, естественной религіи, то съ этимъ можно согласиться, хотя исторія существующихъ и существовавшихъ многочисленныхъ религіозныхъ культовъ во многихъ случаяхъ противорѣчитъ этому. Во всякомъ случаѣ, въ древнихъ философскихъ построеніяхъ, старавшихся развить и очистить народные культы, Сабатье можетъ находить под-

твержденіе своему утвержденію. Но если онъ говоритъ о религіи откровенной, то ни о какомъ развитіи религіозныхъ идей въ смыслѣ очищенія, видоизмѣненія, или отрицанія ихъ, не можетъ быть рѣчи. Здѣсь можно говорить только о большей или меньшей приѣмливости, или усвоеніи ихъ, а не о *зарожденіи*, *возникновеніи* и *очищеніи* ихъ въ человѣческомъ сознаніи. Поэтому и критическій методъ въ отношеніи къ нимъ долженъ быть совершенно иной, чѣмъ критической методъ въ отношеніи ко всѣмъ остальнымъ нашимъ познаніямъ. Сабатье, повидимому, не различаетъ этого; а потому и говоритъ: существуетъ только одно средство подвергнуть критикѣ наши познанія, какого бы рода они ни были. Чтобы опредѣлить ихъ значеніе, нужно посмотрѣть, откуда они происходятъ, и какимъ образомъ нашъ духъ воспринимаетъ ихъ. Очевидно, Сабатье имѣетъ въ виду естественный генезисъ религіозной идеи и ничего не говоритъ объ истинахъ откровенныхъ. Во всякомъ случаѣ въ религіи, какова бы она ни была, человѣкъ стремится войти въ общеніе съ Богомъ, отвѣчаетъ ли Богъ этому стремленію, или не отвѣчаетъ; и въ этомъ смыслѣ Сабатье считаетъ религію законнѣйшею и благороднѣйшею потребностію человѣческаго духа, но требующею провѣрки, уясненія и даже очищенія.

II.

Приступая за тѣмъ къ критической оцѣнкѣ психологическихъ законовъ, по которымъ совершается развитіе религіозныхъ идей, — и примѣняя къ нимъ чисто научный методъ, — Сабатье говоритъ, что въ философіи господствовало нѣкогда три объясненія происхожденія всѣхъ вообще нашихъ познаній: гипотеза первобытнаго (первоначальнаго) откровенія, теорія идеалистическая, и теорія сенсуалистическая. Эти же теоріи примѣняемы были и къ происхожденію религіозныхъ идей.

Первая теорія, три четверти вѣка тому назадъ, была установлена Бонналемъ и Жозефомъ де Местромъ. Остатываться на подробномъ опроверженіи ея нѣтъ надобности. По этой теоріи, наши идеи зарождаются не внутри насъ, не изъ производительнаго по природѣ духа, но внѣ насъ, путемъ сверхъестественнаго наптія или внушенія. Это наитіе Бога

состояло въ началѣ въ дарованіи первому человѣку совершеннаго языка. Правильное слово повело за собою истинную идею. Человѣкъ, говоритъ Бонналь, размышлялъ о сказанномъ ему, прежде чѣмъ началъ высказывать свои мысли и такимъ образомъ становился творцомъ истины. Если же мы видимъ, что въ среду людей проникли заблужденія и господствовали между ними въ продолженіи столькихъ вѣковъ, то это потому, что люди не сумѣли сохранить безъ измѣненія священнаго сокровища этого первобытнаго языка и этой первобытной философіи. Нужно ли показывать, насколько эта теорія противорѣчитъ всѣмъ наблюденіямъ психологіи и исторіи?—Говорятъ, что въ нѣкоторыхъ странахъ существуетъ еще своеобразная ботаника, по которой Великій Духъ, создавъ лѣсныя деревья, каждую весну приходитъ ночью навѣшивать на ихъ вѣтвяхъ листья и цвѣты. Внушеніе первому человѣку сверхъестественныхъ идей или добродѣтелей заключаетъ въ себѣ не менѣе противорѣчій; дѣйствительно, оно заставляетъ насъ допускать въ человѣкѣ мысли, предшествующія дѣйствіямъ его разума, и добродѣтели, предшествующія проявленіямъ его воли. Даже болѣе, при этомъ совершенно опускается изъ виду природа разума, когда онъ считается неизвѣстно почему пассивнымъ и недѣятельнымъ. Разумъ—это сила мыслящая и возбуждающая желанія, то есть, сила, по существу своему, производящая мысли и хотѣнія. Если этого нѣтъ, нѣтъ ничего. Должно, безъ сомнѣнія, утверждать, что Богъ полагаетъ основаніе этой силѣ и управляетъ ея развитіемъ, но говоритъ въ одно и то же время, что Богъ и полагаетъ ей основаніе, и оставляетъ ее недѣятельной, это противорѣчіе.

По мнѣнію Сабатье, подобная гипотеза имѣетъ въ виду лишь установленіе божественнаго авторитета непогрѣшимаго преданія путемъ восхожденія къ первобытнымъ временамъ. Идеи, внушенныя въ началѣ Богомъ, ужъ по одному тому, что онѣ—идеи Бога, имѣютъ абсолютное и вѣчное значеніе. Человѣкъ находитъ ихъ сохраняемыми лишь въ представителяхъ религіи, которымъ ввѣряется ихъ охраненіе и которые стоятъ на стражѣ ихъ неповрежденности. Такъ, по мнѣнію Сабатье, создается идея—непогрѣшимаго авторитета. Но кто умѣетъ подводить

исторію къ идеѣ, тотъ приходитъ къ убѣжденію, что идея непогрѣшимаго авторитета появляется въ опредѣленное время и при томъ гораздо позже появленія самыхъ религіозныхъ вѣрованій; она весьма медленно вырабатывается по психологическому закону, который легко открыть. Мы видимъ, что вездѣ въ преданіяхъ всѣхъ религій и церквей, она рождается послѣ всѣхъ остальныхъ доктринъ подобно замку, который охраняетъ и оберегаетъ цѣлый корпусъ зданія. Это есть послѣдній догматъ, являющійся логическимъ слѣдствіемъ остальныхъ, которымъ они закрѣпляются и утверждаются. Таковъ догматъ о непогрѣшимости папы, провозглашенный въ Ватиканѣ въ 1870 г.; таковъ, въ протестантствѣ, догматъ о непогрѣшимости Библии, принятый окончательно богословами XVII вѣка. Но подтверждать значеніе религіозныхъ понятій помощью высшаго авторитета съ тою цѣлію, чтобы сдѣлать ихъ неоспоримыми, это путь односторонній и даже опасный, коль скоро при немъ исключается разумная дѣятельность души. Сабатье полагаетъ даже, что всѣ религіозныя системы, построенныя на одномъ авторитетѣ, кончаютъ тѣмъ, что попадаютъ въ заколдованный кругъ и погибаютъ въ немъ.

Здѣсь тоже мы хотимъ нѣсколько остановиться. Не станемъ оспаривать мнѣній Сабатье о возникновеніи безусловнаго авторитета въ религіяхъ. Очевидно, его мнѣнія носятъ на себѣ историческія черты западно-европейской жизни. Въ самомъ дѣлѣ, и протестантскій авторитетъ Библии, и католическій авторитетъ непогрѣшимаго папы суть явленія позднѣйшія, появившіяся уже послѣ того, какъ сформировались и протестантскія, и католическія религіозныя мнѣнія. Но, говоря вообще, появленіе религіознаго авторитета нельзя связывать съ позднѣйшими временами, а тѣмъ болѣе нельзя объяснять его честолюбивыми мечтами представителей религіи закрѣпить за собою власть надъ религіозною совѣстью народовъ. Религіозный авторитетъ имѣетъ болѣе глубокіе корни. Его корни неразрывно переплетаются съ самыми религіозными мнѣніями. Не жрецы, напримѣръ, создаютъ религіозный авторитетъ, но самыя религіозныя мнѣнія усвояютъ жрецамъ этотъ авторитетъ. Безъ сомнѣнія, и Бонналь, и Жозефъ де Местръ измыслили свою те-

орію возникновенія религиозныхъ идей и религиознаго авторитета съ тенденціозными цѣлями, въ видахъ укрѣпленія папскаго авторитета. Но ихъ теорія ложна не только потому, что усиливается охранить интересы папства, а главнѣйшимъ образомъ потому, что уничтожаетъ самодѣятельность человѣческаго разума и противорѣчитъ авторитету божественнаго откровенія. Когда Библия повѣствуетъ, что Адамъ, по повелѣнію Божію, нарекаетъ имена животнымъ съ точнымъ выраженіемъ ихъ отличительныхъ свойствъ, то этимъ она утверждаетъ и полную самодѣятельность разума перваго человѣка и божественную помощь въ этой самодѣятельности. Что же касается лютеранскаго авторитета Библии, то въ сущности это есть исключительно авторитетъ человѣческаго разума. Между тѣмъ самъ Сабатье допускаетъ, что Богъ полагаетъ основаніе и силѣ человѣческаго разума, и управляетъ ея развитіемъ, сохраняя полную самодѣятельность человѣка.—Но переходимъ къ идеалистической теоріи познанія всего существующаго, какъ ее излагаетъ Сабатье.

Въ основѣ идеалистической теоріи познанія лежитъ гипотеза врожденныхъ идей, хотя эта врожденность въ разныхъ философскихъ школахъ понималась различно. Эта гипотеза, по мнѣнію Сабатье, есть лишь философское обоснованіе предшествующей теоріи познанія, т. е. теоріи божественнаго дѣйствія и наставленія. Она представляетъ изъ себя опытъ сведенія всѣхъ нашихъ главныхъ идей къ божественному разуму, какъ къ первоначальному ихъ источнику. Платонъ первый измыслилъ эту теорію. Чистыя идеи, идеи типичныя, по ученію его, составляютъ изъ себя познаваемый космосъ, всѣ матеріальныя явленія котораго представляютъ лишь эфемерныя и лишеныя реальности тѣни. Познать въ чистомъ видѣ эти божественныя идеи, это значитъ достигнуть трансцендентной реальности вещей, значитъ вполне овладѣть истиннымъ знаніемъ. Отъ платонизма до схоластическаго реализма въ его первомъ періодѣ, отъ послѣдняго до геометрическаго метода Спинозы и діалектики Гегеля, внѣшняя форма теоріи постоянно мѣнялась; но сущность ея остается одною и тою же. Гегель всегда говорилъ: „разумное—это дѣйствительное“, и для него, какъ и для Платона, абсолютное знаніе условливается или заключается въ

совершенной логичности. Но именно въ этой логичности и состояла коренная ошибка идеализма; потому что, при идеалистическимъ методѣ познанія, въ теченіи долгаго времени психологія принуждена была подчиняться всѣмъ научнымъ заблужденіямъ идеализма. У насъ нѣтъ желанія, говоритъ Сабатье, перечислять достойныя сожалѣнія всѣхъ ухищренія идеалистовъ, которые и въ прежнее время, и въ наши дни допускались ими съ цѣлью вывести а priori законы души и законы физическаго міра, а тѣмъ болѣе тѣмъ открытія, къ которымъ они должны были привести. Во всей этой области методъ наблюденія былъ замѣненъ методомъ дедукціи. Идеалистическій методъ познанія оказался однако же крайне несостоятельнымъ. Причина простая. Идея, какъ бы высока она ни была, можетъ дать только то, что содержитъ въ себѣ, то есть, другія идеи. Мы хорошо знаемъ, что наши идеи существуютъ въ нашемъ умѣ, но онѣ существуютъ въ немъ въ состояніи мнѣній и предположеній. Какъ же познать то, что предметы, представляемые ими, существуютъ внѣ насъ? Съ помощью одной логики мы не могли бы перейти отъ идеи о вещи къ внѣшней реальности этой вещи. Тутъ нуженъ опытъ. Безъ него наши идеи являются простыми формами. Можно комбинировать ихъ до безконечности, не получивъ никогда ничего реальнаго. Это скорлупа орѣха безъ ядра. И вотъ причина, почему чистый идеализмъ, далекій отъ того, чтобы дать солидную научную теорію, склоняется къ скептицизму, то есть, къ отрицанію самаго знанія. Но крайности идеализма всегда находили противовѣсъ въ крайности сенсуализма.

Крайности и логическія тонкости идеалистическихъ теорій познанія, говоритъ Сабатье, всегда приводили въ исторіи къ противоположной теоріи сенсуалистическаго номинализма, по которой наши идеи представляются лишь преобразованными ощущеніями. Къ несчастію сенсуализмъ, установивъ это положеніе, не высказывался никогда относительно природы, а еще менѣе, причины этого таинственнаго превращенія. „Въ разумѣ нѣтъ ничего, говорилъ Локкъ, чего бы не было уже въ чувствахъ“. На что Лейбницъ имѣлъ право отвѣтить: „за исключеніемъ самаго разума“, т. е.: силы, которая изъ ощущенія извлекаетъ познаніе. Опуская изъ виду этотъ психологическій

законъ, мы роковымъ образомъ придемъ къ устраненію изъ науки всякаго элемента необходимости, т. е., того, что имѣетъ для нея главное значеніе. Вмѣстѣ съ Юмомъ, сенсуалистическая теорія, далекая отъ того, чтобы объединиться съ наукой, приводитъ лишь къ чистому феноменализму и, такъ сказать, еще глубже звергаетъ насъ въ скептицизмъ. Въ самомъ дѣлѣ, у сенсуалистовъ весьма важное значеніе имѣетъ ощущеніе, подобно тому какъ у идеалистовъ чистая идея. Но что можетъ дать и что можно извлечь изъ изолированнаго ощущенія, если не принимать во вниманіе коренныхъ законовъ нашей души? Извлечь изъ него можно только то, что оно въ себѣ содержитъ, т. е., случайныя явленія, безъ всякой связи между ними. Дальнѣйшая ступень сенсуализма—материализмъ представляетъ еще болѣе трудности въ дѣлѣ познанія окружающаго насъ бытія, такъ какъ материализмъ не умѣетъ уже объяснить и самаго ощущенія. Неоспоримо, что между механическимъ движеніемъ и явленіемъ сознанія существуетъ непреходимая пропасть. Это ясно и для позитивистовъ. Одинъ изъ наиболѣе очевидныхъ признаковъ философской слабости французскаго позитивизма именно и состоитъ въ томъ, что онъ даже не коснулся проблемы познанія и усиливается обходиться безъ всякой другой психологіи, кромѣ общежитейской. Такимъ образомъ, ни мистическая теорія Бонналя и Жозефа де-Местра, ни теорія идеалистовъ и сенсуалистовъ не обладаютъ правильнымъ методомъ познанія истины и не могутъ слиться съ наукою. Гдѣ же намъ надобно искать этого правильнаго метода познанія истины? Тамъ, гдѣ субъективизмъ и объективизмъ сливаются въ гармоническомъ единствѣ.

III.

Слѣдуя за историческимъ ходомъ развитія человѣческаго сознанія, Сабатье переходитъ къ философскому ученію Канта и этому ученію усвоетъ высокое значеніе, какъ въ дѣлѣ развитія наукъ, такъ и въ дѣлѣ утвержденія религіозныхъ истинъ. Мыслящіе умы въ наше время, говоритъ онъ, могутъ быть раздѣлены на два класса: на тѣхъ, которые принадлежатъ къ до—Кантовскому времени, и на тѣхъ, для которыхъ инициативой и какъ бы философскимъ и вообще научнымъ крещеніемъ послужила его критика. Первые—или догматики, или

скептики. Вторые не знаютъ уже ни скептицизма, ни догматизма. Точка зрѣнія для нихъ перемѣщается. Благодаря Канту, мы разбираемъ уже и наши познанія и самую нашу способность познавать; мы стали принимать во вниманіе условія, при которыхъ она функціонируетъ или проявляетъ свою дѣятельность, стали понимать далѣе формы, которыя ее опредѣляютъ и въ которыя она облекается, наконецъ стали сознавать предѣлы, которыхъ она не можетъ перейти. Кантъ безъ преувеличенія могъ приравнять произведенную имъ въ философіи реформу къ той, которую произвело открытіе Коперника въ системѣ мірозданія. И въ философіи также солнце перестало вращаться вокругъ земли, и въ философіи идеалистической и сенсуалистической методъ потеряли свое исключительное значеніе.

Идея и дѣйствительность уже не сливаются другъ съ другомъ произвольно: онѣ раздѣлены, но въ тоже время объединяются въ высшемъ синтезѣ. Познаваемое, безъ сомнѣнія, дѣйствительно; но нельзя утверждать, что все дѣйствительное познаваемо. Дѣйствительность, конечно, является передъ нами, но она часто выступаетъ за предѣлы не только нашихъ познаній, но и нашихъ средствъ познанія. Человѣкъ доходитъ до познаній лишь въ извѣстныхъ предѣлахъ и въ зависимости отъ вполне субъективнаго характера его особенностей. Съ этого момента религіозное познаніе таинственнаго и непостижимаго законнымъ образомъ входитъ въ его сознаніе. Здѣсь полагается первоначальная основа религіозной вѣры. Человѣкъ постигаетъ границы своего разума, онъ ясно видитъ, что его умъ представляетъ лишь средину между бесконечно великимъ и бесконечно малымъ, между ничѣмъ и всѣмъ. А между тѣмъ бесконечная истина предносится его ограниченному разуму и побуждаетъ его къ вѣрѣ въ разумъ бесконечный.

Въ тоже время это сознаніе позволяетъ создать *научную* теорію познанія. Истина находится ни въ догматизмѣ платониковъ, ни въ скептицизмѣ пирронистовъ, что съ равной энергіей оспаривалъ Паскаль, возбуждаемый инстинктомъ генія. Если въ современной наукѣ есть склонность къ самому утонченному пирронизму, то есть также и сознаніе предѣловъ нашей способности познавать и убѣжденіе въ относительности самыхъ солидныхъ нашихъ построеній, которое навсегда пре-

пятствуетъ человѣку быть слишкомъ самообольщеннымъ и чуждаться вѣры въ Бога. Быть въ этой области сознанія значитъ пребывать въ истинѣ. Мы вполне увѣрены въ томъ, что знаемъ; но знаемъ то мы лишь только относящееся къ человѣческому знанію. Мы дошли до лучшаго познанія самихъ себя, и это великое благодѣяніе для истиннаго прогресса въ философіи и наукѣ. „Познай самого себя“—это вѣчный законъ истинной мудрости. Но этого мало.

Кантова теорія познанія, указывая границы нашему уму, выясняетъ въ то же время и тѣ глубокія антиноміи, естественное сплетеніе которыхъ составляетъ самую жизнь нашего я и обнаруживается въ жизни многочисленными проявленіями. Сабатъ беретъ изъ нихъ только одну, самую очевидную и, по его мнѣнію, самую плодотворную, къ которой вмѣстѣ съ тѣмъ могутъ быть сведены и всѣ остальные. Такова антиномія свободы и необходимости.

Во всякомъ познаніи, говоритъ онъ, существуетъ два элемента: апостеріорный (эмпирический), исходящій изъ опыта, и элементъ апріорный, исходящій отъ мыслящаго субъекта. Первый доставляетъ *матерію* (сущность) познанія, второй его *форму*. Взятые отдѣльно, эти элементы остаются непродизводительными. Въ одномъ первомъ мы, какъ говорится, имѣемъ лишь непознанную дѣйствительность; въ одномъ второмъ—лишь сознаніе безъ дѣйствительности. Ихъ соединеніе заставляетъ ихъ оплодотворять другъ друга, облекая данныя опыта въ необходимыя формы мысли. Принципа причинности, на примѣръ, въ вещахъ не существуетъ; онъ существуетъ въ разумѣ и разумъ самъ уже связываетъ своимъ пониманіемъ всѣ явленія. Наука, въ сущности, состоитъ не изъ чего другого, какъ именно изъ этой необходимой связи, изъ этой взаимной зависимости явленій другъ отъ друга. Гдѣ эта цѣпь порывается, тамъ останавливается положительное знаніе. Такое ясное и искреннее пониманіе невѣденія относительно тѣхъ пунктовъ, въ которыхъ наука дѣйствительно является невѣдущей, тоже составляетъ часть ея и одну изъ ея главныхъ силъ, такъ какъ оно доказываетъ, что наука себя саму вполне понимаетъ и знаетъ тѣ условія, внѣ которыхъ она уже не существуетъ. Но какъ постигающая и торжеству-

ющая, и какъ ограниченная и поставленная въ затруднительное положеніе, положительная наука не можетъ ни отказаться отъ своего метода и отъ своей миссіи, ни измѣнить ихъ. Она можетъ только стремиться къ пополненію цѣпи явленій и къ удлиненію ея. Успѣшность въ этомъ, всегда тождественномъ, всегда идущемъ въ одномъ направленіи, стремленіи даетъ то, что называютъ побѣдами науки или ея прогрессомъ. Отсюда слѣдуетъ, что неотразимой тенденціей науки является стремленіе набросить на совокупность явленій все болѣе суживающуюся сѣтку непреоборимой необходимости. Детерминизмъ—вотъ ея послѣднее слово.

Съ другой стороны, познающее я—это вмѣстѣ съ тѣмъ и я дѣйствующее. Самое мышленіе, взятое въ чистомъ видѣ, и затѣмъ самое развитіе науки являются лишь формами его внутренней дѣятельности. Оно хочетъ и должно хотѣть. Если внѣшній міръ дѣйствуетъ на него при посредствѣ ощущенія, то и оно дѣйствуетъ на внѣшній міръ актами своей дѣятельности. И нельзя говорить, что воля представляетъ механическую реакцію нашего я, вполне эквивалентную воздѣйствію на него внѣшняго міра, т. е., представляетъ простое преобразование силы; ибо это не справедливо. Не касаясь даже вопроса о свободѣ, мы знаемъ, что полученное въ формѣ ощущенія отдается нами не по механическимъ законамъ воли. Я обсуждаю мотивы, заставляющіе меня дѣйствовать; я дѣлаю между ними выборъ; я чувствую себя связаннымъ; я долженъ желать добра. Невозможно понять нравственную дѣятельность безъ идеи о цѣли, другими словами, невозможно понять ее иначе, какъ въ формѣ телеологической. Но механика исключитъ телеологию. А между тѣмъ нравственный долгъ и нравственная отвѣтственность не менѣе существенные законы и не менѣе необходимыя формы воли, какъ и логическая необходимость по отношенію къ мышленію, для котораго она является закономъ. Вотъ при этомъ то случаѣ и выясняется самая глубокая антиномія человѣческаго сознанія и проливается самое трагическое сплетеніе его противорѣчій. Научный детерминизмъ дѣлаетъ невозможной нравственную дѣятельность, а нравственная дѣятельность разрушаетъ детерминизмъ науки. Если механической детерминизмъ абсолютно вѣренъ, то моя воля

равна нулю; я не болѣе, какъ автоматъ. Если моя отвѣтственность дѣйствительно существуетъ, если моя личная энергія, не есть иллюзія, то въ мірѣ есть нѣчто иное, чѣмъ механика, и, значитъ, иные законы, кромѣ законовъ механическихъ. Такъ появляется вѣра въ духъ и въ его законы, возвышающіеся надъ механизмомъ. Будучи раздвоенъ въ самомъ себѣ, говоритъ Сабатъ, я не могу дѣлать то, что знаю, а долженъ дѣлать то, чего не знаю. Я остаюсь блуждать между наукой, которая ни въ какомъ случаѣ не есть мораль, и моралью, которая, какъ я чувствую, не можетъ быть понята изъ механизма. И горе тому, кто потерялъ вѣру въ духъ; механизмъ всего міра не можетъ восполнить законовъ духа. Чѣмъ больше и чѣмъ совершеннѣе я познаю законы міра безъ вѣры въ духъ, тѣмъ менѣе для меня смысла жить и дѣйствовать. Моя мораль при каждомъ поступкѣ опровергаетъ мое знаніе, а наука каждымъ своимъ положеніемъ отвергаетъ мою мораль. Таково именно и есть глубокое зло нашего вѣка, духовная нищета лучшихъ изъ нашихъ современниковъ, потерявшихъ вѣру въ духъ. Они чувствуютъ, что у нихъ жизненная энергія находится въ обратномъ отношеніи къ широтѣ и глубинѣ мысли. И вотъ они начинаютъ говорить, что пессимизмъ, и притомъ пессимизмъ крайній, есть истина; что бытіе, хотѣніе, желаніе представляютъ главное зло и что высшей задачей науки должно быть избавленіе отъ нихъ путемъ удаленія насъ отъ всѣхъ нашихъ иллюзій, послѣ чего она сама, за неимѣніемъ питанія, уничтожится, во мракѣ нирваны.

Но можно ли считать пессимизмъ вѣрнымъ рѣшеніемъ научной проблемы? Конечно, нѣтъ. Пессимизмъ исполненъ глубочайшихъ противорѣчій. Вѣдь пессимизмъ хочетъ основаться на безошибочномъ сознаніи. Нельзя же считать это сознаніе недѣйствительнымъ, не считая вмѣстѣ съ тѣмъ недѣйствительными и вытекающія изъ него идеи и дѣянія. Если наука разрушаетъ свободу воли съ ея законами, то пессимизмъ разрушаетъ или уничтожаетъ и самую науку. Безъ сомнѣнія, такъ является теоретическая антиномія, теоретическое противорѣчіе, разрѣшеніе котораго можно было бы откладывать или ожидать до безконечности. Но въ практической жизни это противорѣчіе невыносимо и духъ находитъ рѣшеніе удручающаго его про-

творѣчія въ своей практической дѣятельности, не желая всецѣло отдаться эмпиризму, въ которомъ весь человѣкъ ослабѣваетъ, изнуряется и умираетъ.

Тутъ дѣло идетъ о томъ, чтобы внушить духу вѣру въ самого себя; увеличить энергію его внутренней жизни, дабы онъ въ своемъ собственномъ сознаниіи нашелъ силу вѣрить въ господство духа надъ эмпиріею и утверждать объ этомъ передъ всей вселенной. Это значитъ, что разрѣшеніе внутренней разладицы сознаниія состоитъ въ религіи духа, не той, безъ сомнѣнія, внѣшней религіи, которая выражается во внѣшнемъ культѣ, но въ религіи внутренней, въ дѣятельности духа сознающаго самого себя,—дѣятельности, которая, какъ актъ внутренней вѣры, является въ этомъ случаѣ лишь инстинктивной силой или стремленіемъ существа, хотящаго пребывать въ бытіи и убѣдившаго самого себя въ дѣйствительномъ существованіи своей духовной жизни; словомъ, обладающаго, какъ индивидуальный духъ, глубокой и торжествующей религіей духа. А эта религія, въ свою очередь, составляетъ существенный элементъ всякаго религіознаго культа.

Такимъ образомъ, разладъ теоретическаго разума и разума практическаго вѣчно порождаетъ въ человѣческомъ сердцѣ религію духа. Это рашелина въ скалѣ, изъ которой брызжетъ живой родникъ вѣры въ бытіе міра духовнаго.

Покажемъ, говоритъ далѣе Сабатье, въ болѣе ясномъ видѣ это естественное зарожденіе (гензисъ) вѣры въ религію духа.

Наблюдая, обсуждая, обобщая, мы приходимъ къ извѣстному познанию того, что насъ окружаетъ; это познаніе внѣшнихъ предметовъ образуетъ наше внутреннее содержаніе сознаниія, которое я называю *сознаниемъ міра* (*conscience du monde*). Съ другой стороны, вслѣдствіе того, что наша воля проявляетъ свою дѣятельность, живетъ и развивается, возникаетъ то, что мы назовемъ *активнымъ сознаниемъ себя* (*conscience active du moi*). Сознаніе себя и сознаніе міра обуславливаютъ и опредѣляютъ другъ друга и не могутъ существовать одно безъ другого. Но въ то же время они впадаютъ въ трагическій анти-тезисъ (противорѣчіе). Духъ хочетъ господствовать надъ міромъ, міръ до нѣкоторой степени подчиняется этому господству, но предварительно требуетъ отъ него упорной борьбы и напряженія.

Тамъ проявляется стремленіе къ свободному господству; здѣсь же встрѣчается пассивное сопротивленіе. Надобно или побѣдить эту противоположность, или отказаться отъ разумной сознательной жизни. Надобно найти выходъ. Этотъ выходъ, или лучше сліяніе (*synthèse*) и примиреніе этихъ двухъ крайностей (*termes*), обнаруживающихся въ насъ въ непрерывной борьбѣ, можно находить лишь въ сознаніи чего то высшаго, чѣмъ мое я и этотъ міръ, отъ котораго находился бы въ полной зависимости и міръ и я. Это синтетическое и примиряющее сознаніе есть сознаніе Существа въ себѣ самомъ, Существа высшаго,—Бога, какъ премірнаго духа. Для избѣжанія психологическаго обнищанія, для обезпеченія своей побѣды надъ міромъ, человѣкъ никогда не имѣлъ ничего другого, кромѣ этого средства спасенія. Дикарь, не смотря на низшую ступень своей интеллектуальной жизни, прибѣгаетъ къ этому же средству, когда взываетъ о помощи къ могуществу своихъ боговъ въ страхѣ передъ явленіями природы и смертью, постоянно угрожающими ему. Философъ, отдающійся спекулятивнымъ воззрѣніямъ и пришедшій къ дуалистическому сознанію, раздѣляемому учениками Канта, повинуется тому же инстинктивному стремленію и той же жизненной необходимости, когда стремится найти въ признаніи Бога примиреніе чувствуемаго имъ разлада между сознаніемъ себя и сознаніемъ вселенной, между своимъ теоретическимъ разумомъ и разумомъ практическимъ. Ему необходимо Существо премірное, которое онъ угадываетъ въ себѣ и чувствуетъ, отъ котораго зависитъ и въ зависимость отъ котораго онъ поставляетъ весь міръ. Отсюда слѣдуетъ, что это премірное Существо должно обладать не только реальнѣйшею природой, но вмѣстѣ съ тѣмъ оно должно быть и духомъ; ибо въ своей собственной духовной силѣ человѣкъ видитъ таинственное (*intime*) проявленіе и отраженіе этого премірнаго духа. Соединяясь съ послѣднимъ, онъ утверждаетъ и подтверждаетъ собственную свою жизнь; онъ чувствуетъ внутри себя Бога—въ своей мысли, въ видѣ логическаго закона, въ волѣ—въ видѣ закона нравственнаго. Онъ спасенъ вѣрой въ Бога, въ которомъ находитъ и практическое и интеллектуальное оправданіе своей жизни.

Справедливо будетъ поэтому сказать, что духъ человѣческій

не можетъ вѣрить въ себя, не вѣря въ Бога, и, съ другой стороны, не можетъ вѣрить въ Бога, не находя Его въ себѣ.

Это *salto mortale*, скажутъ нѣкоторые поверхностные умы, поразившись этимъ очевиднымъ выходомъ ихъ глубочайшаго обнищанія и отчаянія духа, представляемою намъ религіозной дѣятельностью нашего я. Мы же отвѣтимъ: напротивъ, это *salto vitale*, инстинктивный, естественный и общечеловѣческій актъ, который заставляетъ духъ утвердить въ самомъ себѣ абсолютное значеніе духа. Разсматриваемая въ этотъ первый психологическій моментъ своего зарожденія, религіозная вѣра духа въ самого себя и въ свое всемогущество (ибо это одно и то же въ смыслѣ духовной природы вообще) есть лишь высшая форма и какъ бы продолженіе господствующаго въ природѣ инстинкта сомосохраненія. Духъ, подавляемый силою неразумныхъ вещей, воспаряетъ и торжествуетъ въ сознаніи чувства вѣчнаго значенія духа. Прекрасно говоритъ Паскаль: „человѣкъ есть лишь соломинка, одна изъ самыхъ слабыхъ въ природѣ, но соломинка мыслящая... Когда міръ подавляетъ человека физическою силою, человекъ торжествуетъ надъ нимъ силою мысли. Міръ не знаетъ своей силы, а человекъ имѣетъ ясное представленіе о томъ преимуществѣ, которое присуще его сознанію въ отношеніи къ міру. Все наше достоинство состоитъ въ способности здраво мыслить“. Но это достоинство для своего упроченія, утвержденія и развитія требуетъ вѣры въ духъ, религіозной вѣры въ Бога. Къ свидѣтельству Паскаля присоединимъ еще свидѣтельство Декарта: его „*Cogito ergo sum*“ было бы самымъ слабымъ изъ умозаключеній, еслибъ въ основѣ его не было первоначальнаго религіознаго акта мысли, которая не хочетъ и не можетъ сомнѣваться въ себѣ самой. Именно этотъ актъ, торжествующій надъ всякимъ сомнѣніемъ, и составляетъ глубочайшій фундаментъ декартовской философіи.

До сихъ поръ, какъ это очевидно, Сабатье выясняетъ естественность и даже необходимость религіозной вѣры въ духъ и слѣдовательно въ Бога. Какое же значеніе имѣетъ эта вѣра, скорѣе инстинктивная, чѣмъ сознательная, въ собственномъ смыслѣ для наукъ?

К. Истоминъ.

(Продолженіе будетъ).

ПИСЬМА ИННОКЕНТІЯ

Митрополита Московскаго и Коломенскаго.

1828—1855.

Подъ такимъ заглавіемъ недавно вышла въ свѣтъ книга, изданная г. Барсуковымъ, благодаря просвѣщенному вниманію графа Сергѣя Димитріевича Шереметьева, предложившаго издать ее на его иждивеніе, въ память духовнаго союза, соединявшаго его родителей и его родныхъ съ Московскимъ святителемъ Иннокентіемъ. Изданіе предпринято въ воспоминаніе того, что 26-го августа сего 1897 года исполнится сто лѣтъ со дня рожденія въ селѣ Агнинскомъ, Иркутской епархіи, у бѣднаго пономаря Попова, сына Іоанна переименованнаго въ Семинаріи въ Веніамина, въ послѣдствіи Московскаго святителя Иннокентія. Мы хотѣли бы обратить вниманіе нашихъ читателей на эту книгу. Личность святителя Иннокентія до такой степени высока своимъ христіанскимъ подвигомъ, что невольно удивляетъ каждого, кто хорошо познакомится съ нею по оставшимся памятникамъ. Г. Барсуковъ, сколько намъ извѣстно, первый обратилъ на нее надлежащее вниманіе и старается представить святителя въ надлежащемъ свѣтѣ. Собранныя имъ и изданныя теперь письма (пока отъ 1828—1855 гг., книга первая) имѣютъ ту же цѣль. Какъ извѣстно, святитель Иннокентій не получилъ высшаго академическаго образованія; и, однако же, читая его письма, нельзя не удивляться обширности и разносторонности его знаній; глубокому, почти пророческому вѣдѣнію жизни и людей; живому патріотизму и истинно-христіанскому смиренію. Онъ жилъ въ эпоху, сильно волновавшую наше общество (онъ былъ преемникомъ по митрополичьей кафедрѣ Московскаго святителя Филарета); и почти пророческимъ взоромъ обозрѣвалъ современныя ему теченія обществен-

ной и церковной жизни. Но главнымъ образомъ онъ былъ миссіонеромъ, *мужемъ апостольскимъ*, какъ его называлъ императоръ Николай I и митрополитъ Филаретъ. На развитіе, распространіе и укрѣпленіе миссіонерскаго дѣла онъ не жалѣлъ ни своихъ трудовъ, ни своихъ средствъ; можно сказать, что этому дѣлу онъ посвятилъ всю свою жизнь. И дѣятельность его въ этомъ отношеніи была такъ высока и плодотворна, что ей удивлялись и даже завидовали богатыя западно-европейскія миссіонерскія общества. Но мы не принимаемъ на себя характеристику всей обширной, плодотворной и многосторонней дѣятельности святителя Иннокентія; читатели сами извлекутъ эту характеристику изъ его писемъ, изданныхъ въ свѣтъ г. Барсуковымъ. Безъ преувеличенія можно сказать, что каждое въ отдѣльности письмо митрополита Иннокентія, написанное къ людямъ разныхъ званій и состояній, изображаетъ намъ его въ новомъ, живомъ и увлекательномъ свѣтѣ.

Новая книга г. Барсукова издана въ С.-Петербургѣ, въ Свнудальной типографіи, и по своему объему довольно обширная (I—XIV+1—480 + I—V in 8°). Изданіе изящное. Цѣна 2 руб. 50 коп.

ЛИСТОКЪ

ДЛЯ

ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ

15 Августа № 15. 1897 года.

Содержаніе. Отъ Правленія Харьковской Духовной Семинаріи.— Отъ Правленія Харьковскаго Духовнаго училища.— Епархіальныя извѣщенія.— Педагогическіе курсы для учителей второкласныхъ церковно-приходскихъ школъ въ г. Харьковѣ.— Объявленія.

Отъ Правленія Харьковской Духовной Семинаріи.

I.

Правленіе Семинаріи доводитъ до свѣдѣнія родителей и опекуновъ воспитанниковъ Семинаріи, а также всѣхъ вновь поступающихъ въ Семинарію слѣдующее:

1. Приемные экзамены для поступленія во всѣ классы Семинаріи и переводные для воспитанниковъ Семинаріи, неудобнослужащихъ перевода въ слѣдующіе классы, будутъ начаты въ слѣдующемъ году 22, а класныя занятія 28 августа.

2. Всѣ поступившія въ Семинарію лица свѣтскаго званія, не исключая и тѣхъ, которыя переведены въ 1-й классъ Семинаріи изъ духовныхъ училищъ, обязаны внести плату за обученіе впередъ за весь годъ 40 рублей или за полугодіе—20 рублей, безъ чего не будутъ приняты въ Семинарію.

3. Всѣ воспитанники Семинаріи, желающіе быть принятыми на казенное содержаніе, или получить пособіе изъ епархіальныхъ суммъ, кромѣ сиротъ духовнаго званія, уже состоящихъ на казенномъ содержаніи, должны подать о семъ прошенію на имя о. Ректора Семинаріи неуремѣнно къ 1-му августа сего года съ приложеніемъ благочинническаго удостовѣренія о бѣдности, въ коемъ должно быть описано имущественное состояніе отца и составъ его семейства съ указаніемъ, сколько дѣтей и на чей счетъ воспитываются въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ.

4. Воспитанники, не принятые на казенное содержаніе, должны быть помѣщены въ семинарскомъ общежитіи со взносомъ 120 руб., а иносословные 180 руб. въ годъ. Эта плата должна быть вносима по третямъ: къ 1-му сентября, къ 15-му ноября и къ 1-му марта каждый разъ по 40 руб., а отъ иносословныхъ—по 60 руб.; кромѣ того всѣ вновь поступающіе своекоштные ученики обязаны внести эконому Семинаріи одновременно на все время обученія въ Семинаріи 15 руб. на первоначальное обзаведеніе и 5 руб. на приобрѣтеніе учебниковъ.

5. Всѣ воспитанники Семинаріи обязаны имѣть форменную одежду установленнаго образца безъ всякихъ отступленій. При за-

казѣ для казеннокоштныхъ воспитанниковъ суконная форменная пара обходится въ 17 рублей, лѣтняя въ 6 р. 50 к., будничная въ 7 р. 75 к., фуражка въ 1 р.; по этой же цѣнѣ можетъ быть заказываема одежда и для желающихъ своекоштныхъ учениковъ.

II.

Росписаніе приѣмныхъ экзаменовъ и переекзаменовокъ въ Харьковской Духовной Семинаріи въ Августѣ 1897 года.

22-го Августа.	Русское сочиненіе.
23-го	„ Богословіе догматическое, основное и нравственное, священное писаніе, катехизисъ, физика, алгебра геометрія, пасхалія и ариѳметика.
25-го	„ Лптургия, гомилетика, практическое руководство для пастырей, исторія и обличеніе раскола, обличительное богословіе, церковный уставъ, философія, дидактика, гражданская исторія и географія.
26-го	„ Исторія литературы, словесность, русскій языкъ съ церковно-славянскимъ и греческій языкъ.
27-го	„ Церковная исторія, библейская исторія, церковное лѣвіе и латинскій языкъ.

Отъ Правленія Харьковскаго Духовнаго училища.

Предметы занятій съѣзда духовенства Харьковскаго училищнаго округа, имѣющаго открытъ свои засѣданія 24 сентября 1897 года, слѣдующіе: 1) разсмотрѣніе смѣты прихода и расхода суммъ по содержанію Харьковскаго Духовнаго училища и училищнаго общежитія въ 1898 году; 2) разсмотрѣніе журнала ревизіоннаго Комитета по повѣркѣ экономическаго отчета за 1896 годъ; 3) избраніе трехъ членовъ ревизіоннаго Комитета для повѣрки экономической отчетности по содержанію училища и училищнаго общежитія въ 1897 году и наблюденія за производствомъ расходовъ въ 1898 году; 4) разсмотрѣніе вѣдѣнокъ вѣдомостей за 1896 годъ и 5) другія текущія дѣла, подлежащія обсужденію Съѣзда духовенства.

Епархіальныя извѣщенія.

Псаломщикъ сл. Ивановки, Изюмскаго уѣзда, Сергій *Сокальскій*, опредѣленъ на діаконое мѣсто къ Іоанно-Предтечевской церкви с. Знаменскаго, того же уѣзда.

— Утверждены въ должности церковнаго старосты: къ Николаевской церкви с. Деркачевки, Лебединскаго уѣзда, крест. Павелъ *Дейнека*; къ Иверско-Богородичной церкви, с. Бѣжевки, Лебединскаго уѣзда, крест. Иванъ *Чередниченко*; къ Крестовоздвиженской церкви с. Боромли, Ахтырскаго уѣзда, крест. Калистратъ *Мещенко*.

ИЗВѢСТІЯ и ЗАМѢТКИ.

Содержаніе. Педагогическіе курсы для учителей второкласныхъ церковно-приходскихъ школъ въ г. Харьковѣ.

Со времени изданія Высочайше утвержденныхъ правилъ о церковно-приходскихъ школахъ, коими предоставлено было право Епархіальнымъ Училищнымъ Совѣтамъ и отдѣленіямъ оныхъ изыскивать мѣры къ наилучшей постановкѣ церковныхъ школъ въ матеріальномъ и учебно-воспитательномъ отношеніи, учительскіе курсы сдѣлались у насъ явленіемъ обычнымъ. Первоначальное же возникновеніе этихъ курсовъ относится къ концу шестидесятихъ годовъ, ко времени открытія земско-министерскихъ школъ, когда испытывалась особенная нужда въ учителяхъ. Но такъ какъ въ русскомъ школьномъ законодательствѣ до 1871 года не было никакихъ указаній на учительскія собранія, то учительскіе курсы этого времени не могли имѣть правильной постановки и точно опредѣленныхъ программъ и всецѣло зависѣли отъ умѣнья и рвенія лицъ, которыя являлись ихъ учредителями. Къ сожалѣнію, въ скоромъ времени они прекратили свое существованіе и уступили мѣсто такъ наз. „учительскимъ сѣздамъ“. Эта особая форма учительскихъ собраній существенно отличается отъ педагогическихъ курсовъ. Въ то время какъ педагогическіе курсы представляютъ собою собраніе, организованное въ формѣ временнаго учебнаго заведенія для обученія и усовершенствованія учителей въ теоріи и практикѣ учительскаго дѣла, учительскіе сѣзды представляютъ собою такое собраніе, члены котораго, учителя и учительницы народныхъ школъ, подъ предсѣдательствомъ руководителя, сами обсуждаютъ различные вопросы школьнаго дѣла, выясняютъ нужды и потребности этого дѣла и постановляютъ по этимъ вопросамъ свои заключенія и рѣшенія.

Само собою разумѣется, что такая форма педагогическихъ собраній, перенесенная къ намъ изъ Германіи, гдѣ народное образованіе имѣетъ свою вѣковую исторію и твердое научное обоснованіе, не могла привиться въ нашей молодой школѣ, учителя которой, не имѣя богатаго учительскаго опыта, нуждались въ приобрѣтеніи элементарныхъ педагогическихъ знаній. Сѣхавшись для споровъ и совѣщаній, они разбѣзжались

съ отуманенными головами, безъ опредѣленнаго содержанія. Прямимъ послѣдствіемъ этого было изданіе правилъ о временныхъ педагогическихъ курсахъ, утвержденныхъ 5 августа 1875 года и имѣвшихъ рѣшительное вліяніе на дальнѣйшую судьбу учительскихъ собраній. Подробная регламентація въ дѣлѣ учрежденія педагогическихъ курсовъ, устанавливая стѣснительныя для учредителей требованія, пришлась не по душѣ руководителямъ бывшихъ учительскихъ съѣздовъ и самимъ учителямъ, для которыхъ педагогическіе курсы послѣ оживленныхъ съѣздовъ показались слишкомъ прозаичными и скучными. Учительскіе съѣзды были запрещены, а вмѣстѣ съ ними прекратили свое существованіе и педагогическіе курсы.

Но въ то время, какъ вопросъ о подготовкѣ учителей земскою школою былъ оставленъ, церковная школа, наоборотъ, усиленно работаетъ на этомъ поприщѣ. Училищный Совѣтъ при Св. Синодѣ самъ взялъ на себя инициативу въ этомъ важномъ дѣлѣ и, не щадя средствъ, лѣтомъ текущаго года въ разныхъ городахъ Имперіи организовалъ 40 курсовъ, въ томъ числѣ 32 епархіальныхъ для учителей одноклассныхъ школъ и 8 окружныхъ для учителей школъ второклассныхъ. Всѣхъ слушателей на этихъ курсахъ приблизительно около 5 тысячъ. Окружными городами для учительскихъ курсовъ второклассныхъ школъ назначены: С.-Петербургъ, Москва, Кіевъ, Харьковъ, Казань и Одесса, какъ города обильные и учебнымъ персоналомъ, и учебными пособіями. Сверхъ того въ виду значительнаго числа епархій, примыкающихъ къ округамъ Московскому и Казанскому открыты курсы для нѣкоторой части учителей Московскаго округа въ г. Курскѣ, а для учителей Казанскаго округа—въ г. Перми. Всѣхъ учителей второклассныхъ школъ, прослушавшихъ курсы, свыше 1000 человекъ.

Харьковскіе учительскіе курсы, учрежденные Училищнымъ Совѣтомъ при Св. Синодѣ, нашли себѣ помѣщеніе въ зданіи Харьковской Духовной Семинаріи, которая съ разрѣшенія Высокопреосвященнаго Амвросія дружелюбно уступила для этой цѣли всѣ помѣщенія новой части семинарскаго корпуса и зданіе больницы. Помѣщенія курсистовъ не оставляли желать лучшаго; въ ихъ распоряженіе были предоставлены 4 большихъ спальныхъ комнаты, 3 комнаты для внѣклассныхъ за-

нятій и актовъ залъ, послужившій превосходной аудиторіей для слушанія лекцій; столовая, мастерскія и пріемный покой на случай заболѣванія находились въ особыхъ комнатахъ. Въ распоряженіе учительницъ было предоставлено помѣщеніе семинарской больницы.

Вечеромъ 24 іюня всѣ означенныя помѣщенія были переполнены съѣхавшимися курсистами, которые не замедлили явиться въ урочный день. Всѣхъ явившихся учителей было 90 чел., которые по епархіямъ распредѣлялись слѣдующимъ образомъ: изъ Воронежской—18, Донской—18, Пензенской—16, Ставропольской—12, Таврической—7 и Харьковской—22. По происхожденію они принадлежали: къ духовному званію—67 чел., мѣщанскому—4, крестьянскому—10, 7—дѣти казаковъ и 1 дворянинъ. Неодинаковое количество учителей, присланныхъ изъ разныхъ епархій, объясняется неодинаковымъ количествомъ открытыхъ и предполагаемыхъ къ открытію второклассныхъ школъ. Образовательный уровень учителей въ общемъ нужно признать весьма почтеннымъ. Одинъ—кандидатъ Казанской Духовной Академіи, 46 изъ окончившихъ курсъ Духовной Семинаріи, 8 учительницъ, окончившія курсъ Епархіального училища, 1 учитель, окончившій курсъ прогимназіи, 15 изъ старшихъ классовъ Духовныхъ Семинарій, 1 не окончившій курсъ учительскаго Института, 12 изъ учительскихъ Семинарій, 3 окончившіе курсъ уѣзднаго училища,—всѣ съ званіемъ учителя.

Какъ видно изъ указанныхъ цифръ, главный контингентъ учителей принадлежитъ къ духовному сословію и большая часть ихъ свое образованіе получила въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ.

Нѣкоторые изъ Епархіальныхъ Училищныхъ Совѣтовъ, какъ напр., Воронежскій, Донской и отчасти Харьковскій при выборѣ кандидатовъ на учительскія мѣста во второклассныя школы обратили вниманіе не на ихъ образовательный цензъ, а на продолжительность службы по народному образованію и на то, можетъ ли избранный кандидатъ быть постояннымъ учителемъ означенныхъ школъ. Вслѣдствіе этого въ числѣ присланныхъ курсистовъ попадаются лица, извѣстные своею продолжительною учительскою практикою: нѣкоторые изъ нихъ состоятъ учителями еще съ 1882 года, другіе съ 1884, нѣкоторые съ 1886 и 1887 учебныхъ годовъ. Такой критерій нужно

признать весьма практичнымъ. Второклассная школа неразрывно должна быть связана съ ея учителемъ, а для этого необходимо, чтобы этотъ учитель въ своемъ учительскомъ званіи усматривалъ и свою карьеру, а не временную должность для перехода на лучшее. Съ этой стороны окончившіе курсъ Духовныхъ Семинарій едва ли могутъ быть признаны желательными учителями второклассныхъ школъ; уходя на приходъ, они оставляютъ и школу, которая, при постоянной перемѣнѣ учителей, крайне должна страдать какъ въ учебномъ, такъ и въ педагогическомъ отношеніи.

Продолжительная практика устройства педагогическихъ и спеціальныхъ курсовъ для учителей церковныхъ школъ, устраиваемыхъ въ разныхъ городахъ Имперіи, начиная со времени возрожденія церковной школы, имѣла за собою весьма солидный опытъ, которымъ и воспользовался Училищный Совѣтъ при Св. Синодѣ при учрежденіи курсовъ въ текущемъ году. Недостатки прежнихъ курсовъ, устраивавшихся по частной инициативѣ, при недостаткѣ матеріальныхъ средствъ и удобныхъ помѣщеній, при отсутствіи благопріятныхъ учебно-педагогическихъ условій, были устранены. На устройство курсовъ въ г. Харьковѣ было ассигновано 6000 р., изданы были особыя правила для ихъ организаціи и нарочито составлена была "Примѣрная программа", для руководства лекторовъ.—Правилами на устройство курсовъ прежде всего ясно и опредѣленно намѣчается цѣль сихъ курсовъ рѣзко отличающая ихъ отъ всякихъ другихъ и особенно отъ такъ называемыхъ учительскихъ съѣздовъ прежняго времени. Эта цѣль заключается въ томъ, чтобы, съ одной стороны, ознакомить учителей второклассныхъ школъ и кандидатовъ на эту должность съ цѣлями и задачами устройства второклассныхъ школъ, съ программами предметовъ для сихъ школъ и съ методикою преподаванія этихъ предметовъ, а съ другой—посредствомъ данныхъ на курсахъ спеціалистами уроковъ восполнить пробѣлы въ познаніяхъ вызываемыхъ на курсы учителей по предметамъ второклассныхъ школъ, и оживить и освѣтить въ умахъ ихъ тѣ познанія, какія ими уже пріобрѣтены, а также указать имъ болѣе практическіе и цѣлесообразные способы обученія будущихъ учителей школъ грамоты. Количество уроковъ, распредѣленіе этихъ уроковъ по предметамъ педагогическихъ

курсовъ въ теченіе одной недѣли, продолжительность каждаго урока, занятія лекторовъ, ихъ содержаніе, характеръ, цѣли, занятія самихъ слушателей, характеръ время препровожденія воскресныхъ и праздничныхъ дней, дисциплинарная сторона— все это было опредѣлено особымъ росписаніемъ, составленнымъ Инспекторомъ курсовъ. Такимъ образомъ, курсы должны представлять изъ себя какъ бы временное учебное заведеніе, въ которомъ въ теченіе полутора мѣсяца учащіеся слушатели должны соблюдать всѣ правила въ распредѣленіи ихъ дневныхъ занятій и исполнять требованія и указанія, какъ начальства, такъ и лекторовъ, которые будутъ давать имъ уроки или читать лекціи.

Что касается „Примѣрной программы“ курсовъ, то она отличается полнотою и всесторонностію. Въ нее вошли всѣ предметы курса второклассныхъ школъ: Законъ Божій, церковное пѣніе, церковно-славянскій языкъ, русскій языкъ, дидактика, церковная и гражданская исторія, географія, ариметика, геометрическое черченіе и землемѣріе, сельское хозяйство, агрономія, физика и наконецъ гигиена. Само собою разумѣется, что трудно было бы рассчитывать на основательное ознакомленіе слушателей со всѣми указанными предметами, если бы образовательный цензъ ихъ стоялъ ниже дѣйствительнаго. Да кромѣ того и администрація курсовъ, предлагая слушателямъ полную программу учебнаго курса второклассныхъ школъ, не задавалась цѣлію обстоятельно и подробно ознакомить ихъ со всѣми учебными предметами, а лишь въ общихъ чертахъ сообщить имъ главныя руководственныя указанія, чтобы въ результатѣ получилось цѣльное представленіе о постановкѣ и ходѣ учебнаго дѣла во второклассныхъ школахъ.

Для выполненія столь серьезной программы педагогическихъ курсовъ была организована особая распорядительная коммиссія, на обязанности коей лежало наблюденіе за внѣшнимъ теченіемъ курсовъ и были приглашены лучшія силы учебнаго персонала изъ мѣстнаго Университета, Духовной семинаріи и Харьковскаго земледѣльческаго училища. Въ составъ распорядительной коммиссіи вошли: Инспекторъ курсовъ Ректоръ Семинаріи, магистръ богословія, Протоіерей Іоаннъ Павловичъ Знаменскій, имѣвшій общее попеченіе о курсахъ и надзоръ за правильнымъ теченіемъ ихъ, но преимущественно на-

блюденіе за чтеніями лекторовъ и за занятіями учителей, вызванныхъ на курсы; Епархіальный наблюдатель, кандидатъ богословія, Василій Ѳеодоровичъ Давыденко, раздѣлявшій труды Инспектора курсовъ и въ его отсутствіи замѣнявшій его; Смотритель курсовъ, кандидатъ богословія, ст. сов. Семенъ Петровичъ Ѳоменко, завѣдывавшій распорядительною частію и вообще слѣдившій за внѣшнимъ порядкомъ курсовъ и наконецъ экономъ Адрианъ Назарьевичъ Енько, завѣдывавшій хозяйственною частію курсовъ. Лекторами были приглашены слѣдующія лица: *по Закону Божію* (10 лекцій)—законоучитель Харьковскаго Реального училища, кандидатъ богословія, священникъ А. М. Юшковъ; кромѣ того, по особому приглашенію, профессоръ х. Императорскаго университета, магистръ богословія, прот. Т. И. Буткевичъ прочиталъ 2 лекціи. *По церковному пѣнію* съ младшей группой курсистовъ (23 лекціи) занимался получившій права учителя пѣнія при С.-Петербургской придворной капеллѣ, учитель пѣнія въ мѣстномъ Епархіальномъ женскомъ училищѣ, священникъ І. В. Петровскій; съ старшей группой (30 лекцій)—учитель пѣнія въ Харьковской духовной семинаріи, окончившій курсъ Синодальнаго Московскаго пѣвческаго училища Н. М. Ковинъ. *По педагогикѣ* (20 лекцій)—преподаватель Х. д. семинаріи, магистръ богословія, Н. Н. Страховъ; *по методикѣ русскаго языка съ церковно-славянскимъ* (20 лекцій)—тотъ же лекторъ; *по методикѣ ариѳметики* (7 лекцій)—преподаватель Х. д. семинаріи, кандидатъ университета, И. В. Кудревичъ; *по физикѣ* (10 лекцій) и *геометрическому черченію* (7 лекцій)—тотъ же лекторъ; *по методикѣ географіи* (12 лекцій) и *методикѣ исторіи* (10 лекцій)—преподаватель Х. д. семинаріи и преподаватель исторіи и географіи въ пансіонѣ г-жи Григорцевичъ, кандидатъ богословія, І. К. Корнѣенко; *по школьной гигиенѣ* въ связи съ анатоміей и физиологіей—проф. Харьковскаго университета И. П. Скворцовъ; *по сельскому хозяйству* (22 лекціи)—преподаватель Харьковскаго земледѣльческаго училища П. И. Плодовскій; *по пчеловодству* (12 лекцій)—преподаватель того-же училища С. А. Дяпидевскій.

На время послѣобѣденное, между утренними и вечерними лекціями, сверхъ официальной программы были организованы курсы *столярно-токарнаго и переплетнаго ремесла* и *уроки*

кройки для учительницъ. Въ качествѣ руководителей этими курсами были приглашены: бывшій преподаватель столярнаго ремесла въ Харьковскомъ ремесленномъ училищѣ А. Н. Енько, переплетчикъ г. Шепелевъ и учительница кройки Е. Г. Рейфельдъ.

25-го Іюля съ благословенія Высокопреосвященнаго Амвросія послѣдовало открытіе курсовъ. Въ 12 час. дня Инспекторомъ курсовъ прот. І. Знаменскимъ, въ сослуженіи членовъ Епархіального Училищнаго Совѣта, уѣздныхъ наблюдателей и діакона изъ курсистовъ, въ семинарскомъ храмѣ былъ отслуженъ Господу Богу молебенъ предъ началомъ ученія. Кромѣ курсистовъ на молебнѣ присутствовали: Наблюдатель церковныхъ школъ въ Имперіи д. с. с. В. И. Шемякинъ, прибывшій для руководства устрояемыми курсами ко дню ихъ открытія, члены распорядительной коммиссіи, лектора и нѣкоторые изъ уѣздныхъ наблюдателей и о. о. благочинныхъ. Во время молебна пѣлъ импровизированный хоръ курсистовъ подъ управленіемъ лектора г. Ковина. По окончаніи молебна о. Инспекторъ курсовъ обратился къ учителямъ съ краткою рѣчью, въ которой призывалъ ихъ къ добросовѣстному труду. Имъ сказано было приблизительно слѣдующее:

„Привѣтствую Васъ, м. г. и м. г-ни, прибывшіе въ нашъ богоспасаемый г. Харьковъ для приготовленія себя на служеніе св. Церкви и отечеству въ должности учителей второклассныхъ церковно-приходскихъ школъ. Начавши сегодня обращеніемъ къ помощи Божіей, приступимъ съ завтрашняго дня къ слушанію лекцій по опредѣленному росписанію. Я не буду говорить Вамъ о важности и серьезности того дѣла, ради котораго Вы сюда собрались; я считаю болѣе необходимымъ пригласить Васъ проявить должное усердіе въ занятіяхъ Вамъ предлежащихъ. Многіе изъ Васъ, вѣроятно, услышатъ много знакомаго по методикѣ школьныхъ предметовъ, такъ какъ нѣкоторые изъ Васъ прослушали курсъ методики въ духовныхъ семинаріяхъ, другіе—въ учительскихъ семинаріяхъ. Но не смущайтесь этимъ обстоятельствомъ. Человѣку свойственно не только усвоить знанія, но и забывать ихъ, не только приобрѣтать, но и терять. Для насъ важно въ данномъ случаѣ не только приобрѣсти новыя знанія, но и освѣжить въ своей памяти то, что было ранѣе усвоено, но отъ времени забылось,

и уяснить себѣ то, что было извѣстно, но представлялось недостаточнo яснымъ. Для насъ особенно важно освѣтить и прежде пріобрѣтенныя и новыя знанія именно съ той точки зрѣнія, какую долженъ имѣть учитель церковно-приходской и при томъ второклассной школы. Кромѣ того вы услышите и много новаго по предметамъ, которыхъ ранѣе вы не изучали, каковы: гигиена, сельское хозяйство, пчеловодство и т. п. — Поэтому еще разъ прошу Васъ, соберитесь съ силами и съ Божіею помощію пріймемся за дѣло“.

Вслѣдъ за этимъ Инспекторъ курсовъ пригласилъ учителей въ актовъй залъ для выслушанія объявленія объ открытіи курсовъ. Когда всѣ уже были въ полномъ сборѣ, въ залъ вошелъ В. И. Шемякинъ и послѣ исполненія хоромъ „Царю Небесный“, обратился къ учителямъ съ привѣтственной рѣчью. Задушевная рѣчь В. И. Шемякина, какъ нельзя болѣе, отвѣчала данному случаю, хотя, къ сожалѣнію, мы можемъ воспроизвести ее только приблизительно.

„Чувство радости и умиленія, сказалъ онъ, возбуждаете во мнѣ вы, честные труженники, явившіеся сюда изъ разныхъ епархій. Жертвуя каникулярнымъ отдыхомъ, не щадя здоровья и молодыхъ силъ своихъ, въ ищите педагогическихъ познаній и закаляете себя на трудное дѣло учительства. Но истинѣ, нельзя иначе назвать такое усердіе, эту ревность, какъ подвигомъ. Но подвигъ вашъ завершится истинною побѣдою и дѣйствительнымъ успѣхомъ лишь въ томъ только случаѣ, если вы добросовѣстно со всѣмъ прилежаніемъ, достойнымъ юныхъ силъ вашихъ, отнесетесь къ своимъ обязанностямъ. Если цѣль предпринятаго вами труда состоитъ въ томъ, чтобы съ умудреннымъ опытомъ снова еще съ большей энергіей возвратиться въ школы къ обычнымъ занятіямъ своимъ, то и энергія ваша да будетъ соотвѣтственна такой цѣли.

„На предстоящихъ курсахъ вамъ предстоитъ ознакомиться съ постановкою учебнаго дѣла въ церковно-приходскихъ школахъ и второклассныхъ въ частности, съ наилучшими методами и приемами обученія и воспитанія. Изъ того, что вы здѣсь услышите, многое, какъ сказалъ уже и О. Ректоръ, быть можетъ, вамъ извѣстно, но несомнѣнно, что услышите вы также и много новаго. Педагогія въ послѣднее время достигла бли-

стательныхъ успѣховъ въ дѣлѣ обученія, такъ что и опытному учителю постоянно приходится слѣдить за ея уроками, тѣмъ болѣе вамъ, молодымъ учителямъ, новыхъ еще нарождающихся второклассныхъ школъ. Этотъ новый типъ церковной школы требуетъ особеннаго къ себѣ вниманія. Составляя послѣднее звѣно въ градаціи начальныхъ народныхъ школъ и будучи разсадникомъ учителей школъ грамоты, будущей деревенской интеллигенціи, второклассная школа всѣмъ строемъ жизни и преподаванія должна развить у будущихъ учителей убѣжденіе, что вся задача ихъ дѣятельности чрезъ соединеніе обученія съ воспитаніемъ состоитъ въ утвержденіи въ народѣ религіозныхъ и нравственныхъ понятій. Поставляя себѣ такую идеальную задачу, второклассная школа избираетъ для ея осуществленія и средства особенныя. Она не мыслима безъ общежитія, этого питомника будущихъ учителей нашего народа. Гдѣ нѣтъ общежитія, тамъ нѣтъ и второклассной школы; въ общежитіи и его воспитательномъ воздѣйствіи лежитъ коренная идея второклассной школы.

„Само собою разумѣется, что отъ этого и трудъ учителя второклассной школы и его обязанности осложняются и затрудняются. Учитель второклассной школы не похожъ на учителя школы одноклассной, который имѣетъ дѣло съ учениками только въ классѣ, во время учебныхъ занятій. Живя неразлучно вмѣстѣ съ питомцами въ общежитіи, учитель второклассной школы не долженъ разставаться съ ними въ теченіе цѣлаго дня; будучи учителемъ, онъ въ то же время и воспитатель. Общежитіе представляетъ собою какъ-бы сплошную семью, въ которой отцомъ является учитель, а ученики его дѣтьми. Семейное начало въ общежитіи составляетъ характерную особенность второклассной школы.

„Но дабы ваше вліяніе было благотворно, дабы ваши питомцы въ результатѣ оправдали возлагаемыя на нихъ надежды, воспитаніе должно быть проникнуто духомъ христіанской любви, преданности престолу и отечеству. Недостаточно приготовить людей грамотныхъ и образованныхъ, нужно воспитать добрыхъ и честныхъ гражданъ. Грамотный человѣкъ, чуждый твердыхъ нравственныхъ устоевъ, опаснѣе и вреднѣе невѣжественнаго, ибо онъ болѣе изобрѣтателенъ въ средствахъ для достиженія эгоистическихъ цѣлей. Воздѣйствуйте на нихъ не мѣрами строгости и наказаній, но мѣрами наставленія и ободренія, сердеч-

ной ласки и любви, воздѣйствуйте на нихъ примѣромъ своей жизни—онъ сильнѣе всякихъ средствъ, неотразимо вліяетъ на юную еще неокрѣпшую душу питомца. Трудъ вашъ великъ и должность ваша отвѣтственна. Пусть же вдохновляетъ васъ и поддерживааетъ энергію вашу сознание, что въ настоящее время вы составляете предметъ постоянныхъ заботъ правительственной власти, которая все болѣе и болѣе улучшаетъ и ваше матеріальное положеніе. Не могу не порадовать васъ и послѣднею радостною вѣстію. Въ маѣ мѣсяцѣ текущаго года Его Императорскому Величеству Государю Императору благоутодно было утвердить докладъ Государственнаго Совѣта объ ассигнованіи на содержаніе церковныхъ школъ еще 1.500,000 р., что съ прежде ассигнованными составляетъ сумму въ 5 мил. руб., причемъ значительная часть означенной суммы будетъ употреблена на вознагражденіе учащимъ въ церковныхъ школахъ Имперіи. Это новое поощреніе неутомимыхъ тружениковъ съ высоты Престола да утѣшитъ васъ въ предстоящемъ трудѣ, и да укрѣпитъ васъ до конца въ дѣлахъ вашихъ“.

Послѣ этого Василій Ивановичъ обратился къ курсистамъ и предложилъ пропѣть національный гимнъ. Стройнымъ хоромъ могучихъ голосовъ было исполнено „Боже Царя Храни“ и „Достойно есть“. Въ заключеніе Василій Ивановичъ еще разъ пожелалъ успѣха курсистамъ въ предстоящемъ трудѣ и курсы были объявлены открытыми.

Съ 26 іюня началось чтеніе лекцій въ порядкѣ, опредѣленномъ особымъ росписаніемъ.

Введеніе Закона Божія въ кругъ предметовъ педагогическихъ курсовъ составляетъ ихъ главную отличительную особенность сравнительно съ курсами для учителей земскихъ школъ. Такъ какъ преподаваніе Закона Божія во второклассныхъ школахъ возлагается обыкновенно на законоучителей, то казалось бы, что включать этотъ предметъ въ программу обязательныхъ для учителя дидактическихъ знаній нѣтъ особенной необходимости. Но такое соображеніе нужно признать совершенно ложнымъ. Самое названіе церковно-приходскихъ школъ, какъ сказано въ объяснительной запискѣ, указываетъ на особенное значеніе въ нихъ Закона Божія. Онъ составляетъ главный ихъ предметъ и всѣ другіе предметы должны быть по возмож-

ности поставлены отъ него въ болѣе или менѣе тѣсную зависимость. Церковная грамота должна помогать изученію молитвъ и пѣснопѣній; русское чтеніе и письмо должно быть обращено къ предметамъ по преимуществу религіознаго содержанія; пѣнію въ нихъ дѣти будутъ обучаться церковному. Церковная и гражданская исторія изучаются здѣсь, какъ одинъ учебный предметъ съ тою цѣлью, чтобы утвердить въ учащихся убѣжденіе, что въ исторіи нашего отечества всѣ событія гражданскія тѣсно связаны съ церковными. Эту идею съ особеннымъ стараніемъ проводилъ лекторъ во всѣхъ своихъ чтеніяхъ, посвятивши ея разъясненію нѣсколько лекцій. Законъ Божій, какъ главный предметъ церковно-приходской школы, присоединеніе къ Закону Божию другихъ предметовъ церковно-приходской школы и отношеніе ихъ къ главному предмету школы, педагогическое значеніе предметовъ, преподаваемыхъ въ церковно-приходской школѣ, въ особенности по Закону Божию.—вотъ главнѣйшія темы его бесѣдъ.

Нельзя забывать и того обстоятельства, что учитель второклассной школы не есть только учитель чтенія, письма и ариѳметики, но онъ есть вмѣстѣ съ тѣмъ и воспитатель дѣтей народа; нравственное же воспитаніе дѣтей русскаго народа можетъ совершаться не иначе, какъ по Закону Божию, по уставамъ и духу Православной Церкви.

Давши обстоятельныя разъясненія своимъ слушателямъ о значеніи закона Божія и его воспитательномъ воздѣйствіи, лекторъ посвятилъ нѣсколько чтеній и методикѣ этого предмета. Въ жизни второклассныхъ школъ возможны случаи, когда законоучитель, по своимъ многосложнымъ обязанностямъ, можетъ отлучаться въ приходъ для исполненія неотложныхъ требъ. Чтобы школа не осталась безъ руководителя, учитель долженъ замѣнить своего законоучителя. Кромѣ того, и во время вечернихъ занятій, учитель второклассной школы въ качествѣ репетитора долженъ провѣрять знанія учениковъ по Закону Божию; а для этого нужно быть и самому основательно знакомымъ не только съ содержаніемъ Закона Божія, но и съ методическими приѣмами преподаванія этого предмета.

Въ виду указанныхъ соображеній, чтеніе лекцій по пред-

мету Закона Божія на педагогическихъ курсахъ нельзя считать ненужнымъ, а наоборотъ нужно признать необходимымъ.

Какъ бы въ дополненіе лекцій, читанныхъ священникомъ А. Юшковымъ, проф. богословія прот. Т. И. Буткевичъ внѣ очереди прочелъ курсистамъ 2 часовыхъ лекціи на тему о просвѣтительномъ вліяніи христіанства. Такъ какъ означенныя лекціи по своему содержанию имѣютъ общій интересъ, то считаемъ не лишнимъ воспроизвести, по памяти, нѣкоторыя наиболѣе цѣнныя мѣста. Краткій очеркъ исторіи воспитанія въ древнемъ мірѣ привелъ о. профессора къ убѣжденію, что язычеству не были извѣстны твердыя и разумныя начала воспитанія. Даже въ Римѣ, странѣ права и закона, и тамъ званіе учителя считалось унизительнымъ и должность педагоговъ принимали на себя рабы; только христіанство повѣдало міру истинный взглядъ на воспитаніе. Самъ Іисусъ Христосъ называетъ себя „равви“ и облачается званіемъ учителя. Будучи Учителемъ Божественнымъ, Онъ повѣдалъ міру истины, которыхъ дотогѣ не зналъ міръ, а въ сообщеніи этихъ истинъ Онъ употреблялъ тѣ методическіе приемы, которыми мнимо гордится современная педагогика. Методъ нагляднаго преподаванія особенно рельефно обозначился въ Его притчахъ. Поучая народъ притчами, ученикамъ онъ открывалъ истину непосредственно. Самимъ ученикамъ Онъ не сразу открывалъ истины, а постепенно вводилъ ихъ въ познаніе божественныхъ тайнъ, во всей послѣдовательности примѣняя методъ обученія отъ легкаго къ трудному, нагляднаго къ отвлеченному. Какъ истинный педагогъ, Онъ называлъ большимъ въ Царствіи Божіемъ того, кто не только сотворить, но и научить. „Не называйтесь учителями, говорилъ Онъ, своимъ ученикамъ, одинъ у васъ учитель Христосъ. Я (есмы) путь, истина и жизнь“.

На этомъ пезыблемомъ основаніи и создавалась школа христіанская. Ближайшими преемниками Іисуса Христа въ дѣлѣ учительства были Его апостолы. Въ посланіяхъ своихъ они представили намъ полный кодексъ христіанскихъ правилъ о воспитаніи дѣтей. Мать, которая въ язычествѣ совершенно была устранена отъ участія въ воспитаніи своихъ дѣтей, здѣсь признается лучшею ихъ воспитательницей. Самый духъ воспитанія, основанный прежде на строгости и тѣлесныхъ наказаніяхъ,

здѣсь получаетъ возвышенный нравственный характеръ. Далѣе, профессоръ перешолъ къ изложенію ученія отцовъ церкви о воспитаніи, представилъ историческій очеркъ лучшихъ христіанскихъ школъ, указалъ рядъ ученыхъ отцовъ и св. женъ, воспитанныхъ въ христіанскихъ школахъ и перешолъ къ исторіи христіанскаго образованія у насъ на Руси. Твердо обосновавъ свой взглядъ на воспитаніе на началахъ, изложенныхъ въ Откровеніи, онъ рѣзко провелъ грань между школами христіанскими и не христіанскими. Церковно-приходская школа, какъ школа по идеѣ своей христіанская, стремящаяся провести въ жизнь христіанскія начала, есть лучшій и наиболѣе желательный типъ русской народной школы, и потому всѣ другія школы должны стремиться къ единенію съ ней.—Лекціи проф. о. Буткевича оставили въ слушателяхъ глубокое впечатлѣніе.

Послѣ Закона Божія по своему воспитательному значенію должно бытъ признано церковное пѣніе, положенное въ основаніе церковной школы. Хотя старая земская школа и пренебрегла этимъ могущественнымъ орудіемъ религіозно-художественнаго воспитанія народа и помѣстила его въ числѣ предметовъ необязательныхъ, но церковная школа, по всей справедливости, отвела ему видное мѣсто. Церковное пѣніе стало преподаваться и на курсахъ учителей въ числѣ первыхъ предметовъ.

Въ этой особенноти церковно-приходскихъ школъ сказалась истинная черта русской народной школы. Кому неизвѣстно, съ какою любовію нашъ русскій народъ слушаетъ стройное церковное пѣніе и хорошую народную пѣсню; онъ и самъ хочетъ пѣть и учиться пѣть. Но его пѣсня, мало-по-малу исчезающая подъ напоромъ обратныхъ сторонъ цивилизаціи, потерявъ свою чистоту, задушевность, искренность, не отвѣчаетъ уже, какъ прежде, на запросы его души. И онъ проситъ и ищетъ людей, которые бы могли помочь ему, которые бы могли повести его по пути эстетическаго образованія. Здѣсь-то и должна помочь ему церковь и школа, особенно послѣдняя. Какъ учрежденіе, имѣющее свою спеціальную задачу образованіе ума и сердца, поддерживающее въ своихъ стѣнахъ строгую дисциплину, школа должна взять въ свои руки пѣніе и направить его по должному пути. Каждая школа можетъ образовать хоръ для участія въ богослуженіи и тѣмъ самымъ замѣнить одиноч-

ное пѣніе псаломщиковъ или, что представляется еще большимъ зломъ—хоры „любителей“, поставленные на „городской манеръ“ и рабски подражающіе архіерейскимъ и другимъ хорамъ. Что это за образцы церковнаго пѣнія можетъ судить всякій, кто сколько-нибудь знакомъ съ дѣятельностію большинства нашихъ регентовъ—самоучекъ. Правда, здѣсь школьный хоръ на первыхъ порахъ своей дѣятельности можетъ встрѣтить не мало препятствій. Какъ извѣстно, „представителями цивилизаціи“ по нашимъ селамъ и деревнямъ являются волостные писаря, старшины или же разбогатѣвшіе крестьяне, которые въ большинствѣ случаевъ бываютъ и попечителями школъ. Стараясь жить и думать „по образованному“, эти люди могутъ враждебно встрѣтить стройное строго церковное пѣніе; они, пожалуй, предпочтутъ ему такъ наз. „партесное“ пѣніе, полное невыдержанныхъ звуковъ, приторности сладкой мелодіи, громовыхъ эффектовъ.... Но масса оцѣнитъ усиліе школы, она съ радостью будетъ привѣтствовать свое родное, кровное, такъ легко идущее въ душу, побуждающее молиться...

Кто же, какъ не учитель, долженъ взять на себя инициативу въ дѣлѣ постановки церковнаго хора. Но при всемъ его желаніи, успѣха въ столь важномъ дѣлѣ можно ожидать лишь въ томъ случаѣ, когда онъ будетъ обладать необходимымъ запасомъ пѣвческихъ познаній. Что же должно требовать отъ учителя пѣнія въ церковно-приходской школѣ?

Прежде всего, разумѣется, онъ долженъ быть искреннимъ христіаниномъ. Во вторыхъ, онъ самъ долженъ обладать умѣньемъ пѣть. Старое пѣвческое правило—регентомъ можетъ быть только тотъ, кто долго былъ пѣвчимъ—примѣнимо здѣсь вполнѣ. Этимъ правиломъ указывается, что учитель долженъ знать весь кругъ обычныхъ церковныхъ пѣснопѣній и кромѣ того твердо читать ноты. Чтобы имѣть возможность воспользоваться этимъ матеріаломъ, необходимо обосновать теоріей весь этотъ запасъ чисто практическихъ знаній, обосновать для того, чтобы сознательно смотрѣть на исполняемое, не только слышать, но и понимать. Является далѣе необходимость въ изученіи теоріи, но опять лишь въ предѣлахъ, обусловливаемыхъ практикою. Разныя гармоническія контрапунктическія и иныя тонкости теоріи, отвлеченныя правила, общіе законы, философія музыки

—все это не нужно регенту—учителю церковной школы. Со- знательно пропѣть, понять, растолковать ту или другую пар- титтуру духовно-музыкальнаго произведенія—вотъ предѣльный пунктъ, къ которому онъ долженъ стремиться. Добиваться же умѣнья самому композиторствовать, умѣнья, требующаго хо- рошаго и полнаго знанія всей теоріи, безцѣльно, потому что на это потребуется масса времени, затрата котораго возможна лишь для человѣка, посвятившаго себя всецѣло этой области знанія.

Изъ всего сказаннаго само собою выясняется, какую про- грамму долженъ пройти будущій регентъ—учитель, а такъ какъ лекціи по пѣнію на педагогическихъ курсахъ имѣютъ своею цѣлію образованіе опытныхъ учителей церковнаго пѣнія, то таже самая программа была положена въ основу занятій по церковному пѣнію и на курсахъ.

Программа распадается на три отдѣла: 1) Чисто-практиче- скій—изученіе круга церковныхъ пѣснопѣній обычнаго рас- пѣва, чтеніе и пѣніе всевозможныхъ произведеній, игра на инструментахъ, необходимыхъ въ школѣ; 2) теоретическій, анализирующій все добытое въ отдѣлѣ первомъ и выводящій отсюда необходимые правила; и, наконецъ, 3) методическій, заключающій въ себѣ методику преподаванія церковнаго пѣнія и методику хороваго пѣнія. Возможно, конечно, и болѣе частное дѣленіе, но эти три пункта являются главными и слу- жать, такъ сказать, вѣхами, которыхъ слѣдуетъ держаться.

Въ предѣлахъ указанной программы и велось преподаваніе пѣнія первоначально подъ руководствомъ одного лектора. Но въ скоромъ времени лекторъ г. Ковинъ пришелъ къ заключе- нію, что для болѣе успѣшнаго хода учебнаго дѣла необходимо образовать по меньшей мѣрѣ 2 группы слушателей,—старшую и младшую. Основаніемъ для такого дѣленія послужило зна- комство съ пѣвческими познаніями курсистовъ. Одни изъ нихъ получили образованіе въ духовныхъ семинаріяхъ и потому были знакомы съ главнѣйшими основаніями пѣнія и музыки, другіе— въ учительскихъ семинаріяхъ, третьи состояли пѣвчими въ хорахъ, а нѣкоторые не имѣли и самыхъ элементарныхъ свѣдѣній въ области пѣнія. Руководителемъ пѣнія младшей группы былъ приглашенъ свящ. І. Петровскій, который въ теченіи 23 часо- выхъ уроковъ прошелъ элементарную теорію музыки и сообщилъ

необходимыя свѣдѣнія изъ элементарной гармоніи. Не смотря на дѣленіе слушателей на 2 группы, среди курсистовъ нашлось около 5 человекъ, которые были выдѣлены, по ихъ просьбѣ, въ особую группу нуждающихся въ сообщеніи самыхъ элементарныхъ свѣдѣній по теоріи пѣнія. Свящ. Петровскій былъ и регентомъ общаго курсоваго хора, который былъ имъ организованъ и поставленъ на должную высоту.—Для усовершенствованія въ пѣніи подъ руководствомъ обоихъ лекторовъ, курсисты во всякое свободное время занимались пѣніемъ и разучиваніемъ въ порядкѣ обихода разныхъ церковныхъ пѣснопѣній и гимновъ. Этимъ занятіямъ преимущественно посвящалось время предъ обѣдомъ и послѣ ужина.

Не довольствуясь классными уроками пѣнія, нѣкоторые изъ курсистовъ изъявили желаніе учиться игрѣ на скрипкѣ. Всѣхъ желающихъ оказалось 12 человекъ, въ томъ числѣ 3 учительницы. Урокъ скрипичной игры начинался въ 7^{1/2} ч. у. и оканчивался въ 8^{1/2} ч.; еженедѣльно было отъ 4-хъ до 6 уроковъ. За это время учащіеся успѣли довольно твердо усвоить исполненіе гаммы *до* „мажоръ“, при чемъ звуки гаммы писались въ различныхъ положеніяхъ. Была изучена гамма *солъ* „мажоръ“. Лучшіе изъ учащихся исполняли несложные музыкальные примѣры въ двѣ скрипки.

Искусство музыкальной игры имѣетъ особенное значеніе для тѣхъ учителей, которые, хотя и знаютъ пѣніе, но не обладаютъ голосомъ, чтобы учить, или же имѣютъ слабую грудь. Въ виду этого распространеніе музыкальных инструментовъ въ школахъ желательно и необходимо. Но такъ какъ существующіе у насъ музыкальные инструменты, какъ фисгармонія, фортепіано, дороги по цѣнѣ и трудны по механизму игры, то инспекторъ народныхъ училищъ г. Одессы А. Шпановскій для устраненія этого неудобства изобрѣлъ такъ наз. *мелогармонію*, одинъ экземпляръ которой и былъ имъ присланъ на курсы для пробы.

По мнѣнію лектора Ковина, нельзя признать желательнымъ распространеніе этого инструмента. Отъ каждаго инструмента, предназначеннаго для народной школы, въ качествѣ пособія на урокахъ пѣнія, требуются слѣдующія качества. Такой инструментъ долженъ быть дешевъ, проченъ, простъ по конструкціи, удобенъ для класснаго употребленія и, наконецъ, онъ не

долженъ требовать для игры на немъ особой техники. Мелогармонія г. Шпановскаго очень мало удовлетворяетъ этимъ требованіямъ. Дешевизна ея подь сомнѣніемъ: 16—20 р.—не столь малая сумма, чтобы ею могла располагать всякая школа. Но стоимость мелогармоніи еще болѣе увеличится, если примемъ во вниманіе непрочность инструментовъ такого типа вообще. Всѣ эти мѣха, пластинки—голоса, кнопки—клавиши подвержены слишкомъ частой порчѣ, на исправленіе ихъ нужны деньги, хотя и не большія для каждаго отдѣльнаго случая, но какъ часты могутъ быть эти случаи, при ежедневномъ употребленіи инструмента! Настраиваніе инструмента тоже не легкая задача; не трудно поскоблить *язычекъ*, но чтобы увѣриться, настроился-ли инструментъ прійдется не одинъ разъ снять и опять привинтить крышку—кропотливая и отнимающая много времени работа, времени, которое такъ дорого для учителя. За мѣна сломавшихся голосовъ новыми и случаи порчи, требующіе работы спеціалиста—мастера, такъ же не представляетъ особенныхъ удобствъ. Мастера въ деревнѣ отыскать не легко, да и вообще мастера не охотно берутся за такія работы не сложныя по существу, но отнимающія много времени.

Самое употребленіе *мелогармоніи* въ классѣ также неудобно. Растягиваніе мѣховъ (довольно тяжелое въ присланномъ инструментѣ), мѣшающее свободному, непринужденному движенію пальцевъ, утомляющее руки, которые должны сверхъ того держать и самый инструментъ,—все это не представляетъ удобствъ и не можетъ идти въ сравненіе, напримѣръ, съ трехъ—октавнымъ народнымъ *гармони-флотомъ* на подставкѣ и съ педалью, стоящимъ столько же.

Достоинствомъ инструмента является постоянство издаваемого тона и легкость обученія. Но первое необходимо лишь для учителей пѣнія, не обладающихъ музыкальнымъ слухомъ, а число такихъ учителей очень не велико. Что касается легкости изученія игры на этомъ инструментѣ, то это—важное преимущество мелогармоніи, но оно не искупаетъ перечисленныхъ недостатковъ и не можетъ поставить инструментъ въ число желательныхъ для школы. Лучше скрипки по дешевизнѣ и удобствамъ пока инструмента нѣтъ, и попытки замѣнить ее инструментами въ родѣ „метрофона“ г. Миропольскаго и „мелогармоніи“ г. Шпановскаго нельзя признать удачными.

Лекціи по педагогикѣ и методикѣ русскаго языка съ церковно-славянскимъ, какъ сказано, были читаны Н. Н. Страховымъ. Основная тенденція, проходившая во всѣхъ его чтеніяхъ и по педагогикѣ съ дидактикой, и по методикѣ русскаго яз. съ церк.-славянскимъ—та, что въ обученіи самое главное это его воспитательное вліяніе на учащихся, что обученіе безъ воспитанія, можно сказать, ничто. Если наша народная школа до сихъ поръ очень мало оказала вліянія на народную жизнь, если грамотность, сообщаемая школой, мало прививается въ народныя массы и грамотный народъ очень часто совсѣмъ не пользуется грамотностію, въ смыслѣ, на примѣръ, самообразованія, мало читаетъ, а часто и совсѣмъ забываетъ грамоту, то все это отъ того, что до сихъ поръ въ школахъ преслѣдовалась главнымъ образомъ учебная цѣль—сообщеніе знаній и мало обращалось вниманія на воспитательныя стороны обученія. Между тѣмъ, если ближайшая цѣль школы просвѣтитъ темный народъ и способствовать поднятію и возвышенію его жизни, подготовить учащихся къ жизни болѣе разумной и осмысленной, то для этого недостаточно снабдить ихъ извѣстнымъ запасомъ знаній, какой они могутъ вынести изъ школы, а нужно создать такое настроеніе его силъ и способностей, которое могло бы служить постояннымъ двигателемъ въ саморазвитіи, въ самоусовершенствованіи. Въ такомъ именно возбужденіи и направленіи духовныхъ силъ учащихся нужно признать прямую и самую главную цѣль обученія. Проводя послѣдовательно эту самую тенденцію во всѣхъ своихъ чтеніяхъ, Н. Н. Страховъ одно изъ такихъ чтеній посвятилъ подробному и обстоятельному разбору этой основной мысли своихъ педагогическихъ воззрѣній.

Нельзя не отмѣтить и той важной особенности лектора, что во всѣхъ своихъ чтеніяхъ какъ по педагогикѣ, такъ и по методикѣ, онъ стремился къ уясненію всѣхъ положеній чрезъ иллюстрацію, примѣры. Всякій приѣмъ, всякое положеніе своей рѣчи онъ освящалъ тѣмъ или другимъ примѣромъ. Говоря объ объяснительномъ чтеніи и выясняя, какъ его нужно вести и какіе приѣмы слѣдуетъ признать наиболѣе цѣлесообразными, онъ бралъ извѣстную фразу и путемъ анализа этой фразы, детально разяснялъ слушателямъ, въ чемъ состоитъ и должно состоять это объяснительное чтеніе. Самая педагогика

въ его лекціяхъ не есть сухая теорія воспитанія. мало говорящая сердцу и не отвѣчающая непосредственно на вопросы жизни; она является у него живою, понятною, жизненною, такъ какъ всѣ теоретическія положенія науки онъ непосредственно примѣнялъ то къ обученію, которое безъ воспитательнаго элемента не имѣетъ никакого значенія, то къ школѣ и самой жизни. Въ виду особенной важности предмета педагогики число часовыхъ чтеній по этому предмету было увеличено до 20. Къ этому побуждало еще и то обстоятельство, что педагогика — главная и основная наука въ ряду всѣхъ другихъ; предметы, подлежащіе вѣдѣнію этой науки, составляютъ основныя положенія всякой методики. Всякая методика требуетъ, чтобы, при сообщеніи свѣдѣній по тому или другому предмету, былъ строго соблюдаемъ постепенный переходъ отъ нагляднаго къ отвлеченному, отъ простаго къ сложному. Педагогика же даетъ основаніе для этого требованія, уясняя законъ развитія душевной жизни, восходящій отъ простѣйшихъ состояній — ощущеній и представленій, къ болѣе сложнымъ понятіямъ и сужденіямъ простымъ и общимъ. Методика географіи и исторіи требуетъ при обученіи наглядныхъ пособій, въ видѣ картъ, черченія, экскурсій и т. п. Педагогика же осмысливаетъ такое требованіе; значеніе наглядности въ обученіи она усматриваетъ въ томъ законѣ душевной жизни, что знанія запечатлѣваются въ насъ гораздо глубже, если воспринимаются различными чувствами и съ разныхъ сторонъ. — Философскій складъ мысли лектора, стройное логическое теченіе его рѣчи, ясность сужденій при крайней простотѣ внѣшняго изложенія и, наконецъ, логическая дикція сообщали его курсу глубокую убѣдительность и захватывающій интересъ.

Лекціи по методикѣ русскаго языка съ церковно-славянскимъ были читаны тѣмъ же лекторомъ. Хотя въ проэктѣ программы для второклассныхъ школъ церковно-славянскій языкъ и занимаетъ обособленно отъ русскаго языка положеніе, какъ предметъ самостоятельный, но лекторъ въ своихъ чтеніяхъ поставилъ задачею параллельно изложить слушателямъ законы и формы того и другаго языка. Палагая въ основу методикѣ русскаго языка, онъ попутно, гдѣ ему представлялось естественнымъ и цѣлесообразнымъ, касался и церковно-славянскаго языка, и чрезъ сопоставленіе формъ того и другаго приходилъ къ вы-

ясненію этимологическихъ и синтаксическихъ особенностей этихъ языковъ. Намъ кажется, что такая постановка должна быть признана и самою разумною, и наиболее педагогичною, и самою естественною. Обособленное изученіе двухъ сходныхъ между собою языковъ можетъ повести къ смѣшенію понятій, потребуетъ большаго напряженія памяти, тогда какъ при параллельномъ ихъ изученіи, законы и формы этихъ языковъ сами собою естественно усвоятся чрезъ ихъ сопоставленіе. Выясняя, напримѣръ, вопросъ объ обученіи грамотѣ, лекторъ сначала имѣетъ въ виду одинъ русскій языкъ, потомъ, когда вопросъ о русскомъ языкѣ исчерпанъ, онъ переходитъ къ славянскому и ведетъ рѣчь объ отличіи славянскаго яз. и славянской письменности отъ русской. Если такую постановку признать наиболее целесообразною, то естественно, что и въ самый проектъ необходимо внести это существенное измѣненіе.

Для того, чтобы показать на опытѣ примѣненіе нѣкоторыхъ методическихъ приемовъ преподаванія по обученію чтенію и письму, лекторъ предложилъ нѣкоторымъ наиболее опытнымъ учителямъ, въ присутствіи живой школы, дать нѣсколько образцовыхъ уроковъ. Уроки даны были слѣдующими учителями: Васютинымъ, Приходинымъ, Соколовымъ и Гречко. Не входя въ обсужденіе образцовыхъ уроковъ, которые, нужно сказать, отличались вообще хорошимъ достоинствомъ, нужно замѣтить, что эти уроки имѣютъ громадное педагогическое значеніе. Кѣмъ бы ни былъ данъ образцовый урокъ,—опытнымъ ли учителемъ, извѣстнымъ продолжительною педагогическою практикою, или учителемъ посредственнымъ, значеніе его несомнѣнно. Въ числѣ курсистовъ не мало слушателей совершенно незнакомыхъ съ дѣломъ обученія, и для такихъ весьма важно прослушать живой урокъ опытнаго учителя. Не бесполезно и для опытныхъ учителей въ присутствіи аудиторіи провѣрить результаты продолжительной практики преподаванія и сравнить свои взгляды и приемы со взглядами и опытностію другихъ учителей. Критическое отношеніе къ дѣлу преподаванія, которому дается здѣсь полный просторъ подъ руководствомъ опытнаго лектора, многихъ можетъ заставить совершенно измѣнить и поступиться своими ложными, хотя и установившимися, воззрѣніями на дѣло обученія.

Для ознакомленія съ постановкою преподаванія географіи и

исторіи лекторъ І. К. Корнѣенко предъ началомъ своихъ чтеній раздалъ курсистамъ вопросные листки, на которые въ тотъ же день они должны были дать свои отвѣты. Вопросы эти одновременно были заданы не только учителямъ двухклассныхъ и второклассныхъ школъ, гдѣ изученіе географіи и исторіи требуется самою программю, но и учителямъ школъ одноклассныхъ на томъ основаніи, что сообщеніе географическихъ и историческихъ свѣдѣній, согласно объяснительной запискѣ, рекомендуется при чтеніи на урокахъ русскаго языка и въ школахъ одноклассныхъ. Всѣ учителя одноклассныхъ школъ дали согласные отвѣты въ томъ, что ни географіи, ни исторіи нигдѣ отдѣльныхъ часовъ не посвящалось, но вездѣ давались свѣдѣнія объ отечествѣ въ связи съ чтеніемъ рекомендованныхъ Уч. Совѣтомъ при Св. Синодѣ учебныхъ пособій и книгъ для внѣкласснаго чтенія, каковы: Радонежскій, Поливановъ, Поповъ и др. Правда, въ одной изъ Ставропольскихъ одноклассныхъ школъ изучалось родиновѣдѣніе по запискамъ учителя, составленнымъ на основаніи учебнаго руководства по географіи, а въ двухъ другихъ—географическія свѣдѣнія почерпались учащимися изъ учебниковъ Лебедева и Смирнова, которые служили здѣсь книгами для чтенія. Карты и глобусы, равно какъ и другія пособія по исторіи и географіи, встрѣчаются въ одноклассныхъ школахъ, какъ исключенія.

Иначе поставлено дѣло въ двухклассныхъ и второклассныхъ школахъ. Въ виду краткости программы по географіи въ двухклассныхъ школахъ и различныхъ возрѣній на значеніе исторіи и географіи въ ряду прочихъ предметовъ преподаванія, изученіе этихъ предметовъ въ разныхъ школахъ поставлено различно. Такъ, въ однихъ двухклассныхъ школахъ на преподаваніе исторіи и географіи удѣляется въ недѣлю по два урока, въ другихъ отдается предпочтеніе географіи и удѣляется исторіи только одинъ урокъ въ недѣлю и въ третьихъ, наконецъ, два урока удѣляется на географію и три на исторію. Въ нѣкоторыхъ второклассныхъ школахъ на географію и исторію назначалось по два и по три урока въ недѣлю, а въ другихъ на исторію—пять уроковъ, а на географію—одинъ, [или же, какъ это сдѣлано въ одной изъ второклассныхъ школъ, на исторію назначено два часовыхъ урока, а на географію—одинъ.

Въ самомъ объемѣ и порядкѣ преподаванія географіи наблюдается не малое разнообразіе. Одни учителя придерживаются синтетическаго способа изложенія учебнаго матеріала и руководствуются учебникомъ Пуцыковича, другіе, наоборотъ, первоначальное знакомство съ географіей начинаютъ съ міровѣдѣнія и пользуются учебникомъ географіи Смирнова, Баранова или же Лебедева. Наибольшее распространеніе въ церковныхъ школахъ имѣетъ учебникъ Пуцыковича, наименьшее—Смирнова. Что касается исторіи, то учебникъ Рождественскаго является повсюду распространеннымъ и единственнымъ. Въ качествѣ побочнаго пособія для восполненія пробѣловъ въ указанномъ руководствѣ учителя пользуются книгою „Бесѣды по русской исторіи“. Преподаваніе исторіи и географіи во всѣхъ школахъ ведется отдѣльно и только въ нѣкоторыхъ, въ видѣ исключенія, оно ведется одновременно. Во всѣхъ двухклассныхъ и второклассныхъ школахъ имѣются глобусы, карты, атласы, а въ образцовыхъ школахъ при семинаріяхъ сверхъ того теллурии, планетаріи и картины историческаго и географическаго содержанія. Въ нѣкоторыхъ школахъ совершались экскурсіи на поля и рѣки для изученія земной поверхности, для сбора лекарственныхъ растений и медоносныхъ травъ.

Главнѣйшее затрудненіе, какое встрѣчается при изученіи исторіи и географіи въ двухклассныхъ и второклассныхъ школахъ—это недостатокъ времени, отсутствіе учебныхъ руководствъ и пособій и общій характеръ программы.

Ознакомившись съ постановкой изученія исторіи и географіи въ церковныхъ школахъ, лекторъ перешелъ къ изложенію методики.—Значеніе исторіи для развитія силъ и способностей человѣка, матеріальное значеніе исторіи, исторія методовъ въ историческихъ наукахъ и методъ прогрессивно-хронологическій какъ самый целесообразный, учебники и книги для выѣснаго чтенія по исторіи—вотъ общія темы, по поводу которыхъ лекторъ велъ бесѣды по исторіи въ теченіи 10 лекцій. Желая внести нѣкоторое оживленіе въ чтеніе сухой методики, лекторъ прочелъ курсистамъ двѣ лекціи, имѣющія ближайшій интересъ въ дѣлѣ православно-христіанскаго просвѣщенія; первую—о свв. Кириллѣ и Меѳодіи и ихъ религіозно-просвѣтительной

дѣятельности, вторую—о св. Сергіѣ Радонежскомъ и его значеніи въ исторіи монашества и просвѣщенія.

Въ виду недостатка существующихъ въ русской литературѣ руководствъ по методикѣ и исторіи, напечатаніе лекцій Г. К. Корнѣнко было бы весьма желательно.

Лекціи по географіи также не были сухимъ изложеніемъ методики этого предмета. Говоря о формальномъ и матеріальномъ значеніи географіи, какъ учебнаго предмета, о методахъ школьной географіи, постановкѣ ея преподаванія въ школахъ одноклассныхъ, двухклассныхъ и второклассныхъ, наглядныхъ пособіяхъ и учебникахъ, лекторъ всегда старался оживлять свои чтенія, внося въ нихъ изложеніе нѣкоторыхъ отдѣловъ географіи. По просьбѣ своихъ слушателей, онъ ознакомилъ ихъ съ бібліотекою наиболее доступныхъ пособій и книгъ для внѣ-класснаго чтенія по предмету географіи. Не малое оживленіе въ чтенія внесли образцовые уроки учителей курсистовъ во временно-организованной церковной школѣ. По исторіи уроки давали: Чебановъ, Клавсусъ, Ооменко и Олтаржевскій; по географіи: Парадіевъ, Страновскій, Бановъ и Петрусенко. Всѣ уроки прошли болѣе или менѣе удовлетворительно; критическія замѣчанія харьковскаго курсиста г. Приходина были весьма характерны для сужденія о постановкѣ преподаванія исторіи въ церковныхъ школахъ.

Въ основу чтеній по ариѳметикѣ, согласно проекту программы для второклассныхъ школъ, лекторъ И. В. Кудревичъ положилъ пособія С. Шохоръ-Троцкаго. Этотъ новый авторитетъ въ постановкѣ преподаванія ариѳметики, принятый и нашею церковною школою, несомнѣнно, обладаетъ крупными достоинствами. Нельзя съ нимъ не согласиться въ томъ, что его методика и учебныя руководства, имъ составленныя, свободны отъ тѣхъ несовершенствъ, какими страдаетъ у насъ обученіе ариѳметикѣ по существующимъ доселѣ руководствамъ, а именно: внося въ ариѳметику чуждыя ей начала и ученія, уча, стало-быть, не тому, чему слѣдуетъ учить, они въ то же время не учатъ тому, чему слѣдуетъ; кромѣ того и приемы обученія въ нихъ не отличаются ни достаточною простотою и естественностію, ни достаточною пригодностію. Но, стремясь освободиться отъ этихъ недостатковъ, г. Шохоръ-Троцкій въ своемъ увле-

ченіи оригинальністю впадаєть въ немалыя погрѣшности противъ издавна установившихся и опытомъ одобренныхъ примѣмовъ. Лекторъ И. В. Кудревичъ, держась системы г. Шохоръ-Троцкаго, попутно указывалъ курсистамъ и наиболѣе выдающіеся ея недостатки, осмысливая ее путемъ сравнительнаго анализа съ другими системами. Замѣчанія его относительно методики Шохоръ-Троцкаго слѣдующія: 1) въ первый годъ обученія, когда изучаются дѣйствія надъ числами въ предѣлахъ отъ 1 до 100, не дѣлается дѣленія двузначнаго числа на однозначное въ случаѣ двузначнаго частнаго, а проходитъ это только въ третьемъ году обученія (на 17-й ступени). Такое распредѣленіе учебнаго матеріала не имѣетъ основаній, такъ какъ указанный случай дѣленія всецѣло относится къ числамъ первой сотни и безъ всякихъ затрудненій можетъ быть пройденъ на первомъ году обученія. 2) Слѣдовало бы сдѣлать разнообразнѣе задачи, задаваемые для рѣшенія съ помощію учителя и для самостоятельныхъ упражненій учениковъ; первыя могли бы быть сдѣланы болѣе сложными—не на одно, а на два или на три дѣйствія, для вторыхъ можно было бы прибавить въ первый же годъ обученія примѣры на вычисленія со скобками. 3) Предлагаемыя Шохоръ-Троцкимъ расположенія вычисленій при умноженіи многозначныхъ чиселъ, при раздробленіи именованныхъ чиселъ и въ нѣкоторыхъ другихъ случаяхъ нельзя назвать удачными. По крайней мѣрѣ нѣтъ никакихъ основаній замѣнять ими до сихъ поръ практиковавшихся расположеній. 4) Нѣтъ надобности различать особенными знаками случаи дѣленія на части и дѣленія по содержанию, такъ какъ выдержать это различіе въ знакахъ до конца курса врядъ-ли будетъ возможно.

Отмѣчая указанные и многіе другіе недостатки методики и ариѳметическихъ руководствъ Шохоръ-Троцкаго, лекторъ въ своихъ чтеніяхъ съ особеннымъ вниманіемъ останавливался также и на тѣхъ особенностяхъ, которыя составляютъ дѣйствительно цѣнныя достоинства его системы по сравненію съ доселѣ существующими.—Вообще же слѣдуетъ замѣтить, что значеніе всякой методики условно. Всякая даже посредственная методика въ рукахъ хорошаго учителя можетъ имѣть несомнѣнное значеніе, если онъ въ состояніи критически отнестись къ ней, до-

казать и повѣрить ея пригодность или негодность; такой учитель не будетъ рабски слѣдовать одной опредѣленной методикѣ, а извлечетъ изъ всѣхъ существующихъ методикъ все, что найдеть въ нихъ хорошаго. Если же онъ учитель посредственный, неимѣющій за собою опыта и педагогическаго такта, то въ рукахъ его и идеальная методика будетъ имѣть сомнительное значеніе.

Приступая къ пробнымъ урокамъ по ариметикѣ, лекторъ образовалъ временную школу изъ учениковъ церковныхъ школъ, въ составъ которыхъ вошли 4 группы учащихся дѣтей, и предварительно самъ прошелъ съ ними нѣкоторые отдѣлы счисленія. Это онъ сдѣлалъ съ тою цѣлью, чтобы самому ознакомиться съ характеромъ и познаніями учащихся и болѣе смѣло и увѣренно руководить образцовыми уроками курсистовъ. Дѣйствительно, пробные уроки прошли съ большою пользою для курсистовъ. Данные курсистами уроки всѣ были удовлетворительны и подверглись оживленной критической оцѣнкѣ.

Геометрическимъ черченіемъ и землемѣріемъ начинается рядъ лекцій, имѣющихъ чисто практическое значеніе. Цѣль обученія воспитанниковъ второклассной школы симъ предметамъ, какъ говорится въ краткой объяснительной запискѣ, только отчасти образовательная; преимущественно же это обученіе преслѣдуетъ цѣль практическую; необходимо только достигнуть того, чтобы будущій учитель грамоты не былъ человѣкомъ слѣпымъ въ вопросахъ о пространственныхъ величинахъ. Этимъ, конечно, не исключается и возможность внесенія въ занятія воспитанниковъ второклассной школы означенными предметами также и образовательнаго вліянія на умъ и геометрическое воображеніе учениковъ.

Сообразно со смысломъ означенной записки, лекторъ послѣдовательно изложилъ въ самой общедоступной формѣ, въ какой эти познанія должны быть преподааны учащимся, {свѣдѣнія по программѣ, вручивъ предварительно курсистамъ подробные конспекты своихъ чтеній по урокамъ. Для черченія, снимки плановъ и фасадовъ курсисты завели у себя тетради, въ которыя занесли свыше 15 чертежей.

Тотъ же лекторъ изложилъ слушателямъ курсовъ и нѣкоторыя свѣдѣнія изъ области физики, химіи и космографіи, какія, признаны наиболѣе необходимыми для учителей второклассныхъ

школь. Въ постановкѣ преподаванія этихъ предметовъ, по смыслу проэкта, преслѣдовались не столько научныя цѣли, сколько практическія. Во второклассныхъ школахъ прійдется давать нѣкоторыя объясненія, совѣты и указанія по предметамъ, относящимся къ сельскому хозяйству. Какъ бы ни были малы и элементарны такія объясненія, все же они должны быть правильными и не давать невѣрныхъ свѣдѣній; а для этого необходимо дать нѣкоторыя основныя свѣдѣнія о тѣлахъ и явленіяхъ насъ окружающихъ, которыя могли бы помочь уясненію вопросовъ изъ сельскаго хозяйства. Такъ напр., если учителю прійдется объяснять что-либо относительно роста и питанія хлѣбныхъ злаковъ, то очевидно, необходимо дать при этомъ нѣкоторыя понятія о раствореніи водою почвенныхъ солей, о движеніи соковъ въ растеніи и объ обмѣнѣ веществъ подъ вліяніемъ воздуха и солнечныхъ лучей и т. п.

Само собою разумѣется, что въ теченіи 10-ти часовыхъ бесѣдъ нельзя было разобрать всѣ детали и научить всему, что необходимо; поэтому вниманіе слушателей было остановлено на болѣе существенномъ. Кромѣ того лекторъ изложилъ курсистамъ свѣдѣнія о приготовленіи приборовъ для опытовъ и нѣкоторыхъ наиболее необходимыхъ инструментовъ; при этомъ сами курсисты, по его указаніямъ, изготовили аэростатъ, модели блоковъ, модель ворота, приборы для доказательства расширенія твердыхъ, жидкихъ и газообразныхъ тѣлъ, волшебный фонарь съ одной лампой и волшебный фонарь съ двумя лампами, приборъ для добыванія водорода... Пособіемъ при исполненіи этихъ и другихъ работъ послужилъ „Сборникъ первоначальныхъ опытовъ“ Я. П. Ковальскаго. Всѣ послѣдующія бесѣды были посвящены преимущественно методическимъ и дидактическимъ указаніямъ относительно исполненія предложенной программы.—Бесѣды лектора возбуждали особенный интересъ въ виду того, что онѣ постоянно оживлялись опытами, производимыми съ помощью инструментовъ и приборовъ, взятыхъ изъ физическаго кабинета X. д. семинаріи. Ни одно даже простѣйшее явленіе и законъ природы лекторъ не оставлялъ безъ того, чтобы не демонстрировать его на опытѣ. Приемы лектора такъ просты и наглядны, рѣчь его настолько понятна, а опыты

убѣдительно, что нельзя сомнѣваться въ дѣйствительныхъ успѣхахъ, достигнутыхъ имъ и при маломъ количествѣ лекцій.

Введеніе сельскаго хозяйства въ программу курса второклассныхъ школъ въ основѣ своей имѣетъ глубокой практической смыслъ. Во второклассныхъ школахъ обучаются дѣти крестьянъ, которыя впослѣдствіи должны сами сдѣлаться учителями школъ грамоты. Если эти учителя достаточно ознакомятся съ предметомъ сельскаго хозяйства теоретически и практически, и сами сдѣлаются руководителями крестьянскихъ дѣтей, то естественно, что чрезъ это самое должно подняться и благосостояніе всей страны. Сознвая наиболѣе цѣлесообразнымъ подобный способъ проведенія въ деревню сельско-хозяйственныхъ знаній Государь Императоръ въ истекшемъ маѣ мѣсяцѣ Высочайше утвердилъ докладъ Министерства Земледѣлія о разрѣшеніи бесплатнаго отведенія участковъ земли изъ казенныхъ угодій на каждую начальную школу, не исключая и школъ грамоты. На этихъ участкахъ учителя народныхъ школъ должны развести сады, огороды и пасѣки, которыя послужатъ образцовыми фермами для окрестнаго населенія. Само собою разумѣется, что эта задача гораздо въ большей мѣрѣ возлагается на школы второклассныя, при которыхъ уже имѣются участки земли не менѣе 5 десятинъ. Второклассная школа должна сдѣлаться двигателемъ и разсадникомъ сельско-хозяйственнаго образованія. Но эта цѣль можетъ быть достигнута въ томъ только случаѣ, когда при второклассныхъ школахъ будутъ и образцовые земледѣльцы. Курсы сельскаго хозяйства нельзя признать достаточными для этой цѣли.

Практика сельско-хозяйственныхъ курсовъ, устраиваемыхъ ежегодно при Харьковскомъ Земледѣльческомъ Училищѣ, показываетъ, что для основательнаго прохожденія курса садоводства необходимо 30 часовыхъ теоретическихъ лекцій и 50 часовыхъ практическихъ занятій. Такой курсъ вводитъ слушателей въ кругъ сельско-хозяйственныхъ знаній и дѣлаетъ для него доступнымъ популярную сельско-хозяйственную литературу, благодаря которой молодой садовникъ, предоставленный себѣ, съ успѣхомъ можетъ заниматься садоводствомъ. Разумѣется, что такіе результаты недостижимы при 22-хъ теоретическихъ и практическихъ урокахъ, тѣмъ болѣе, что самое

количество слушателей затрудняетъ демонстрацію и проверку ихъ знаній. Краткость времени побуждала лектора торопиться сообщеніемъ главнѣйшихъ отдѣловъ курса, вслѣдствіе чего въ познаніяхъ слушателей получилось не мало существенныхъ пробѣловъ.—Желая облегчить слушателямъ усвоеніе предлагаемыхъ свѣдѣній по садоводству, лекторъ старался вести свои чтенія по возможности наглядно. Пособія для нагляднаго преподаванія доставлялись имъ изъ Харьковскаго земледѣльческаго училища: модели зерна, ростка, древесины, коры, наглядныя таблицы по садоводству, растеніеводству, плодоводству и т. п.

Съ цѣлью практическаго ознакомленія съ садоводствомъ и закрѣпленія тѣхъ свѣдѣній, которыя были сообщены въ аудитории, курсистами было предпринято двѣ научныя экскурсіи въ фруктовый садъ Г. А. Грикке и въ садъ декоративныхъ деревьевъ того же садовладѣльца. Здѣсь лекторъ въ теченіе 8 часовъ на живыхъ образцахъ показалъ, какъ слѣдуетъ производить окулировку растущимъ и спящимъ глазкомъ и съемку глазка съ окулянта; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ прочелъ лекцію о воспитаніи дичковъ въ школѣ и подготовкѣ ихъ къ облагораживанію—къ окулировкѣ и прививкѣ, главнѣйшихъ способахъ прививки дичковъ и т. п. Для сбереженія времени пришлось отказаться отъ дальнѣйшихъ посѣщеній удаленныхъ отъ зданія семинаріи садовъ и перенести практическія занятія въ семинарскій садъ. Посадку деревьевъ курсисты производили въ семинарскомъ саду. Ознакомивши курсистовъ съ главнѣйшими приемами посадки деревьевъ, лекторъ попутно изложилъ имъ руководственныя указанія о времени посадки, обрѣзкѣ корней и вѣтвей у пересаживаемыхъ деревьевъ, о значеніи этой обрѣзки, обрѣзкѣ кроны на плодоношеніе, прививкѣ кроны, моложеніи кроны старыхъ деревьевъ и т. п. Кромѣ того, курсистамъ были преподаны общія свѣдѣнія о разведеніи между деревьями огородныхъ, ягодныхъ и лекарственныхъ растеній и важнѣйшихъ условій разведенія смородины, крыжовника, клубники и земляники.

Чтобы дать возможность своимъ слушателямъ самостоятельно продолжать занятія по садоводству, лекторъ Плодовскій сдѣлалъ выборку {наиболѣе популярныхъ, общедоступныхъ и полезныхъ книгъ по сельскому хозяйству какъ для домашняго

чтенія и даровой раздачи курсистамъ, такъ, главнымъ образомъ, для того, чтобы они, сдѣлавшись учителями, не могли затрудняться, къ какимъ руководствамъ имъ слѣдуетъ обращаться за свѣдѣніями и какими книгами полезнѣе было бы снабдить библіотеки церковно-приходскихъ школъ. Въ составъ каталога библіотечки вошли лучшія по качеству и наиболѣе доступныя по дешевизнѣ сочиненія русскихъ и иностранныхъ писателей по садоводству, лѣсоводству, огородничеству, травосѣянію и проч. *). Въ заключеніе лекторъ заявилъ, что онъ весьма охотно готовъ прибѣгнуть на помощь молодымъ хозяйкамъ и письменнымъ путемъ устранить недоразумѣнія, могущія возникнуть на первыхъ порахъ веденія новаго дѣла. Съ своей стороны и Земледѣльческое Училище, въ силу распоряженія Министерства Земледѣлія, охотно будетъ прибѣгать на помощь всѣмъ учите-

*) По садоводству:

- 1) Руководство къ разведенію школьныхъ и промышленныхъ плодовыхъ садовъ въ южной Россіи В. Я. Паржика.
- 2) Воспитаніе плодовыхъ деревьевъ и кустарниковъ въ питомникѣ и ихъ посадка въ плодовой садъ. А. Ф. Рудзскій.
- 3) Крестьянскій садъ. Эдмунда Янковскаго. М. Р.
- 4) Плодовая школа и плодовой садъ. Руководство къ культурѣ плодовыхъ деревьевъ въ южн. част. Россіи М. Н. Раевского.
- 5) Бесѣды Оомы Максимыча съ крестьянскими мальчиками о разведеніи плодовыхъ деревьевъ. Эдуарда Рего.
- 6) Какъ устраивать сады при народныхъ школахъ. Наставленіе для учителей, земскихъ дѣятелей и др. И. И. Мещерскій.

Луговодству:

- 7) Луга и ихъ улучшеніе. В. Г. Бажаевъ.
- 8) Какъ выгоднѣе крестьянамъ землю обрабатывать. А. И. Костаревъ.
- 9) Основы земледѣлія. Элементарно-научное руководство для учителей начальныхъ школъ и сельскихъ хозяевъ. Рене Лебланъ.
- 10) Культура-лекарственныхъ растений. В. Пашкевичъ.
- 11) Объ улучшеніи луговъ и о посѣвѣ травъ. Руководство для крестьянъ. С. И. Дремцовъ.
- 12) Руководство къ правильному устройству травосѣянія В. Бажаевъ.

Огородничеству:

- 13) Краткій учебн. огородничества и плодовод. (для юга Россіи) Э. Н. Клаусенъ.
- 14) Плодовое и ягодное винодѣліе К. Ш. Веберъ.
- 15) Домашняя сушка плодовъ и овощей. С. Вороновъ.
- 16) Приготовленіе консервовъ изъ плодовъ и ягодъ и производство плодовыхъ винъ А. И. Онуфровича и Л. А. Черноглазова.
- 17) Вредные и полезные посѣвы плод. сѣм. А. Ф. Рудзскій.
- 18) Практическіе совѣты. 27 брош. Е. Аверкіева.
- 19) Бесѣды объ огородѣ. Е. Адвекіева.

лямъ народныхъ училищъ, разрѣшая бесплатный отпускъ деревьевъ и сѣмянъ для разведенія школьныхъ садовъ и огородовъ на сумму до 15 руб.

Изъ другихъ отраслей сельскаго хозяйства курсисты были ознакомлены съ пчеловодствомъ. Короткій промежутокъ времени далъ возможность г. Ляпидевскому изложить только главнѣйшія основанія пчеловодства, а на практическое ознакомленіе съ нимъ была посвящена всего одна экскурсія.

Для закрѣпленія въ памяти слушателей теоретическихъ свѣдѣній по пчеловодству, полученныхъ ими на лекціяхъ, 22 іюля была предпринята экскурсія въ Харьковское Земледѣльческое Училище. Прибывъ на ферму, курсисты подъ руководствомъ лектора отправились на пасѣку, гдѣ и начался рядъ чтеній съ демонстраціями. Пасѣка расположена въ роскошной аллеѣ тополей и представляетъ весьма живописную картину. Курсисты стали пошире и образовали аудиторію, посреди которой лекторъ демонстрировалъ разнаго рода препараты пчеловодства. Ознакомивши слушателей съ различными системами ульевъ, онъ приступилъ къ разборкѣ наиболѣе характерныхъ изъ нихъ и наглядно показалъ имъ все хозяйство улья. Сами курсисты принимали активное участіе въ занятіи пчеловодствомъ; такъ они выгоняли медъ изъ сотовъ на центробѣжкѣ, сами растапливали воскъ, выдѣлывали искусственную вощину, наващивали рамки.—По свѣдѣніямъ, полученнымъ отъ курсистовъ, не смотря на недостаточность времени, нѣкоторыя изъ нихъ настолько освоились съ курсомъ веденія пчеловодства, что чувствуютъ себя въ состояніи продолжать работу самостоятельно.

Существеннымъ пробѣломъ курсовъ по пчеловодству, организуемыхъ въ разныхъ мѣстахъ, по заявленію лектора, нужно признать еще слѣдующее. Прослушавъ курсъ пчеловодства и обогатившись практическими приѣмами веденія пасѣки, учителя возвращаются домой и беспомощными, и безконтрольными. При всемъ желаніи обзавестись пасѣкой, они весьма нерѣдко не могутъ сдѣлать этого по недостатку средствъ на устройство ульевъ и приобрѣтеніе необходимыхъ приборовъ. Устранить это возможно было-бы въ томъ случаѣ, если бы нѣкоторыхъ наиболѣе усердныхъ курсистовъ въ концѣ учебнаго сезона снабжали ульями и необходимыми принадлежностями пасѣки, хотя въ

небольшомъ количествѣ. Затѣмъ, составивши реестръ будущихъ пчеловодовъ, нужно поручить, кому слѣдуетъ, вести контрольные записи о состояніи вновь организованныхъ пасѣкъ, требуя отъ нихъ краткіе отчеты о веденіи дѣла. Только подъ этимъ условіемъ возможно процвѣтаніе школьныхъ пасѣкъ. Такъ какъ средства для даровой раздачі ульевъ при организаціи курсовъ обыкновенно не ассигнуются, то весьма полезно было бы соединять курсы по пчеловодству съ уроками столярнаго ремесла по производству ульевъ и прочихъ необходимыхъ для пасѣки препаратовъ.

Другимъ предметомъ, введеннымъ въ программу педагогическихъ курсовъ и имѣющимъ не менѣе важное значеніе, является гигиена. Учитель второклассной школы есть въ тоже время и воспитатель, а такъ какъ воспитатель долженъ заботиться о гармоническомъ развитіи души и тѣла ввѣренныхъ ему дѣтей, то естественно, что каждый учитель долженъ быть знакомъ не только съ педагогикой и дидактикой, но и съ гигиеною общей и школьной. Школьная гигиена поставляетъ своей задачей выясненіе тѣхъ физическихъ условій, при которыхъ возможно правильное развитіе организма ребенка и безъ коихъ невозможна разумная постановка самого обученія и воспитанія. Къ сожалѣнію, многіе учителя не обращаютъ должнаго вниманія на эту сторону дѣла, забывая древнюю пословицу, что въ здоровомъ тѣлѣ—здоровый духъ. Конечно, не во всѣхъ случаяхъ учителя могутъ устранить неудобства, нарушающія требованія гигиены; они не могутъ, напримѣръ, устранить вреда, происходящаго отъ дурной постройки зданія. А такъ какъ, по недостатку средствъ, школьные помѣщенія въ большинствѣ случаевъ не соотвѣтствуютъ требованіямъ гигиены, то и требованія школьной гигиены должны быть направлены въ другую сторону, обращая вниманіе не на обстановку, въ которой учащіеся дѣйствуютъ, а на самого ученика, засаженнаго за умственную работу. „Надо поставить ученика, говоритъ д-ръ Виреніусъ, въ такія условія, чтобы онъ въ состояніи былъ не поддаваться вреднымъ вліяніямъ окружающей среды. Надо укрѣпить, закалить его, при помощи развитія присущихъ ему отъ природы силъ и способностей, и доставить ему, въ противовѣсъ всѣмъ неблагоприятнымъ условіямъ окружающей обстановки, средства къ борьбѣ съ ними, къ побѣдѣ надъ ними“.

На эти-то стороны гигиеническихъ требованій въ предѣлахъ 14-ти часовыхъ уроковъ проф. И. П. Скворцовъ и обратилъ вниманіе курсистовъ. Избѣгая излишнихъ подробностей и въ то же время стараясь сообщить слушателямъ по возможности всѣ главнѣйшія стороны дѣла, профессоръ коснулся всего отчасти. Но такъ какъ гигиена не такая наука, чтобы, разъ выслушавъ ее, она могла навсегда остаться въ памяти слушателей, то онъ счелъ необходимымъ лекціи по гигиенѣ изложить въ печати. Въ результатѣ получился довольно объемистый курсъ гигиены въ 26 печатныхъ листовъ. Несомнѣнно, что эта полезная книга должна получить весьма быстрое распространеніе, такъ какъ въ наличной литературѣ нѣтъ подобныхъ общедоступныхъ изданій, тѣмъ болѣе, что самый предметъ науки можетъ возбуждать всеобщій интересъ. Весьма желательно, чтобы книга проф. Скворцова была приобрѣтена въ библіотеки церковныхъ школъ, въ качествѣ пособія для учителей. При несомнѣнныхъ внутреннихъ достоинствахъ изданія, его полнотѣ, общедоступности и послѣдовательности въ изложеніи общихъ и частныхъ сторонъ предмета, „Гигиена“ отличается изящностью и внѣшняго своего вида; она издана на прекрасной бумагѣ, четкимъ шрифтомъ, съ 80-ю рисунками. Предметный указатель, оглавленіе рисунковъ съ показаніемъ страницъ, гдѣ они находятся, даетъ возможность легко и скоро ориентироваться въ системѣ. Трудъ посвящается русскому народному учителю. Книга оценена въ 2 р. 50 к., хотя слушателямъ Харьковскихъ курсовъ она продавалась по 1 р. 50 к., а при оптовой покупкѣ цѣна ея можетъ быть понижена до 2 р. за экземпляръ. Нельзя не остаться благодарнымъ добросовѣстному профессору за его полезную книгу.

Не ограничиваясь теоретическими уроками, демонстрируемыми попутно рисунками университетской библіотеки и скелетами университетскаго музея, профессоръ предложилъ курсистамъ осмотрѣть подъ руководствомъ своего ординатора анатомическій театръ. Такъ какъ въ массѣ слушателей при одномъ руководителѣ трудно было бы ориентироваться въ музеѣ, то курсисты образовали двѣ группы и поочередно осмотрѣли богатый анатомическій театръ. Параллельно съ чтеніями лекцій профессорскій ординаторъ сдѣлалъ нѣсколько опытовъ надъ лягушкою и мышью, съ цѣлью демонстрировать взаимоотношеніе нерв-

ной и мускульной системы, значеніе газовъ для жизни человека и др. Слушатели съ напряженнымъ вниманіемъ и глубокимъ интересомъ относились къ лектору въ продолженіи всѣхъ его чтеній.

Въ видѣ дополнительныхъ занятій для желающихъ были организованы курсы столярно-токарного и переплетнаго мастерства и школа кройки для учительницъ. Не смотря на то, что для занятій означенными ремеслами было назначено послѣобѣденное время, когда учителя должны были отдыхать, явилось 69 челов., желающихъ обучаться ремесламъ, въ томъ числѣ: въ столярно-токарную мастерскую 22 чел., въ переплетную 37 и въ школу кройки 10 учительницъ. Жертвуя отдыхомъ, многіе изъ нихъ занимались мастерствомъ и внѣ обычныхъ уроковъ. Какъ доказательство такого усердія въ столярно-токарномъ дѣлѣ можетъ служить масса изготовленныхъ курсистами вещей: линейки, квадраты, ящики на шипахъ, табуреты, вѣшалки, этажерки, шведскіе щеты, точеные цилиндрики, ножки для табуретъ, полочки для этажерокъ и мп. др.—Курсъ переплетнаго ремесла былъ пройденъ въ 3 недѣли; въ этотъ періодъ курсисты, въ числѣ 22 человекъ, основательно познакомились съ главнѣйшими приѣмами переплетнаго ремесла на простѣйшихъ инструментахъ и перешли къ самостоятельнымъ работамъ, уступивши мѣсто второй очереди курсистовъ, въ количествѣ 15 чел. Въ теченіе всего учебнаго сезона курсистами было переплетено свыше 50 книгъ. Переплетъ отличается прочностью и изяществомъ. Принимая во вниманіе краткость времени, нельзя не отдать предпочтеніе переплетному ремеслу предъ столярнымъ. Даннаго времени вполне достаточно, чтобы выучиться переплетать книги, для знакомства же съ столярно-токарнымъ его недостаточно. Съ другой стороны переплетное ремесло прямо отвѣчаетъ нуждамъ школы. Извѣстно, что въ нашихъ школахъ пропадаетъ свыше 75% учебниковъ и книгъ для внѣкласснаго чтенія именно отъ того, что онѣ скоро изнашиваются въ непереpletенномъ состояніи.

Что касается кройки, то это умѣнье является крайне необходимымъ для всякой хозяйки и матери. Кто не знаетъ, какъ много затрачивается денегъ на заказы самыхъ простыхъ въ домашнемъ обиходѣ костюмовъ; а съ другой стороны, сколько копѣекъ, трудомъ добываемыхъ, останется въ домѣ, въ которомъ хозяйка владѣетъ иглой и ножницами. Женское рукодѣліе, въ виду его

особенной важности, слѣдовало бы признать обязательнымъ предметомъ преподаванія въ женскихъ школахъ.—Школа кройки на курсахъ была открыта вслѣдствіе заявленія самихъ учительницъ, которыя соревнуя учителямъ, обучавшимся ремесламъ, просили о Инспектора курсовъ открыть и для нихъ практическія занятія. Уроки кройки были ежедневно съ 3-хъ до 5 ч. въ теченіе пяти недѣль, кромѣ субботахъ, воскресныхъ и праздничныхъ дней. За это время курсисты прошли программу кройки по системѣ Базаровой.

Для внѣкласснаго чтенія, подъ наблюденіемъ Епархіальнаго наблюдателя, была организована курсовая бібліотека, въ составъ которой вошли частію книги и учебныя руководства, присланныя Уч. Совѣтомъ при Св. Синодѣ, частію выписанныя на спеціальныя средства, согласно программѣ и рекомендаціи лекторовъ. Чтеніе этихъ книгъ въ свободное отъ классныхъ занятій время давало возможность болѣе подробно ознакомиться съ содержаніемъ прочитанныхъ лекцій и восполняло пробѣлы въ знаніяхъ слушателей. Всѣ эти книги были розданы въ полную собственность курсистовъ. Кромѣ того курсисты получили и слѣдующія книги, выписанныя для нихъ по предложенію В. И. Шемякина: 100 брошюръ „Второклассныя школы“ и 100 брошюръ „о значеніи женскихъ второклассныхъ школъ“ Н. И. Полетаева, „Дневникъ учителя“ П. Мироносицкаго. Для пополненія досуга чтеніемъ полезныхъ книгъ Инспекторъ курсовъ предложилъ въ распоряженіе курсистовъ всѣ періодическія изданія, получаемыя въ семинарской бібліотекѣ, а редакторъ „Южнаго Края“ А. А. Іозефовичъ въ продолженіе всего учебнаго сезона бесплатно высылалъ 5 экземпляровъ издаваемой имъ газеты.

Чтобы доставить учителямъ пріятное и полезное развлеченіе, администрація курсовъ, съ благословенія Его Высокопреосвященства, предприняла рядъ экскурсій въ ближайшія и наиболѣе замѣчательныя мѣста Харьковской епархіи. По цѣли своей экскурсіи раздѣляются на двѣ категоріи: однѣ носили научно-учебный характеръ, другія—религіозно-патріотическій. Нужно замѣтить, что во время всѣхъ этихъ прогулокъ курсисты ожив-

лялись и испытывали пріятное отдохновеніе. Особенно это нужно сказать о путешествіи въ Спасовъ скитъ, на мѣсто крушенія Императорскаго поѣзда, въ воскресенье 29 Іюля. Многіе изъ курсистовъ давно жаждали побывать на мѣстѣ чудснаго спасенія Царской Семьи, освященномъ особеннымъ дѣйствіемъ Промысла Божія и только теперь ихъ желаніе увѣнилось успѣхомъ. По дорогѣ одни изъ курсистовъ обозрѣвали богатая окрестности желѣзной дороги, которая въ этомъ мѣстѣ извилиста и живописна; другіе освѣдомлялись о частныхъ обстоятельствахъ самаго крушенія и приводили на память исторію ужасной катастрофы. Поѣздъ остановился въ 1½ верстѣ отъ скита и курсисты прошли это разстояніе пѣшкомъ. Въ монастырѣ они были любезно встрѣчены игуменомъ скита, который предложилъ имъ всевозможныя удобства и услуги по обозрѣнію обители. Сначала была осмотрѣна деревянная церковь, выстроенная вскорѣ послѣ крушенія въ значительномъ разстояніи отъ самой катастрофы. Потомъ курсисты направились въ новый храмъ, гдѣ о. Инспекторомъ была совершена панихида по въ Бозѣ почившемъ Императорѣ Александрѣ III, при пѣніи самихъ курсистовъ. Послѣ этого была осмотрѣна и самая часовня на мѣстѣ катастрофы, и курсисты разошлись по саду для отдыха. Вечернимъ поѣздомъ они возвратились къ обычнымъ занятіямъ.

Въ воскресенье 3 августа была совершена поѣздка въ Куряжскій мужской монастырь на поклоненіе чудотворному образу Озерянской иконы Божіей Матери. Нѣкоторые изъ курсистовъ отправились пѣшкомъ, хористы поѣхали на линейкахъ, а остальная часть отправилась по желѣзной дорогѣ до ст. Рыжовъ. Литургію совершалъ преосв. Петръ, епископъ Сумской, викарій Харьковскій, при пѣніи хора изъ курсистовъ. Пѣніе учительскаго хора привлекло массу молящихся изъ окрестныхъ дачъ.

Во время литургіи преосв. Петръ обратился къ предстоящимъ съ поученіемъ, имѣвшимъ ближайшее отношеніе къ учителямъ. Темою для поученія былъ взятъ текстъ: „кѣждо блюдетъ, како назидаетъ“, заимствованный изъ апостольскаго чтенія, на основаніи котораго проповѣдникъ выразилъ христіанскій взглядъ на дѣло учительства. Указавъ на необходимость

осторожнаго и внимательнаго отношенія къ обязанностямъ учителя, онъ привелъ примѣры двухъ евангельскихъ строителей—одного, который создалъ свой домъ на песокъ, а другаго, который построилъ его на камнѣ. Отъ строительства матеріальнаго проповѣдникъ перешелъ къ строительству нравственному и указалъ на усиленныя заботы правительства и современнаго общества о народномъ образованіи. Одобривши это отрадное явленіе, Владыка выразилъ опасеніе, что не всякое образованіе можетъ быть полезно для народа; образованіе должно быть въ духѣ вѣры и церкви православной и должно цѣниться по своимъ послѣдствіямъ: не тотъ человѣкъ хорошъ, кто грамотѣ умѣетъ, а тотъ, кто чрезъ эту грамоту дѣлается лучше. Необходимо почаще оглядываться назадъ, обращаться къ старинѣ и отъ нея брать уроки всему хорошему. Можно ли радоваться тому, что божественная книга Евангелія, благодаря развитію грамотности, имѣетъ у насъ широкое распространеніе по дешевой цѣнѣ и въ то же время мало читается, мало почитается или же грубо извращается нашими сектантами. А между тѣмъ недалеко то доброе старое время, когда въ благочестивой семьѣ грамотный читалъ Евангеліе, а остальные члены семьи съ благоговѣйнымъ вниманіемъ окружали его и въ простотѣ сердца проникались его истинами. Не гордитесь званіемъ учителя, а дѣйствуйте въ простотѣ и духѣ евангельскаго ученія во благо Церкви и отечества, закончилъ свою рѣчь Преосвященный.—По окончаніи литургіи курсисты ходили въ покои Владыки для полученія благословенія.

Въ цѣляхъ учебныхъ курсистами разновременно было принято нѣсколько экскурсій. Кромѣ экскурсіи, о которыхъ была рѣчь выше—въ садъ Грикке, на сельско-хозяйственную ферму, въ анатомическій театръ, курсисты посѣтили городскую бесплатную читальню, метеорологическую станцію, зоологическій музей и музей изящныхъ искусствъ; сверхъ того музей шелководства и храмы г. Харькова курсисты обозрѣвали по частямъ. Особенно поучительною нужно признать экскурсію въ Университетскій садъ для обозрѣнія метеорологической станціи. Посѣщеніе было сдѣлано по предложенію проф. Скворцова, который счелъ необходимымъ ознакомить съ ея устройствомъ учителей на томъ соображеніи, что къ учителямъ чаще

всего обращаются за метеорологическими свѣдѣніями. Нѣкоторые изъ курсистовъ съ цѣлью наблюденія за небесными свѣтилами посѣтили станцію вечеромъ.

Со времени открытія курсовъ въ зданіе семинаріи прибывало не мало почетныхъ гостей и лицъ, ревнующихъ о народномъ образованіи. Въ день празднества Казанской Иконы Божіей Матери восьмого іюля учительскіе курсы осчастливилъ своимъ посѣщеніемъ Высокопреосвященнѣйшій Амвросій, Архіепископъ Харьковскій и Ахтырскій. Курсисты неоднократно выражали желаніе видѣть Владыку, присутствовать при его служеніи и слышать пѣніе архіерейскаго хора. Узнавъ объ этомъ, Владыка изъявилъ желаніе совершить въ семинарскомъ храмѣ торжественное богослуженіе. Въ совершеніи литургіи, помимо мѣстнаго духовенства, приняли участіе: Инспекторъ курсовъ прот. І. Знаменскій, Ахтырскій уѣздный наблюдатель и другіе. Пѣлъ хоръ архіерейскихъ пѣвчихъ. Во время причащенія священнослужащихъ проф. богословія прот. Т. Буткевичъ произнесъ слово Высокопреосвященнаго Амвросія „о необходимости для православнаго христіанина участвовать въ церковной жизни, чтобы сохранить въ душѣ своей вѣру“. Это новое слово достославнаго витіи дышетъ тою же глубиною мудрости и блескомъ краснорѣчія, какъ и всѣ другія слова этого оратора. Глубокое пониманіе Свящ. Писанія и современной жизни, тонкій анализъ душевнаго и духовнаго человѣка, логическая убѣдительность сообщаютъ его слову неотразимое вліяніе на слушателей. Со стороны своего содержанія слово весьма цѣнно для уясненія истинной постановки образованія народа въ духѣ вѣры и церкви христіанской *). По желанію Владыки слово было роздано курсистамъ на память объ ихъ пребываніи въ г. Харьковѣ и въ руководство дальнѣйшей жизни и дѣятельности.

Изъ церкви Владыка направился въ квартиру о. Ректора Семинаріи, гдѣ былъ сервированъ чай, послѣ котораго онъ распрощался съ курсистами.

Другимъ почетнымъ гостемъ былъ В. И. Шемякинъ, пробывшій на курсахъ въ продолженіи трехъ дней. Время пребыванія Василя Ивановича въ г. Харьковѣ было наполнено по-

*) См. „Вѣра и Разумъ“ кн. 15.

стоянными бесѣдами то съ членами Распорядительной Коммисіи, то съ курсистами, которые представлялись ему по епархіямъ, то, наконецъ, съ Епархіальнымъ Училищнымъ Совѣтомъ въ полномъ составѣ наличныхъ его членовъ. 27 іюня въ зданіи д. консисторіи, по предложенію Василя Ивановича, было устроено засѣданіе Совѣта для обсужденія вопросовъ, касающихся благоустройства церковныхъ школъ. Въ ряду вопросовъ, подвергшихся обсужденію, на первый планъ были поставлены вопросы объ организаціи и веденіи учительскихъ курсовъ, объ обезпеченіи церковныхъ школъ, объ отношеніи свѣтской и духовной сторонъ къ дѣлу народнаго образованія и въ частности къ церковной школь и др. Одновременно съ В. И. Шемякинымъ курсы посѣтилъ попечитель Харьковскаго Учебнаго Округа д. с. с. И. П. Хрущовъ. Далѣе курсы посѣтили: Директоръ Харьковскаго Земледѣльческаго Училища д. с. с. А. А. Колесовъ, епархіальные наблюдатели—Пензенскій, Полтавскій, Воронежскій, уѣздные наблюдатели—Богучарскій Воронежской губ., слушавшій курсы въ теченіе двухъ недѣль, Ставропольскій и Мелитопольскій Таврической губ., всѣ уѣздные наблюдатели Харьковской губ. кромѣ Купянскаго и Волчанскаго, инспектора народныхъ школъ, земскіе начальники, представители мѣстной прессы и масса постороннихъ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ.

Краткій очеркъ состоянія учительскихъ курсовъ и объективный взглядъ на ихъ дѣйствительное значеніе приводитъ насъ къ убѣжденію, что центральное церковно-школьное управленіе, поставивши себѣ широкую задачу въ дѣлѣ реорганизаціи народнаго образованія, дѣйствуетъ съ вѣрнымъ расчетомъ въ достиженіи своихъ цѣлей. Сорокъ курсовъ и пять тысячъ учителей, захватывая собою широкую территорію, не могутъ пройти безслѣдно и не внести въ народную школу того настроенія и тѣхъ взглядовъ на воспитаніе въ духѣ вѣры и Церкви православной, какія здѣсь имъ были преподавы.

Что касается учительскихъ курсовъ въ г. Харьковѣ, то они въ особенности должны гарантировать блестящій успѣхъ задуманнаго дѣла. Присланные сюда учителя и учительницы собрались не по принужденію, а добровольно, съ жаждою познаній и съ среднимъ образовательнымъ цензомъ. Серьезность,

выносливость, сознательное отношеніе къ ходу учебнаго дѣла и живой интересъ ко всякаго рода новымъ знаніямъ—характерныя особенности большинства слушателей — курсистовъ. Нѣкоторые изъ нихъ, какъ напр. пензенскіе, въ особенности выдѣлялись своимъ благонаравіемъ, скромностью и объективнымъ отношеніемъ къ дѣлу; то же слѣдуетъ сказать и о дѣвицахъ—учительницахъ. По всему видно, что они явились съ серьезными цѣлями и готовы мириться со всякаго рода невзгодами. Степенные донцы, добросовѣстные харьковцы и трудолюбивые тавричане также были достойны своего учительскаго званія и педагогическаго призванія. Естественно ожидать, что такіе работники вынесутъ изъ курсовъ много добраго и полезнаго, сдѣлаютъ богатый вкладъ въ область педагогическихъ знаній и учительскаго опыта. Не только въ аудиторіи, гдѣ они усердно слушали своихъ лекторовъ, вели подробные конспекты ихъ чтеній, составляли свои дневники и отчеты для епархіальныхъ наблюдателей, гдѣ они въ нѣкоторомъ родѣ невольно обогащались знаніями, но и внѣ аудиторіи они находились въ благопріятныхъ условіяхъ педагогическаго образованія. Каждый изъ учителей явился сюда съ извѣстнымъ запасомъ педагогическаго опыта и, естественно, дѣлился съ другими своими мыслями и впечатлѣніями. Путемъ такого взаимнаго обмѣна мыслей и обсужденія лекцій, путемъ непрерывныхъ бесѣдъ по поводу разныхъ предметовъ, лицъ и идей, касающихся школы, они освѣжали и исправляли свои воззрѣнія, раскрывали сообща условія учительской дѣятельности и приходили къ общимъ выводамъ о способахъ и направленіи, духѣ и нормальныхъ условіяхъ учительскаго труда. Намъ весьма нерѣдко приходилось быть свидѣтелемъ непрерывныхъ споровъ, среди нихъ возбуждавшихся, по разнымъ вопросамъ, касающимся второклассныхъ школъ. Второклассная школа—школа новая, еще не успѣвшая выработать опредѣленныхъ задачъ, средствъ и условій своей дѣятельности, не успѣвшая формально и матеріально опредѣлить условій своего существованія; поэтому весьма понятно, почему она и была предметомъ живѣйшихъ бесѣдъ среди учителей. Распредѣленіе обязанностей между учителями во второклассной школѣ, отношеніе къ нимъ законоучителя, распре-

дѣленіе учебнаго матеріала по днямъ и годамъ, постановка хора во второклассной школѣ, классная и предметная система преподаванія, учебныя руководства, ремесленныя занятія, лѣтнія занятія, общежитіе и т. п. темы служили матеріаломъ для постоянныхъ оживленныхъ бесѣдъ среди курсистовъ. Связанные единствомъ взглядовъ и убѣжденій, они и разбѣхавшись не будутъ думать, что они одинокіе въ своихъ глухихъ деревняхъ, что у нихъ, учителей и учительницъ, есть не мало общаго во взглядахъ, въ жизни, трудѣ и идеалахъ...

Не мало помогли успѣху дѣла и благопріятныя внѣшнія условія. Обширныя свѣтлыя помѣщенія, дачный воздухъ на горѣ, внѣ города, сады и обширная левада для прогулокъ, здоровый столъ, баня—все это какъ нельзя болѣе располагало трудиться и поддерживать энергію курсистовъ въ лѣтнюю жару. Ректоръ Семинаріи, заботясь первѣе всего объ интересахъ слушателей, употреблялъ всѣ усилія къ тому, чтобы обставить ихъ возможно удобнѣе въ матеріальномъ и учебно-педагогическомъ отношеніи. Семинарская бібліотека, физическій кабинетъ, музыкальные инструменты, принадлежности классовъ и др.— все это онъ предлагалъ въ распоряженіе курсистовъ, если замѣчалъ ихъ усердіе въ трудѣ.

Не удивительно поэтому, что и общественное мнѣніе благопріятно отнеслось къ учрежденію учительскихъ курсовъ въ г. Харьковѣ. Мѣстная печать своевременно и непрерывно знакомила общество съ наиболѣе выдающимися сторонами внѣшняго и внутренняго состоянія курсовъ, объективно и безпристрастно оцѣнивая это отрадное явленіе въ исторіи начальнаго народнаго образованія.

Дай Богъ, чтобы этотъ первый опытъ устройства учительскихъ курсовъ въ г. Харьковѣ, во многомъ оправдавшій возлагаемыя на нихъ надежды, положенъ былъ въ основу дальнѣйшаго образованія учителей церковныхъ школъ на пользу нашего русскаго православнаго народа.

В. Давыденко.

СПИСОКЪ

Слушателей и слушательницъ педагогическихъ курсовъ въ г. Харьковѣ.

Воронежской епархіи. Абрамовъ Иванъ. Бавовъ Василій. Завьяловъ Николай. Зайцевъ Николай. Ивановъ Виталій. Кармановъ Симонъ (діаконъ). Поповъ Василій. Поповъ Георгій. Поповъ Петръ. Самецкій Иванъ. Чуевъ Василій. Оедоровъ Василій. Свѣтозаровъ Леонтій. Складовская Елена. Львова Марія. Наумова Любовь. Землянская Марія. Свѣташова Александра.

Донской епархіи. Аенасьевъ Оедоръ. Васильевъ Иванъ. Вилковъ Григорій. Гречко Николай. Емельяновъ Николай. Ивлиевъ Иванъ. Клавсуцъ Иванъ. Ковалевъ Иванъ. Кожинъ Василій. Кузьминъ Оедоръ. Михеевъ Николай. Молчановъ Стефанъ. Секретевъ Михаилъ. Сѣроштановъ Михаилъ. Ульяновъ Петръ. Дукмасовъ Иванъ. Кирѣевъ Николай.

Пензенской епархіи. Виноградовъ Константинъ. Голубевъ Павелъ. Гуляевъ Оедоръ. Каменскій Василій. Киселевъ Василій. Ключаревъ Василій. Макаровъ Петръ. Масловскій Алексій. Масловъ Михаилъ. Никитинъ Павелъ. Офицеровъ Викторъ. Саввинъ Сергій. Соколовъ Оедоръ. Тонитровъ Викторъ. Цереринъ Алексій. Юницкій Борисъ.

Ставропольской епархіи. Винниковъ Константинъ. Гладышевскій Антоній. Гришаевъ Иванъ. Мищенко Анатолий. Мухинъ Василій. Діаконъ Мурзинъ Григорій. Назаровъ Стефанъ. Парадіевъ Василій. Діаконъ Темпревскій Іоаннъ. Ооменко Александръ. Богатырева Антонина. Груздева Марія.

Таврической епархіи. Власовъ Данилъ. Олтаржевскій Николай. Русавевичъ Георгій. Сурмели Иванъ. Демьянова Елена. Демьянова Софія. Саулова Лидія.

Харьковской епархіи. Весютинъ Іосифъ. Войтенко Владиміръ. Власовъ Макарій. Захарьевъ Николай. Карташевъ Матеей. Кушнаренко Иванъ. Ковалевскій Александръ. Коцаревъ Яковъ. Навродскій Григорій. Поповъ Оеоктистъ. Петрусенко Прокопій. Приходинъ Филиппъ. Посельскій Андрей. Строновскій Павелъ. Толмачевъ Иванъ. Феневъ Павелъ. Чебановъ Яковъ. Чугаевъ Сергій. Христіановскій Иванъ. Ястремскій Оеофилъ. Ястремскій Сергій. Басовъ Димитрій. Иссовъ Николай.

Списокъ курсистовъ, изучавшихъ ремесло столярное.

Воронежской епархіи. Поповъ Георгій.

Донской епархіи. Кузьминъ Оедоръ. Клавсуцъ Иванъ. Молчановъ Стефанъ. Кузьминъ Василій.

Пензенской епархіи. Саввинъ Сергій. Никитинъ Павелъ. Соко-

ловъ Ѳеодоръ. Виноградовъ Константинъ. Ключаревъ Василій. Киселевъ Василій. Офицеровъ Викторъ.

Ставропольской епархіи. Винниковъ Константинъ.

Таврической епархіи. Олтаржевскій Николай.

Харьковской епархіи. Толмачевъ Иванъ. Войтенко Владиміръ. Стрновскій Павелъ. Посельскій Андрей. Чабановъ Яковъ. Ястремскій Теофилъ.

Списокъ курсистовъ изучавшихъ ремесло токарное.

Воронежской епархіи. Абрамовъ. Поповъ. Георгій Ивановъ.

Донской епархіи. Кулькинъ Ѳеодоръ. Клавсуцъ Иванъ. Ковалевъ Иванъ.

Пензенской епархіи. Голубевъ Павелъ. Макаровъ Петръ. Масловскій Алексѣй.

Таврической епархіи. Власовъ Данилъ.

Харьковской епархіи. Петрусенко Прокопій. Вайтенко Владиміръ. Христіановскій Иванъ. Приходниъ Филипъ. Поповъ Ѳеоктистъ.

Списокъ курсистовъ, обучавшихся переплетному мастерству.

I-я группа по 20 Іюля.

Кулькинъ Ѳеодоръ Дон., Власовъ Данилъ Тавр., Никитинъ Павелъ Пенз., Ключаревъ Василій Пенз., Олтаржевскій Николай Тавр., Масловскій Алексѣй Пенз., Кузьминъ Василій Донск., Виноградовъ Константинъ Пенз., Зайцевъ Николай Ворон., Басовъ Дмитрій Харьк., Власовъ Макарій Харьк., Поповъ Василій Ворон., Поповъ Георгій Ворон., Каменскій Василій Пенз., Христіановскій Иванъ Харьк., Винниковъ Константинъ Ставр., Ѳеодоровъ Василій Ворон., Офицеровъ В. Пенз., Васютинъ Іосифъ Харьк., Макаровъ Петръ Пенз., Цареринъ Алексѣй Пенз., Абрамовъ Иванъ Ворон.

II-я группа съ 20 Іюля.

Ѳоменко Алекс. Ставр., Вилковъ Григорій Донск., Масловъ Мих. Пенз., Коцаревъ Яковъ Харьк., Ястремскій Теофилъ Харьк., Чебановъ Яковъ Харьк., Иссовъ Николай Харьк., Петрусенко Прокофій Харьк., Толмачевъ Иванъ Харьк., Поповъ Ѳеоктистъ Харьк., Парадіевъ Василій Ставр., Тонитровъ Викт. Пенз., Назаровъ Стеф. Ставр., Посельскій Андрей Харьк., Завьяловъ Ник. Ворон.

Учащіеся игрѣ на скрипкѣ: Макаровъ Петръ (Пенз. еп.). Офицеровъ Викторъ (Пенз. еп.). Саввинъ Сергѣй (Пенз. еп.). Никитинъ Павелъ (Пенз. еп.). Виноградовъ Константинъ (Пенз. еп.). Ивлиевъ Иванъ (Донской еп.). Мурзинъ Григорій (Ставроп. еп.). Поповъ Георгій (Воронежск. еп.). Землянская Марія (Воронежск. еп.). Львова Марія (Воронежск. еп.). Коцаревъ Яковъ (Харьков. еп.). Демьянова Софья (Таврическ. еп.).

МАГАЗИНЫ
 МАНУФАКТУРНЫХЪ И СУКОННЫХЪ ТОВАРОВЪ
М. В. ЕМЕЛЬЯНОВА

ВЪ ХАРЬКОВѢ,

Телефонъ въ оба магазина №. 442.

1-й Ключковская улица близъ Бурсы, 2-й Уголь Екатеринославской улицы, и Набережной, 3-й въ г. Бѣлгородѣ, уголь Соборной и Шоссейной улицъ.

Всѣ получаемыя новости продаются по цѣнѣ прилагаемаго Прейсъ-Куранта и дороже.

Краткій Прейсъ-Курантъ.

Драпъ модный отъ . . .	1 р. 40 к.		Бумазея разн. рис. отъ . . .	— р. 9 к.
„ плюшь „ . . .	1 „ 25 „		„ модная „ . . .	— „ 11 ¹ / ₂ „
Касторъ „ . . .	1 „ 60 „		Ситцы разн. рис. „ . . .	— „ 5 „
Плюшь шерстяной отъ . . .	2 „ 40 „		Женарды и жеконеты . . .	— „ 10 „
„ шелковый „ . . .	1 „ 25 „		Сатины отъ . . .	— „ 18 „
Сукно черное и цвѣт. отъ . . .	— „ 78 „		Батисты „ . . .	— „ 10 „
Трико двойной шир. „ . . .	— „ 23 „		Муслины „ . . .	— „ 8 ¹ / ₂ „
„ зимнее „ . . .	— „ 65 „		Трико бумажное отъ . . .	— „ 6 „
Шевіотъ модный „ . . .	— „ 28 „		Тюль гардинный „ . . .	— „ 10 „
Отрѣзы брюкъ „ . . .	1 „ 23 „		Мебельныя матер. „ . . .	— „ 20 „
Шелковыя матеріи „ . . .	— „ 25 „		Ковры „ . . .	— „ 27 „
Шерстяныя „ . . .	— „ 10 „		Дорожки „ . . .	— „ 12 ¹ / ₂ „
Кашемиръ цвѣтвой „ . . .	— „ 12 „		Скатерти „ . . .	— „ 30 „
Чесуча настоящ. кит. „ . . .	— „ 29 „		Одѣла теплыя „ . . .	1 „ 85 „
Полотна львыя „ . . .	— „ 10 „		Платки суконныя „ . . .	— „ 35 „
„ бумажныя „ . . .	— „ 8 ¹ / ₂ „		„ бумажныя „ . . .	— „ 2 ¹ / ₂ „

ДЕШЕВО И ХОРОШО.

Имѣются въ большомъ выборѣ Суконныя, Шелковыя, Шерстяныя, Бумажныя и Пенъковыя товары модныхъ новѣйшихъ тканей и рисунковъ, а также для всѣхъ высшихъ и низшихъ учебныхъ заведеній и лицъ духовнаго званія

ЦѢНЫ БЕЗЪ ЗАПРОСА.

ПРОДАЖА ПРОИЗВОДИТСЯ ОПТОМЪ И ВЪ РОЗНИЦУ.

За доброкачественность товара и дешевизну цѣнъ ручаюсь.

М. В. Емельяновъ.

ОРИГИНАЛЬНЫЙ КАЛЕНДАРЬ

на 2,200 ЛѢТЪ.

Только что вышло въ свѣтъ новое изобрѣтеніе Дч. М. Глубоковского: „Указатель дней недѣли“, замѣняющій собою календарь за время отъ Рожд. Христ. до 2,200 года, по обоимъ стилямъ.

Вотъ отзывъ органа С.П.Б. Духовной Академіи Церковнаго Вѣстника (1897 г., № 22, отъ 29 мая, стр. 704—705): Въ послѣднее время много и усиленно занимаются вопросомъ о календарѣ; но свѣдѣнія по этому предмету, видимо не тверды настолько, что и свѣдущіе люди ошибаются... Поэтому, всегда и всячески полезное, вышеназванное изданіе является особенно желаннымъ, тѣмъ болѣе, что оно отличается чрезвычайными достоинствами.

Авторъ имѣетъ въ виду облегчить хронологическія справки, сдѣлать ихъ быстрыми, легкими и безошибочными и достигаетъ всего этого съ замѣчательнымъ успѣхомъ. Прежде всего, весь матеріалъ умѣщенъ на одномъ цвѣтномъ, прекрасно отпечатанномъ листѣ, наклеенномъ на плотный картонъ. На немъ ряды цифръ (для сотенъ и десятковъ годовъ, для чиселъ мѣсяцевъ и самые мѣсяцы) въ клеткахъ концовъ четвероконечнаго креста и въ срединѣ его вращающійся кружокъ (съ обозначеніемъ дней недѣли): стоятъ повернуть его дважды (по самому простому способу, растолкованному авторомъ), — и у васъ прямо получается опредѣленный отвѣтъ. Тутъ не требуется ни вычисленій, ни даже предварительныхъ знаній (кромѣ умѣнья разбирать печатныя цифры и буквы) и все совершается съ механическою моментальностью. Однако, справки всегда бываютъ безошибочно точны, ибо „Указатель“ построенъ по безспорной математически-хронологической системѣ. Что касается объема его дѣйствій, то онъ простирается и на старыя и на новыя стили, и на простые, и на високосные годы, различіе коихъ отмѣчается съ тою же наглядностію. Во всѣхъ этихъ направленіяхъ и приложеніяхъ можно производить прямыя дѣйствія (узнавая по числу мѣсяца въ году день недѣли) и обратныя (находя по дню мѣсяца въ году или по дню въ году нужныя числа), и совершать многія иныя хронологическія операціи и комбинаціи. Справки отличаются еще тѣмъ, что Указатель устроенъ чрезвычайно удобно, такъ что даже для вращенія кружка приспособлена шелковая лента, а весь онъ можетъ быть поставленъ на столѣ или повѣшенъ на стѣнѣ и будетъ хорошимъ украшеніемъ для всякаго, — и дѣловаго, и изыскаго, кабинета... Польза и всеобщая пригодность этого Указателя совершенно очевидны, и мы напомнимъ только, что онъ избавляетъ духовенство отъ массы непродуцательнаго труда и даетъ ему въ руки вѣрное ручательство безошибочности всякихъ вычисленій съ выигрышемъ во времени... Равнымъ образомъ, онъ безусловно пригоденъ для школъ и т. д. Мы сами провѣряли абсолютную точность всѣхъ показаній разсматриваемаго календаря и можемъ рекомендовать его категорически. (Церк. Вѣстн. № 22).

Московскія Вѣдомости (№ 138, отъ 21 мая) въ заключеніе лестнаго отзыва объ Указателѣ дней недѣли, дающаго возможность простымъ поворотомъ круга безъ всякихъ вычисленій, узнавать въ точности, на какой день недѣли приходится какое либо число года, пишутъ: Чрезвычайная простота и практичность Указателя служатъ достаточнымъ ручательствомъ успѣха этого полезнаго въ домашнемъ обиходѣ изданія.

„Указатель дней недѣли“ стоятъ съ пересылкой въ папкѣ одинъ рубль.

Адресовать требованія: Москва. Журналу „Дѣло“ (Самотецкая Садовая, домъ № 245).

Тамъ же можно получить и Стѣнной Указатель Погоды (высылается за три 7 коп. почт. марки).

При этомъ № прилагается объявленіе Матвѣева эфедра трава Кузьмича.

Журналъ „ВѢРА и РАЗУМЪ“ издается съ 1884 года; за всѣ истекшіе годы въ журналѣ помѣщены были, между прочимъ, слѣдующія статьи:

Произведенія Высокопреосвященнаго Амвросія, Архіепископа Харьковскаго, какъ-то: „Живое Слово“, „О причинахъ отчужденія отъ Церкви нашего образованнаго общества“, „О религіозномъ сектанствѣ въ нашемъ образованномъ обществѣ“; кромѣ того пастырскія воззванія и увѣщанія православнымъ христіанамъ Харьковской епархіи, слова и рѣчи на разные случаи и проч. Произведенія другихъ писателей, какъ-то: „Какъ всего проще и удобнѣе научиться вѣровать?“ Собесѣдованія прот. А. Хойнацкаго.—„Петербургскій періодъ проповѣднической дѣятельности Филарета, митроп. Московскаго“, „Московскій періодъ проповѣднической дѣятельности его же“. И. Корсунскаго.—„Религіозно-нравственное развитіе Императора Александра I-го и идея священнаго союза“. Профес. В. Надлера.—„Архіепископъ Иннокентій Борисовъ“. Библиографическій очеркъ. Свящ. Т. Буткевича.—„Протестантская мысль о свободномъ и независимомъ пониманіи Слова Божія“. Т. Стоянова.—Многія статьи о Владиміра Гетте въ переводѣ съ французскаго языка на русскій, въ числѣ коихъ помѣщено „Изложеніе ученія католической православной Церкви, съ указаніемъ разностей, которыя усматриваются въ другихъ церквахъ христіанскихъ“.—„Графъ Левъ Николаевичъ Толстой“. Критическій разборъ проф. М. Остроумова.—„Образованные евреи въ своихъ отношеніяхъ къ христіанству“. Т. Стоянова.—„Церковно-религіозное состояніе Запада и вселенская Церковь“: Свящ. Т. Буткевича.—„Западная средневѣковая мистика и отношеніе ея къ католичеству“. Историческое изслѣдованіе А. Вертеловскаго.—„Язычество и іудейство во времени земной жизни Господа нашего Иисуса Христа.“ Свящ. Т. Буткевича.—Статьи „о штундистахъ“. А. Шугаевского.—„Имѣютъ-ли каноническія или общеправовыя основанія притязанія мірянъ на управленіе церковными имуществомъ?“ В. Ковалевскаго.—„Основныя задачи нашей народной школы“. К. Истомина.—„Принципы государственнаго и церковнаго права“. Проф. М. Остроумова.—„Современная апологія талмуда и талмудистовъ“. Т. Стоянова.—„О славянскомъ языкѣ въ церковномъ богослуженіи“. А. Струникова.—„Теософическое общество и современная теософія“. Н. Глубоковскаго.—„Очеркъ современной умственной жизни“. А. Бѣляева.—„Очерки русской церковной и общественной жизни“. А. Рождественнаго.—„О церковныхъ плодоприношеніяхъ“. Н. Протопопова.—„Вторая книга „Исходъ“ въ переводѣ и съ объясненіями“. Проф. П. Горскаго—Платонова.—„Очеркъ православнаго церковнаго права“. Проф. М. Остроумова.—„Художественный натурализмъ въ области библейскихъ повѣствованій“. Т. Стоянова.—„О покоѣ воскреснаго дня“. Доцента А. Бѣляева.—„Мысли о воспитаніи въ духѣ православія и народности“. Шестакова.—„Нагорная проповѣдь“. Свящ. Т. Буткевича.—„О славянскомъ Богослуженіи на Западѣ“. К. Истомина.—„Ученіе Стефана Яворскаго и Теофана Прокоповича о свящ. Преданіи“ М. Савкевича.—„О православной и протестантской проповѣднической импровизаціи“. К. Истомина.—„Отношеніе раскола къ государству“. О. Г. С.—„Ультрамонтанское движеніе въ XIX столѣтіи до Ватиканскаго собора (1869—70 г.г.) включительно“. Свящ. І. Арсеньева.—„Замѣтки о церковной жизни за-границей“. А. К.—„Сущность христіанской нравственности въ отличіи ея отъ моральной философіи графа Л. Н. Толстого“. Свящ. І. Филевскаго.—„Историческій очеркъ единовѣрія“. П. Смирнова.—„Ученіе Канта о Церкви“. А. Кириловича.—„Православленъ-ли intercom-munion, предлагаемый намъ старокатоликами“. Прот. Е. К. Смирнова.—„Разборъ протестантскаго ученія о крещеніи дѣтей—съ догматической точки зрѣнія“. Прот. А. Мартынова и проч.

Въ философскомъ отдѣлѣ журнала помѣщены статьи профессоровъ Академіи в Университета: А. Введенскаго, А. Зеленогорскаго, В. Кудрявцева, П. Линицкаго, М. Остроумова, В. Снегирева, П. Соколова и другихъ. А также въ журналѣ помѣщаются были переводы философскихъ произведеній Сенеки, Лейбница, Канта, Каро, Жана и многихъ другихъ философовъ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ

СВѢДѢНІЯ ДЛЯ ГГ. СОТРУДНИКОВЪ И ПОДПИСЧИКОВЪ.

Адресы лицъ, доставляющихъ въ редакцію „Вѣра и Разумъ“ свои сочиненія, должны быть точно обозначаемы, а равно и тѣ условія, на которыхъ право печатанія получаемыхъ редакціею литературныхъ произведеній можетъ быть ей уступлено.

Обратная отсылка рукописей по почтѣ производится лишь по предварительной уплатѣ редакціи издержекъ деньгами или марками.

Значительныя измѣненія и соображенія въ статьяхъ производятся по соглашенію съ авторами.

Жалоба на не полученіе какой-либо книжки журнала препровождается въ редакцію съ обозначеніемъ напечатаннаго на адресѣ нумера и съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстной почтовой конторы въ томъ, что книжка журнала дѣйствительно не была получена конторою. Жалобу на не полученіе какой-либо книжки журнала просимъ заявлять редакціи не позже, какъ по истеченіи мѣсяца со времени выхода книжки въ свѣтъ.

О перемѣнѣ адреса редакція извѣщается своевременно, при чемъ слѣдуетъ обозначать, напечатанный въ прежнемъ адресѣ, нумеръ.

Посылки, письма, деньги и вообще всякую корреспонденцію редакція проситъ высылать по слѣдующему адресу: въ г. Харьковъ, въ зданіе Харьковской Духовной Семинаріи, въ редакцію журнала „Вѣра и Разумъ“.

Контора редакціи открыта ежедневно отъ 8-ми до 3-хъ часовъ пополудни; въ это-же время возможны и личныя объясненія по дѣламъ редакціи.

 Редакція считаетъ необходимымъ предупредить гг. своихъ подписчиковъ, чтобы они до конца года не переплетали своихъ книжекъ журнала, такъ какъ при окончаніи года, съ отсылкою послѣдней книжки, имъ будутъ высланы для каждой части журнала особыя заглавные листы, съ точнымъ обозначеніемъ статей и страницъ.

Объявленія принимаются за строку или мѣсто строки, за одинъ разъ 30 к., за два раза 40 к., за три раза 50 к.

Редакторъ, Ректоръ Семинаріи,
Протоіерей Іоаннъ Знаменскій.